

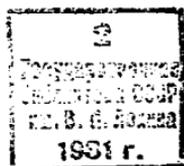
В.Р.Лейкина-Свирская

**РУССКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
в 1900-1917 годах**

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1981

63.3(2)52
Л 42

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

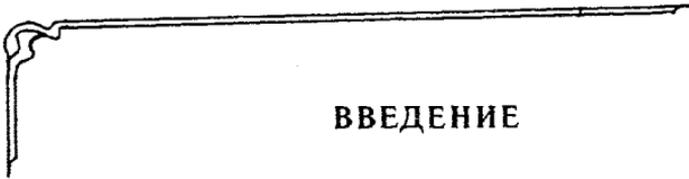
Рецензент
К. Н. ТАРНОВСКИЙ, кандидат исторических наук

2004175072

Л $\frac{10604-088}{004(01)-81}$ 44-81. 0505020000

© Издательство «Мысль». 1981

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга непосредственно продолжает монографию «Интеллигенция в России во второй половине XIX века», опубликованную издательством «Мысль» в 1971 г. История интеллигенции, разнородного социального слоя в капиталистической России, не получила монографической разработки в советской литературе. Но эта задача не менее актуальна, чем изучение истории основных общественных классов страны.

Наше исследование охватывает такие вопросы, как подготовка образованных кадров, складывание и численность основных профессиональных групп, социальные и материальные условия их труда, ориентация и участие интеллигенции в общественно-политической борьбе своего времени; освещаются также попытки создания собственных профессиональных организаций. Освещение этих вопросов, как нам представляется, должно облегчить построение исторического фундамента в изучении социального слоя советской интеллигенции и установлении ее преемственных связей с интеллигенцией дореволюционной России.

Социальным критерием в изучении интеллигенции для нас служит ее профессиональная трудовая деятельность в пределах определенных функций, исторически обусловленных и расширяющихся по мере культурного развития общества. В функциях, осуществляемых интеллигенцией, — а в основном они состоят в работе для народного просвещения и здравоохранения, в исследовательской деятельности в области науки и ее технической практики, в отражении жизни в литературе и искусстве и т. д. — непосредственно отражается реальный культурный уровень страны.

В настоящую книгу включены главы о художественно-артистической интеллигенции, отсутствовавшие в упомянутой монографии. В этих главах (5-й и 6-й) мы

отступаем вглубь от хронологических рамок XX в., чтобы их содержание соответствовало остальным главам, опирающимся на предшествующий материал XIX в.

1900—1917 годы были периодом назревания и подготовки буржуазно-демократической революции в России. Первая народная революция стоит в центре эпохи. В главах о профессиональных группах интеллигенции мы стремились отразить их попытки политического самоопределения. В главе 7-й, посвященной участию интеллигенции в революционной борьбе, особое внимание уделено мало изученному опыту консолидации разных групп интеллигенции — Союзу союзов 1905 года.

В книге использованы документы Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОРБЛ), Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (РОПБ).

1. РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Промышленный подъем в России с середины 90-х годов, появление новых центров тяжелой индустрии и крупных капиталистических монополий, рост больших городов и численности промышленного пролетариата — все эти процессы постепенно изменяли социальную структуру страны, ее общественный быт, ее культурное обличье. Формирование профессиональных групп интеллигенции в этот период определялось повысившимся спросом на интеллектуальный труд, что вызвало появление новых высших учебных заведений. Отношение общества к высшему образованию изменялось: в нем стали видеть не только ступень для личной карьеры, но и мощное орудие общественного прогресса. «Высшая школа есть орудие в мировой борьбе за существование, более сильное, чем дредноуты», — писал академик В. И. Вернадский в 1914 г.¹

Крайне обострились противоречия в области развития высшего образования. Царское правительство вынуждено было расширять сеть высших учебных заведений, недостаточную для нужд огромной страны, но одновременно ограничивало и тормозило их появление. На новые университеты постоянно не хватало средств.

Когда появилась возможность использовать неистраченный бюджет Варшавского университета, остававшегося закрытым в 1905—1907 гг., десять городов добивались разрешения на постройку у них университета, предлагая свои дополнительные средства Министерству народного просвещения. Городская дума Саратова, одержавшая победу в этом соревновании, получила в 1909 г. право открыть университет, но всего с одним, медицинским факультетом².

В 1913 г. еще ни один из проектов, которые выдвигались общественностью, не был осуществлен: не было ву-

зов в Тифлисе, Вильно, Самаре, Воронеже, Омске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Иркутске, Полтаве и других добывавшихся этого городах. Эвакуация во время войны нескольких вузов с западных окраин в центральную часть России была, можно сказать, даром судьбы для тех городов, в которые они попали.

Правительство задерживало предоставление статуса высшего учебного заведения высококвалифицированным институтам. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения продолжали существовать по устаревшим штатам и бюджетам реакционного устава 1884 г. Объявленная 27 августа 1905 г. автономия высшей школы была быстро «разъяснена» Сенатом в 1909 г., а новый устав, то вносившийся в Государственную думу, то отбирившийся назад, лишавший университеты средств на научную работу, так и не был поставлен на обсуждение. Высшая школа стала ареной массовых расправ правительства с протестующим студенчеством и либеральной профессурой. Повторялось в новых исторических условиях наступление реакционных сил на высшее образование. Но все же реакция «опоздала». Вузы развивались, преодолевая препятствия, подчас дорогой ценой (чего стоило, например, отсутствие выпусков почти из всех вузов в 1905 и 1906 гг.). Характерно для этого периода особое оживление частной и общественной инициативы в создании многочисленных училищ, в том числе и высших, по разным специальностям.

Остановимся на структуре высшего образования в изучаемый период — на его количественных и профессиональных показателях, на процессах изменения социального состава студенчества и, наконец, на итоговых данных — выпуске специалистов. Новые кадры прибавлялись к еще работоспособным кадрам профессиональной интеллигенции прошлого столетия, частью их сменяя и омолаживая. Особый интерес вызывают эти кадры в свете будущей их трудовой деятельности в рядах советской интеллигенции.

Каков был состав абитуриентов высшей школы? Напомним, что почти всей массе учащихся из низших и даже средних слоев общества, окончивших начальные школы разных типов (историк русской школы Н. В. Чехов насчитал до 30 типов)³, продолжение образования в средней школе было недоступно. В 1914/15 учебном году на территории России (без Польши, Финляндии и

Прибалтики) имелось 101,9 тыс. начальных школ, где училось свыше 7 миллионов детей — одна пятая детей школьного возраста. Всего 3,6 тыс. средних школ с 800 тыс. учащихся давали семи- и восьмиклассное образование⁴. Таким образом, молодежь, имевшая возможность получить образовательный ценз для поступления в вузы, составляла десятую долю всех учившихся детей и подростков. Этот итог мало изменится от добавления к нему учащихся немногочисленных средних военных и духовных школ.

Высшим эталоном мужского среднего образования оставался гимназический аттестат зрелости, открывавший доступ во все вузы. (Уступкой требованиям времени было постепенное исключение греческого языка из числа обязательных предметов, завершенное в середине 900-х годов.) На следующей ступени стояли реальные и коммерческие училища: окончившие 7-й класс реального и 8-й класс коммерческого училища получали доступ в технические и коммерческие вузы. Права семинаристов, окончивших 4 класса духовной семинарии, что равнялось гимназическому курсу, колебались: в зависимости от разных условий их допускали для заполнения пустующих факультетов.

В XX в. Министерство народного просвещения начало вести статистику окончивших средние школы. Мы используем эти сведения лишь за 1905—1913 гг., так как в отчетах за 1900—1904 гг. объединялись окончившие мужские гимназии и прогимназии, а также 6 и 7 классов реальных училищ, что не дает возможности выделить потенциальных абитуриентов высших учебных заведений*. С 1905 по 1913 г. получили аттестаты зрелости и свидетельства (экстерны) 70 тыс. человек; окончили 7 классов реальных училищ, включая экстернов, 33,7 тыс.

С начала XX в. абитуриентов в вузы стали поставлять и коммерческие училища. Новое положение этих средних школ было непосредственно связано с нуждами капиталистического развития страны. Из 200 с лишним коммерческих училищ, имевшихся в 1913/14 учебном году, подавляющее большинство открылось только с се-

---

* По данным ежегодных отчетов Министерства народного просвещения в 1900—1904 гг. мужские гимназии и прогимназии окончили 26,5 тыс., а 6-е и 7-е классы реальных училищ — 13,9 тыс. человек. Далее сведения об учебных заведениях этого министерства приводятся по тем же отчетам.

редине 90-х годов, когда министр финансов С. Ю. Витте широко привлек средства буржуазной общественности к созданию этих школ. Они существовали на средства обществ распространения коммерческих знаний и на частные средства с минимальными затратами государства. До 1914 г. все коммерческие училища, включая и старые, выпустили 24,4 тыс. учащихся обоего пола, в том числе с начала XX в. около 21 тыс.⁵

К числу потенциальных абитуриентов вузов надо отнести и выпускников военных и духовных средних школ. В начале столетия в России имелось 58 духовных семинарий и 30 кадетских корпусов. Но они имели свое профессиональное назначение, и трудно учесть их выпускников, поступивших в вузы. Однако среди студентов многих вузов они встречались постоянно.

Женское образование было «вверено» правительством «обществам, сословиям и частным лицам». Поддержка государства ограничивалась ежегодной дотацией не более 2000 р. на гимназию и не более 1000 р. на прогимназию. Но в буржуазной России женское образование становилось все более необходимым. Если в 1914 г. имелось 508 мужских гимназий и 319 реальных училищ, то женских гимназий в ведении Министерства народного просвещения было 991 (в том числе 44% частных). Церковное ведомство содержало в это время свыше 80 епархиальных училищ. Женская средняя школа давала учительские права различных категорий, преимущественно для преподавания в начальных школах, то есть обеспечивала известной трудовой профессией. Окончившие педагогический (восьмой) класс гимназии принимались в женские вузы. Начало XX в. — это время подъема высшего женского образования в России. С 1905 по 1913 г. окончили 8 классов женской гимназии 94,6 тыс. человек.

Таким образом, число возможных абитуриентов, выпущенных средней школой в 1905—1913 гг., достигало примерно 220 тыс. Но далеко не все попадали в вузы. В 1913/14 учебном году в университетах учились 35,7 тыс., в технических вузах Министерства народного просвещения — 9,7 тыс., в институтах Министерства торговли и промышленности — 17,6 тыс. человек. Фактически же много больше, если учесть вузы других ведомств и различные частные курсы.

На составе абитуриентов отражалось изменение в со-

ставе учащихся средних школ. В мужских гимназиях с 1907 по 1914 г. число учащихся выросло в 1,5 раза — со 107,3 тыс. до 152,1 тыс., при этом процент детей дворян и чиновников уменьшился с 39,6 до 32,5, детей почетных граждан и купцов — с 12,5 до 9,9; процент же крестьянских детей значительно увеличился — с 12,3 до 20. Демократизация средней школы, так яростно подавлявшаяся реакцией 80—90-х годов, теперь обнаруживается наглядно.

Принятый в школьной статистике устаревший учет «по сословиям родителей» лишь очень приблизительно соответствовал их социальному и профессиональному составу. Гораздо более показателен учет «по занятиям родителей», принятый в коммерческих училищах Министерства торговли и промышленности.

Еще в конце XIX в. в печати отмечалось: в коммерческие училища «идут почти исключительно купеческие сынки, причем средний уровень умственного развития и образованности нашего купечества далеко еще не заслуживает наименования «интеллигентной буржуазии»⁶. Теперь здесь появились дети интеллигентных родителей: новая школа привлекала независимостью от бюрократического гнета Министерства народного просвещения и прогрессивным характером преподавания.

Распределение учащихся коммерческих училищ по занятиям родителей в 1913/14 учебном году

	Общественные училища	в %	Частные училища	в %
Служба, вольные профессии	8 147	22,2	4 113	25,1
Торговля, промышленность, капитал	14 116	38,4	5 666	34,5
Торгово-промышленные служащие	6 564	17,9	1 816	11,1
Ремесленники, рабочие, прислуга	2 852	7,8	1 493	9,1
Сельское хозяйство	3 161	8,6	2 224	13,5
Иные занятия	1 870	5,1	1 097	6,7
Всего	36 700	100	16 409	100

Мы видим, что раздел «Служба, вольные профессии» охватывал до 25% учащихся. В отдельных передовых

школах, например в Выборгском восьмиклассном коммерческом училище в Петербурге, из 253 учащихся 198, то есть 78%, принадлежали к этому разделу.

Материально-бытовое положение необеспеченных студентов оставалось, как и в прошлом столетии, трудным; зачастую они жили в антигигиенических условиях, платя за свои конуры непомерно большую часть своего бюджета, недоедали и даже голодали. Так, 9,2% харьковских студентов и 12,7% бестужевок не могли ежедневно обедать. Треть харьковских студентов, пользовавшихся студенческими столовыми, брала обед дешевле 15 коп. Они называли свои «столовки» «могилой для бедного студента, медленным самоубийством»⁷.

Но в буржуазной России в среде студенчества сложились и более обеспеченные (средне и выше среднего) группы, имевшие постоянную поддержку от родных, стипендию и другие доходы. Неимущие студенты, существовавшие исключительно на свой личный заработок, во многих вузах составляли меньшинство. Надо учесть, что теперь учились вторые и даже третьи поколения потомственной интеллигенции, для которых высшее образование не соединялось с борьбой за существование. Так, среди московских студентов (по переписи 1904 г.) и петербургских технологов (по переписи 1909 г.) к обеспеченной группе принадлежало 71,1 и 60%, к средним — 21,1 и 27%, к неимущим — 7,8 и 13%. В Киеве из студентов-евреев университета и Политехнического института на более обеспеченную группу приходилось всего 36,7% и столько же на живших своим трудом — 36,5%. По петербургской переписи населения 15 декабря 1910 г., из 26,6 тыс. учащихся вузов и втузов жившие на счет родителей составляли 62,4% среди студентов и 79% среди курсисток, а жившие своим трудом — соответственно 37,6 и 21%. Эти восемь с лишком тысяч столичной вузовской молодежи — более трети общего количества — искали себе заработок, чтоб продолжать учиться.

К началу XX в. почти полностью исчезла категория «вечных студентов», не имевших возможности закончить свое образование. Однако из-за перегруженности учебных программ нормальные сроки пребывания в вузах, особенно технических, сильно превышались. Так, для петербургских технологов средняя продолжительность учебы при пятилетнем курсе превышала восемь лет⁸.

На рубеже XIX—XX вв. крупным событием в исто-

рии высшего образования было создание новых политехнических и коммерческих институтов. После революции 1905 г. возникает также множество частных курсов, в основном женских, самых различных специальностей, соответствовавших факультетам и отделениям вузов. Появляются оригинальные институты научно-учебного и просветительного назначения.

Интересно сопоставить традиционный престиж «университетского типа воспитания», где развитие науки отеснялось задачей подготовки чиновников, с новым пониманием задач подготовки деятелей народного хозяйства. Либеральный профессор права Л. И. Петражицкий писал, явно идеализируя буржуазную интеллигенцию: «Для таких государственных должностей и вообще социальных функций, где важна не столько предприимчивая деловитость, хозяйственная и вообще утилитарная практичность и т. п., сколько принципиальное, идеальное и гуманное настроение, например для функций судьи, учителя гимназии, врача, для службы в области контроля в Министерстве народного просвещения, в области общего внутреннего управления и т. п., желателен университетский тип воспитания». В технических вузах, по его мнению, еще не была достигнута «такая психическая, в частности этическая, культура, чтобы можно ожидать везде безукоризненной честности»⁹.

А вот как понимали задачи нового Политехнического института в Петербурге создававшие его русские ученые: институт должен развивать технические науки «шире и глубже, чем было бы достаточно для университетской науки». Он должен стать «сосредоточием выдающихся исследователей новейших отраслей прикладных знаний», выпускать «инженеров широкого профиля, всесторонне развитых, обладающих глубокими знаниями в области общенаучных и общинженерных дисциплин, отлично знающих технику и умеющих применять свои знания в народном хозяйстве»¹⁰.

К 1914 г. количество вузов в России достигло 105 — выросло более чем в 2,5 раза. Однако среди них были несравнимые величины: знаменитые университеты и институты — центры русской науки — и малые учебные заведения специального профиля; полноправные государственные вузы и частные, не дававшие выпускникам никаких прав; старые и недавно основанные, не имевшие еще ни истории, ни статистики.

Наибольшее значение для нужд капиталистической экономики имело открытие новых технических вузов и реорганизация некоторых старых. Надо отметить, что в институтах, находившихся в ведении Министерства просвещения, стремление к более прогрессивным формам учебного процесса и к расширению специализации встречало бюрократическое сопротивление и подавлялось скарредной экономией. Так, Харьковский технологический институт, добивавшийся с 1901 г. добавления к своим механическому и химическому отделениям новых отделений — инженерного, электротехнического и горного (а с 1906 г. и агрономического), ничего не добился; Томскому институту, основанному в 1900 г., следовало бы иметь также горное и инженерное отделения, но они не были открыты. Московскому техническому училищу, передовому вузу своего времени, лишь в 1917 г. присвоено было название высшего; ему систематически урезывали финансовые средства (в частности, из-за участия его студентов в революционном движении).

Академик В. В. Шулейкин писал о Московском техническом училище, что в нем «уживаются в добром соседстве черствая казенщина многопредметной программы, не оставляющая ни малейшего просвета для оригинальной творческой работы студента, и полная свобода выбора специальности, выбора лекций... Узенькие русла мелких захудалых предметиков с их столь же захудалыми лабораториями — и широчайший размах в организации новых лабораторий: аэродинамической (детища Н. Е. Жуковского), физической, электротехнической. Такая же борьба светотеней идет и в профессорско-преподавательском составе»¹¹.

В XIX в. действительно политехническую структуру имело только Рижское политехническое училище с шестью отделениями. Но эта «свободная частная балтийская высшая школа», отличавшаяся свободой преподавания, предметной системой, отсутствием конкурсных экзаменов, отсутствием национальных ограничений для студентов, не давала своим выпускникам никаких прав. В 1896 г. она перешла в ведение Министерства просвещения и была преобразована в высшее техническое учебное заведение с преподаванием на русском языке. При этом число студентов быстро увеличилось (в 1883 г. — 616, в 1901 г. — 1753) за счет сокращения уроженцев местных учебных округов (Рижского, Виленского и Вар-

шавского), прежде составлявших преобладающее большинство¹².

Политехнизация как важнейший прогрессивный принцип технического вуза была осуществлена в некоторых новых институтах. Первые из них, в Киеве и Варшаве, были открыты в 1898 г. частью на средства казны (Министерства финансов), частью на средства местных капиталистов. На открытии Киевского института его ректор профессор В. Л. Кирпичев отметил, что с переходом отечественной промышленности к «крупным формам» потребность в инженерах возросла. Он считал, что работа инженеров, «людей гения» (в противоположность ремесленникам), необходимо требует «творческой способности и созидательной деятельности», умения «придумывать и устраивать новое». В этих словах отражен возросший общественный престиж инженерной профессии. Принимавший испытания от студентов первого выпуска Киевского института Д. И. Менделеев писал министру финансов: «Такой общей совокупности специальных работ кончающих студентов... нельзя встретить в известных мне университетах и технологических институтах»¹³.

Киевский политехнический по химическому отделению выпустил (за 1903—1910 гг.) 304 инженер-технолога и по механическому отделению (за 1903—1912 гг.) 549 инженер-механиков¹⁴. А Варшавский политехнический так и не развернулся в крупный вуз по причинам политического характера: в начале 1907 г. он был временно закрыт из-за студенческих волнений. При этом его бюджет и значительная часть профессорского состава были использованы для открытия Донского политехнического института в Новочеркаске. Раздробление средств привело к тому, что оба института имели пониженные контингенты студентов и профессуры: в 1912 г. Варшавский насчитывал всего 567 студентов и 60 профессоров, Донской — 466 студентов и 61 профессора. В 1914 г. оба выпустили всего по 23 инженера¹⁵.

Донской политехнический институт в Новочеркаске — центре области Войска Донского — получил также крупные пожертвования Войскового совета и местной буржуазии. Он открылся в октябре 1907 г. в составе факультетов горного, химического, механического и первого в России инженерно-мелиоративного, который в 1912 г. был преобразован в сельскохозяйственный факультет.

В новый вуз потянулась местная молодежь своеобразного состава. При открытии из 150 вакансий половина предназначалась для казаков. В 1915 г. в нем было 25% сыновей дворян и чиновников, около 20% — казаков и военных, 26% — мещан и ремесленников, 22% — крестьян и около 4% — из духовенства¹⁶.

Петербургский политехнический институт был создан в 1902 г. при участии Д. И. Менделеева, Д. К. Чернова, А. Н. Крылова, А. С. Попова и других крупнейших представителей русской научно-технической мысли. Новые его факультеты вызвали большой прилив абитуриентов. На конкурс аттестатов в 1902 г. на 25 вакансий кораблестроительного факультета было прислано несколько сот прошений, а на 60 вакансий электротехнического — более 1500. В 1905 г. прием был увеличен почти втрое. В 1907 г. четыре факультета (физико-металлургический, электротехнический, кораблестроительный и инженерно-экономический) были дополнены гидротехническим и механико-машиностроительным. При кораблестроительном велись авиационные курсы. Начиная с первого выпуска, за 1907—1914 гг., Петербургский политехнический выпустил 1464 специалиста.

В Политехническом институте господствовала свобода слушания лекций. В 1909 г. студенческая анкета показала, что очень мало студентов слушали все лекции, а до 30% и вовсе их не посещали. Но зато усердно посещались необязательные научные кружки и занятия с участием приглашаемых профессоров. «Только здесь проявлялись лучшие качества наших ученых и студентов», происходила действительная проверка знаний, писал С. Г. Струмилин. Институт впервые приобщил этого будущего академика «ко всем радостям полнокровной общественной науки»¹⁷.

Из новых вузов надо отметить горное училище, созданное в 1899 г. в Екатеринославе — центре промышленного района, дававшего каменный уголь, железную руду, марганец, сконцентрировавшего большие металлургические заводы. В первые годы это было полувысшее учебное заведение, выпускавшее горных техников. Первый выпуск дипломированных «рудничных инженеров» и инженеров-металлургов состоялся в 1903 г. Только в 1912 г. училище получило статус Горного института. До 1917 г. он выпустил 457 инженеров по горному и заводскому отделениям. Важнейшая задача превращения

горного искусства в науку была во многом выполнена русскими учеными, работавшими в этом училище, отмечал академик А. М. Терпигорев¹⁸.

Высокие требования учебной программы технических вузов отражались в известной мере на социальном составе студенчества. Особенно наглядно это сказывалось на студентах Политехнического института¹⁹.

Состав студенчества технических вузов по сословию родителей в 1914 г. (в %)

Сословия	9704 студента втузов Мин-ва свещения	пяти про-	5907 студентов Пе- тербургского поли- технического инсти- тута
Дети			
дворян и чиновников	26,5		33,6
духовенства	2,0		6,8
купцов и почетных гра- ждан	14,0		13,5
мещан и цеховых	31,5		22,7
крестьян и казаков	22,0		18,8
Иностранцы	1,0		0,6
Прочие	3,0		4,0
Всего . . .	100		100

Как видим, в первой группе студенты из образованных классов составляли 28,5%, во второй — 40,4, из низших городских сословий, крестьян и казаков в первой группе — 53,5, во второй — 41,5%.

Большой интерес представляет распределение студентов технических вузов по отделениям. Оно показывает перспективу развития новых специальностей, еще только пробивавших дорогу.

Если по выпуску механиков и химиков на первом месте стояли старые технологические институты, а горных инженеров — старый Горный институт, то новые специальности — металлургия, электротехника, кораблестроение — получили научную основу в новых политехнических институтах.

Особенно надо отметить экономические науки, занимавшие по числу студентов в новых вузах первое место. Конечно, большая часть этих студентов обучалась в коммерческих институтах, но прекрасно поставленные ка-

**Распределение по специальностям (отделениям) студентов
высших технических учебных заведений в 1913/14 г.**

Отделения	5 втузов Мин-ва про- свещения	8 втузов Мин-ва торговли и промышлен- ности	Всего студентов	в %
Механика	5 687	1 921	7 608	28,2
Инженерно-строи- тельное	733	1 576	2 309	8,6
Химия	1 906	700	2 606	9,6
Горное и заводское	306	1 816	2 122	7,8
Металлургия	—	663	663	2,4
Сельское хозяйство	375	649	1 024	3,8
Электротехника	—	891	891	3,3
Кораблестроение	—	399	399	1,5
Экономич. науки	—	7 472	7 472	27,7
Коммерч. науки	364	1 552	1 916	7,1
Всего . . .	9 371*	17 639	27 010	100

* Не считая 333, не распределенных по отделениям.

федры экономических наук имелись и в политехнических.

В политехнических институтах студенты овладевали новыми инженерными специальностями, знаменовавшими первые шаги эпохи технического прогресса. Из выданных Петербургским политехническим институтом до 1914 г. дипломов металлургии получили 266, электромеханики — 255, кораблестроители — 90. Инженер-экономисты составляли почти половину всех выпускников — 796, а представители старых профессий — инженеры строители и механики — соответственно 7 и 55²⁰.

Новый период начался в жизни Электротехнического института. Основанный Министерством внутренних дел в 1886 г. вначале как училище почтово-телеграфного ведомства, в 1891 г. он был преобразован в институт. На основе нового учебного плана с пятилетним курсом обучения его в 1900 г. окончили первые 23 инженера-электрика. Русская наука в области электротехники стояла уже высоко: в том году ее достижения были показаны на Всемирной выставке в Париже. С 1900 по 1916 г. институт выпустил около 400 инженеров, а считая выпущенных в первые годы техников — 761²¹.

Картина высшего технического образования в дореволюционной России была бы неполной без Политехнических женских курсов, открытых в Петербурге в январе 1906 г., — первого в мире высшего технического учебного заведения для женщин. Эти курсы были обязаны своим существованием неутомимой энергии П. Н. Ариян, которая организовала Общество по изысканию средств для технического образования женщин. Курсы имели четыре отделения (архитектурное, инженерно-строительное, электромеханическое и химическое). Лекции читали профессора Технологического и Политехнического институтов. В 1915 г. курсы стали институтом, окончившие его получали звание инженера. В 1916 г. здесь училось более 1500 студенток; к этому времени были выпущены 50 женщин-инженеров²².

К числу технических специалистов следует отнести и выпускников Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академий, высшего Морского училища при Морском корпусе и высшего Морского инженерного училища в Кронштадте. Непрерывное преобразование этих учебных заведений и отсутствие статистических данных не позволяют уточнить количество выпущенных ими до революции специалистов высшей квалификации. Впрочем, эти кадры были весьма немногочисленны. Так, корпус военных инженеров к 1914 г. состоял всего из 820 офицеров различных возрастов, что в военное время обернулось их «катастрофическим недостатком»²³.

Одной из черт отсталости дореволюционной России была недооценка задачи подготовки технических специалистов средней и низшей квалификации. Несмотря на появление с начала столетия множества частных курсов и школ — политехнических, строительных, электротехнических, железнодорожных, телеграфных и т. п., этих кадров было недостаточно. В 1910 г. в России имелось около 3 тыс. профессиональных школ, в огромном большинстве низших, и всего 335 заведений типа средней школы. В 1914 г. насчитывалось уже 450 средних специальных школ, в них обучалось 54,3 тыс. человек, из них в том году окончило школы 7,4 тыс. человек²⁴.

Попытаемся подытожить и сравнить количество дипломированных технических специалистов, подготовленных в России до и после 1900 г.²⁵ (см. таблицу на с. 18).

Таким образом, численность технических кадров, подготовленных за 1901—1917 гг., по неполным данным,

Институты	Выпуск до 1900 г.	Выпуск 1901—1917 гг.
<i>Горные</i>		
Петербургский	(1866—1900) 1 069	(1901—1917) 1 075
Екатеринославский	—	(1903—1917) 457
<i>Технологические</i>		
Петербургский	(1866—1900) 2 924	(1901—1917) 2 454
Харьковский	(1891—1900) 652	(1901—1914) 1 233
Томский	—	(1907—1917) 880
Московское техническое училище	(1871—1900) 1 517	(1901—1917) 2 080
<i>Политехнические</i>		
Рижский	(1865—1900) 1 901	(1901—1917) 2 097
Киевский	—	(1902—1914) 2 082
Варшавский	—	(1902—1914) 283
Петербургский	—	(1907—1914) 1 464
Донской	—	(1911—1917) 196
<i>Строительные, транспорта и связи</i>		
Петербургские:		
гражданских инженеров	(1860—1900) 1 069	(1901—1917) 715
инженеров путей сообщения	(1865—1900) 2 487	(1901—1916) 2 362
электротехнический	(1889—1900) 211 (включая техников)	(1901—1914) 368
Московский инженеров путей сообщения	—	(1899—1913) 682
Всего . . .	11 830	18 356

превысила контингенты второй половины прошлого века и рост их шел темпами, далеко обгонявшими темпы подготовки других специалистов: за 17 лет было подготовлено в полтора раза больше инженеров, чем за прошлые 35 лет. Инженеры стали превращаться в массовые профессиональные кадры.

Высшие коммерческие курсы, открытые в Москве и в Киеве в 1906 г. и переименованные в коммерческие институты, были частными учебными заведениями. Права высшей школы они получили только в 1912 г. Московский институт завоевал большую популярность и в 1915 г. имел уже 5,4 тыс. слушателей. В его программу входили экономические, юридические, естественнонаучные и технические знания, а дипломы двух его факультетов

тетов давали звание кандидата экономических наук и коммерческого инженера 1-го и 2-го разрядов. Киевский институт имел еще более широкую учебную программу. Кроме двух отделений в нем были еще подотделы по практическим отраслям государственного хозяйства и педагогический, преподавалось несколько западных и восточных языков. Оба новых института университетского типа сконцентрировали крупные силы буржуазной экономической науки. В них находила работу и опальная профессура, изгоняемая из вузов Министерства просвещения.

Эти вузы заполняло демократическое студенчество. В Московском коммерческом институте в 1908 г. числилось всего 17,6% детей дворян и чиновников и 44,5% из крестьян и мещан. В Киевском в 1913/14 учебном году из 3,8 тыс. студентов было 44% из мещан и цеховых и менее 10% детей дворян и чиновников. Студенты комплектовались в значительной мере из выпускников коммерческих училищ и духовных семинарий, реальных училищ, мужских и женских гимназий. Московский институт за 1910—1917 гг. выпустил 1706 человек. Частный Петербургский институт высших коммерческих знаний, основанный в 1910 г., выпустил в 1914 г. 261 человека²⁶.

Частные коммерческие курсы без прав, как высшие, так и прикладного характера, существовали в Харькове, Одессе, Москве и Петербурге. Однако профессиональное коммерческое образование не находило спроса в области торговли, купеческие фирмы вели дело по старине, в лучшем случае нанимая окончивших низшие торговые школы, например Московское мещанское училище.

Упомянем еще правительственные статистические курсы при Центральном статистическом комитете, которые готовили работников для Министерства внутренних дел. Проект преобразования их в высшее учебное заведение был одобрен III Государственной Думой, но отклонен Государственным советом²⁷.

Перейдем к кадрам по сельскому и лесному хозяйству. Подготовка их шла гораздо медленнее, чем специалистов, связанных с индустрией; это также было одним из признаков экономической отсталости страны.

Центрами агрономической науки оставались Московский сельскохозяйственный институт и Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии Люблинской губернии (ныне город Пулава в Польше).

Московский институт (будущая Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева) со времени своего основания в 1894 г. до 1915 г. дал стране 1538 агрономов и 75 инженеров новой сельскохозяйственной специальности. В нем продолжали работать крупнейшие ученые — В. Р. Вильямс, Д. Н. Прянишников, А. Ф. Фортунатов. В 50-летие со дня создания Петровской академии, базу которой унаследовал Московский институт, общее количество их выпускников исчислялось в 2455 агрономов и 337 лесоводов²⁸.

Жизнь внесла изменения в первоначальный план правительства — создать из этого института привилегированную высшую школу для поддержки помещичьего хозяйства. После 1905 г. прием студентов сильно расширился, годовые выпуски возросли. «Тип студента изменился, — вспоминал Д. Н. Прянишников, — состав студенчества демократизировался, большинство приходило без гроша в кармане, летом они зарабатывали, зимой учились»²⁹.

Ново-Александрийский институт, также имевший долгую предысторию, был небольшим вузом: число его студентов с 1900 по 1915 г. повысилось с 246 всего до 442. Вследствие продолжительных студенческих беспорядков в некоторые годы выпускников не было, а также не всегда отмечалось в отчетах присуждение окончившим звания ученого агронома и ученого лесовода 1-го и 2-го разрядов. В годовых отчетах за 1901—1914 гг. имеются сведения о 498 окончивших³⁰.

В 1912 г. институт был передан из Министерства просвещения в Министерство земледелия, а в начале войны эвакуировался в Харьков. После революции он был преобразован в Харьковский сельскохозяйственный институт имени В. В. Докучаева.

Огромный недостаток агрономов в сельскохозяйственной стране вызвал появление нескольких общественных и частных высших сельскохозяйственных курсов. В 1904 г. Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию открыло Стебутовские женские курсы в Петербурге. До 1914 г. здесь получили дипломы агронома 33 человека³¹. В 1906 г. в Петербурге открылись смешанные сельскохозяйственные курсы, готовившие агрономов, животноводов и статистиков. По числу учащихся они далеко обгоняли остальные: в 1912 г. около 800 слушателей. В 1908 г. в Москве при одной из

женских гимназий организовались Голицынские курсы. Их директором был Д. Н. Прянишников, лекции читали ученые Московского сельскохозяйственного института. Саратовское общество сельского хозяйства открыло курсы в 1913 г.

Министерство земледелия в 1911 г. открыло Молочно-хозяйственный институт в Вологде, а в 1912 г. утвердило проект Воронежского сельскохозяйственного института. К 1913 г. в ведении Департамента земледелия имелось 10 высших учебных заведений, 18 средних и 279 низших сельскохозяйственных школ разных типов, в которых училось свыше 16 тыс. человек³². Однако попытки увеличить сельскохозяйственные кадры не дали до революции осязаемых результатов.

Лесной институт в Петербурге с первого выпуска 1882 г. до 1900 г. выпустил 1218 лесоводов. Дальнейший учет был поставлен плохо. Разрозненные сведения институтских отчетов сообщают то число окончивших, то число получивших дипломы на звание ученых-лесоводов. За 1906—1911 гг. окончили институт 400 человек, по другим данным, за 1910—1913 гг. — 435, из которых получили звание 251³³.

Межевых инженеров было очень мало, и они обслуживали главным образом управление межевой частью Министерства юстиции. Особенностью этого дела была потребность в специальных техниках, которых выпускали землемерные училища. К 1915 г. такие среднеспециальные училища имелись в 18 городах³⁴.

Межевание земель — юридически-хозяйственная функция, касавшаяся установления прав земельной собственности, — имело большое значение для землеустройства крестьян, переселенцев, размежевания земель в национальных районах и т. п. Межевой институт, находившийся в ведении Министерства юстиции, в 1858—1900 гг. выпустил 1135, в 1901—1912 гг. — 266 инженеров. Он считался высшим учебным заведением, но имел архаическую структуру: интернат на 300 воспитанников, из которых после шестилетнего обучения выходили техники, а прошедшие еще два класса с высшим геодезическим образованием получали звание межевого инженера. К 1906 г. институт был реорганизован в вуз обычного типа. В 1915 г. он имел 590 слушателей (в том числе 198 из крестьян и 174 из мещан) и дал звание 59 инженерам, среди них 28 человек — из предыдущих выпусков.

Нужды ветеринарного образования недооценивались царским правительством. После ликвидации в 1882 г. первого ветеринарного института при Медико-хирургической академии в стране осталось четыре ветеринарных института: Казанский, Харьковский, Юрьевский и Варшавский.

Ученой степени доктора ветеринарных наук не было. Выпускники институтов только в 1916 г. стали называться ветеринарными врачами, что приравнивалось к диплому 1-й степени. Хотя ветеринарные институты считались высшими учебными заведениями, их учебный персонал получал меньшие оклады по сравнению с персоналом университетов. Стипендиаты институтов отработывали свои стипендии на государственной службе по борьбе с эпизоотиями.

Ветеринарная профессия не пользовалась популярностью. К. И. Скрябин, будущий основоположник науки о паразитах животных, вспоминал, что «к стыду своему, ничего не знал о существовании ветеринарных вузов, не видел в глаза ни одного ветеринара»³⁵. Однако попасть в ветеринарный институт было легче и плата за право учения была много ниже, чем в других вузах (в Юрьевском, например, 15 р. в год). Состав студентов был пестрый, преобладали выходцы из духовного сословия. Студенты, хотевшие дополнить свои знания, могли, как рассказывает академик К. И. Скрябин о юрьевских ветеринарах, беспрепятственно проникать вместе с фармацевтами в аудитории университета.

Во время первой мировой войны Юрьевский ветеринарный институт был эвакуирован в Воронеж, а Варшавский — в Новочеркасск, где позже был преобразован в Донской ветеринарный институт.

Подготовка ветеринарных врачей в XX в. заметно расширилась. Только за 1903—1912 гг. получили дипломы 2314 человек против 5286 за предыдущие 60 лет³⁶.

Подготовка медицинских кадров в XX в. продолжалась в основном силами старых медицинских факультетов и Военно-медицинской академии. Наиболее крупным пополнением стал Женский медицинский институт в Петербурге, в 1903—1904 гг. получивший право университетского факультета. За вторую половину XIX в. медицинские факультеты выпустили более 21,3 тыс. врачей (в том числе около 1,9 тыс. провизоров), Военно-медицинская академия — более 5,2 тыс. За 1901—1913 гг.

университеты выпустили около 9,2 тыс. врачей; академия в 1901—1912 гг. выдала около 1100 дипломов на звание лекаря с отличием и лекаря и утвердила в этих званиях 104 врача, обучавшихся за границей. В 1913 г. в связи с событиями этого года академия выдала 170 окончившим курс только выпускные свидетельства. Женский медицинский институт с первого выпуска в 1902 г. по 1917 г. выдал дипломы 2715 врачам³⁷.

Медицинские факультеты существовали также на некоторых женских курсах; в XX в. были открыты и новые медицинские высшие учебные заведения для женщин: Московский женский медицинский институт (1909), Киевский (1907), Одесский (1910), Харьковские курсы (1910) (эти курсы до слияния с Харьковским университетом в 1919—1920 гг. выпустили 1500 врачей). Надо отметить также появление многих средних специальных медицинских школ и курсов при разных клиниках: зубо-врачебных, фармацевтических и т. п. В 1915 г. насчитывалось 80 фельдшерских и 75 акушерских школ. Таким образом, в XX в. подготовка медицинских кадров также значительно расширилась³⁸.

Медицинский факультет должен был занимать центральное место и в своеобразном Психоневрологическом институте, организованном В. М. Бехтеревым в Петербурге. Институт был задуман с большим научным размахом: медицинские знания должны были получать глубокую общеобразовательную основу (о нем см. в третьей главе).

Перейдем к высшим учебным заведениям общеобразовательного характера, готовившим специалистов в области гуманитарных наук. Это были университеты, высшие женские курсы и другие заведения, соответствовавшие университетским факультетам.

В 1859—1900 гг. курс русских университетов, по неполным данным, окончило свыше 60 тыс. человек (по всем факультетам)³⁹. В 1900—1913 гг., опять-таки по неполным данным, университеты выдали 40,8 тыс. выпускных свидетельств (в том числе 31,7 тыс. сдавших государственные экзамены получили дипломы).

Коснемся здесь продолжавшегося процесса изменения социального состава студенчества. В 1902/03 учебном году на 17 808 студентов девяти университетов приходилось 50% детей дворян и чиновников, 8,7% детей духовенства, 36% прочих сословий, 5,3% иностранцев.

Позже Министерство просвещения применяло более подробный учет. В таблице распределения студентов по сословию родителей в 1906 и 1914 гг. мы видим постепенную убыль детей потомственных дворян, личных дворян и чиновников, увеличение почти в 2,5 раза детей крестьян. Особый интерес представляет повышение удельного веса маленькой группы «прочих», куда, по видимому, были отнесены дети разночинской интеллигенции, не подошедшей под другие сословные рубрики.

Распределение студентов университетов по сословию родителей в 1906 и 1914 гг. (в %)

	1906 г. Всего студентов 24 454	1914 г. Всего студентов 35 695
Дети		
— потомственных дворян	11,8	7,6
— личных дворян и чиновников	36,6	28,3
— духовенства	8,2	10,3
— купцов и почетных граждан	11,2	10,9
— мещан и цеховых	24,3	24,4
— казаков	0,7	1,2
— крестьян	5,5	13,3
Иностранцы	1,5	1,2
Прочие	0,2	2,8

Юристов, также в ускоренном темпе, по-прежнему готовили университеты и специальные вузы. Если во второй половине XIX в. юридические факультеты восьми университетов окончило, по неполным данным, около 22,4 тыс. человек, то в XX в. девять факультетов (включая новый Томский) всего за четыре года (1910—1913), по которым в университетской статистике имеются более полные данные, выдали 11 421 выпускное свидетельство и выпустили 9353 дипломированных юриста. Томский университет в 1908—1916 гг. окончили 492 юриста⁴⁰.

По другим юридическим вузам выпуски составляли:

	До 1900 г.	После 1900 г.
Демидовский лицей	(1874—1900) 1 241	(1901—1913) 1 598
Училище правоведения	(1840—1900) 1 681	(1901—1916) 592
Александровский лицей	(1844—1900) 1 158	(1901—1911) 378

Всего с 40-х годов XIX в. эти вузы выпустили 4080 юристов, а с 1901 по 1916 г., по неполным данным, — 2600⁴¹. Небольшое количество военных юристов продолжала выпускать Военно-юридическая академия.

Юридические факультеты на высших женских курсах имелись в Петербурге, Киеве, Одессе, Варшаве, Юрьеве. Появились частные юридические курсы Н. П. Раева в Петербурге, В. А. Полторацкого в Москве, А. Я. Острогорского при Тенишевском училище в Петербурге, И. М. Гревса и М. А. Дьяконова при женской гимназии М. Н. Стоюниной в Петербурге и др. Таким образом, темп подготовки юридических кадров значительно ускорился.

Возможности высшего общего образования расширились: кроме старых университетских факультетов и Бестужевских курсов появилось много новых высших женских курсов. При выяснении числа выпускников историко-филологических и физико-математических университетских факультетов мы пользуемся во избежание неточностей только данными за 1910—1913 гг., более строго оформленными.

За 1910—1913 гг. было выдано по историко-филологическим факультетам 1951 выпускное свидетельство и 1757 дипломов, по физико-математическим — соответственно 4405 (1683 по математическому и 2722 по естественному отделениям) и 4191. Если учесть, что за вторую половину XIX в., по неполным данным, историко-филологические факультеты выпустили 4850, а физико-математические — 10 432 окончивших курс, то наши данные за указанные четыре года показывают значительное повышение темпа подготовки кадров с общим высшим образованием. Тот же вывод позволяет сделать сопоставление данных Бестужевских курсов: в 1882—1900 гг. курсы окончило 1782 человека, в 1901—1916 гг. — 5149⁴².

В начале XX в. были воссозданы высшие женские курсы в разных городах, закрытые в XIX в. По признанию отчета Министерства просвещения, открытие в 1900 г. Московских курсов дало министерству удобный повод закрыть многолюдные курсы Московского общества воспитательниц и учительниц, которое существовало с 1872 г. и в разных формах давало своим членам общеобразовательные знания.

В 1906 г. были восстановлены закрытые в 90-х годах Киевские женские высшие курсы в составе четырех уни-

верситетских факультетов (медицинский факультет вскоре выделился в самостоятельное учреждение), а в 1909 г. прибавилось экономическо-коммерческое отделение. В том же 1906 г. были восстановлены и Казанские высшие женские курсы в составе двух отделений: историко-общественных наук и языка и литературы, а также открыты курсы в Одессе с тремя университетскими факультетами.

Все это были крупные вузы первого разряда (кроме Одесских) с большим количеством слушательниц: в 1912 г. на Бестужевских курсах училось 5762 человека, на Московских — 5318, на Киевских — 2450, на Одесских — 1278, на Казанских — 970 человек. Открывались курсы при Варшавском и Юрьевском университетах, в Тифлисе, Новочеркасске, Воронеже, Саратове и др.⁴³ Курсы при Томском университете, открытые в 1910 г., состояли из двух отделений физико-математического факультета, какого еще не было в самом университете.

В 1915 г. перешли в 1-й разряд высших учебных заведений женские курсы в Харькове, основанные Обществом взаимного вспомоществования трудящихся женщин, и Петербургские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева, открытые в 1905 г. (так называемый Вольный женский университет).

Надо помнить, что все высшие женские курсы, за исключением Петербургского медицинского института, считались частными и не давали окончившим прав государственной службы. Но женская высшая школа упорно пробивала себе дорогу. В 1912 г. окончившие женские курсы получили право экзаменоваться в университетских испытательных комиссиях и получать университетские свидетельства, что расширяло их педагогические права не только в женских, но и в мужских гимназиях. Право принимать государственные экзамены Бестужевские курсы получили только в 1916 г.

В революционный 1905 год женщины добились допуска в Петербургский университет. В 1906/07 учебном году здесь учились 144, а в следующем — 208 девушек. Университет отстоял возможность для некоторых из них закончить образование⁴⁴.

Отметим появление новых специальных педагогических вузов. Высший женский педагогический институт в Петербурге (ведомства императрицы Марии), открытый в 1907 г., выпускал учительниц по предметам сло-

весно-исторического и физико-математического отделений для женских и четырех младших классов мужских школ. В 1911 г. в Москве открылся построенный на частные средства педагогический институт П. Т. Шелапутина. Через два года он выпустил 23 учителя гимназии.

Педагогическое назначение имели женские естественнонаучные курсы, открытые в 1903 г. в Петербурге при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон, готовившие преподавательниц естествознания и географии. О педагогических заведениях, готовивших учителей для начальных школ, будет сказано во второй главе.

Что касается старых рассадников педагогических кадров — Петербургского и Нежинского историко-филологических институтов, то по сравнению с другими вузами темп их развития был застойным. Это были, как известно, закрытые учебные заведения с ограниченным штатом казеннокоштных воспитанников, получавших служебные назначения от Министерства просвещения. Петербургский институт выпустил за 1871—1900 гг. 562, а в 1901—1913 гг. — 315 человек; Нежинский за 1875—1900 гг. — 321, а в 1901—1912 гг. — около 200. Нежинский институт, отмечал современник, стал «каким-то забытым учебным заведением, стоявшим на рубеже между высшей и средней школой», с архаичной программой⁴⁵. Выпуск учителей-классиков в нем фактически прекратился. Однако Министерство просвещения считало его преобразование «преждевременным» до предстоящего пересмотра уставов всех вузов.

Как новый шаг в развитии педагогической теории и практики отметим лозунг «вольной высшей школы», открыто провозглашенный в 1905 г., школы, не скованной казенными программами и методами. О попытках создания такой школы (курсы П. Ф. Лесгафта, Психоневрологический институт В. М. Бехтерева, университет А. Л. Шанявского и др.), как и о других формах деятельности научно-педагогической общественности, будет рассказано в третьей главе.

К числу специальных отраслей высшего образования в России принадлежало востоковедение — комплекс наук, имевший большое значение для России, как для ее внутренней политики, так и для ее политических и экономических, научных и культурных связей со странами Азии. Центром научного востоковедения был Восточный факультет Петербургского университета, располагавший

крупнейшими учеными силами. Но этот факультет оставался крайне малолюдным: число слушателей не доходило до 300. За 1910—1913 гг. он выдал 93 выпускных свидетельства и 76 дипломов. Специальные классы Лазаревского института восточных языков в Москве, считавшиеся высшим учебным заведением, за 1903—1913 гг. выпустили 160 человек. С 1912 г. учащиеся этих классов должны были готовиться к дипломатической или административной службе⁴⁶.

Восточные языки преподавались также в Казанской духовной академии для подготовки миссионеров.

Потребность в кадрах, знающих восточные языки, усилилась после укрепления русско-китайских отношений в 90-х годах. В 1899 г. был открыт Восточный институт во Владивостоке. Его научные силы набирались из окончивших восточный факультет Петербургского университета. В 1902—1915 гг. там окончили курс 162 студента и 104 офицера (прием последних был прекращен в 1912 г.). Окончившие служили в министерствах — внутренних дел, иностранных дел, народного просвещения, финансов, торговли и промышленности и др., в Русско-Азиатском банке, на Китайско-Восточной железной дороге и т. п. Из офицеров часть служила в Главном штабе, некоторые направлялись на разведывательную работу⁴⁷.

Выдающиеся востоковеды Восточного института возглавили восточный факультет Дальневосточного университета во Владивостоке, созданного после освобождения края от белых банд и интервентов.

Упомянем о курсах востоковедения в ведомстве Министерства торговли и промышленности, возникших в самом конце XIX в. под эгидой Общества востоковедения. Эти курсы, в 1908 г. преобразованные в Практическую восточную академию, добывавшуюся статуса высшего учебного заведения, смогли выпустить с 1900 по 1914 г. всего 21 человека⁴⁸.

К источникам пополнения образованных кадров следует прибавить военные вузы и духовные академии. В Петербурге находились академии Военно-инженерная, Артиллерийская, Генерального штаба, Интендантская и Военно-юридическая. Общее число их слушателей в 1912 г. превышало 800, а учебного персонала — 210⁴⁹. Количество подготовленных ими кадров с высшим военным образованием в литературе не освещено. Из воен-

ных академий иногда выходили талантливые ученые в области военной теории, морского дела, специалисты военной и военно-морской техники, историки войн.

Четыре православные духовные академии перед революцией 1917 г. имели 880 слушателей и 152 преподавателя. Петербургская духовная академия за 100 лет (1809—1909) выпустила более 3500 человек, Московская за 1814—1914 гг. — 3622, в том числе за 1901—1914 гг. — 756. В основном питомцы духовных академий составляли верхи церковной администрации, обеспечивали кафедры богословия в вузах, работали в духовных семинариях и т. д. Диплом духовной академии открывал дорогу также и к должностям чиновников министерских канцелярий и департаментов. Из этих академий выходило и небольшое число специалистов в области истории, археологии, истории церкви и т. д. Со времени нового устава 1869 г. до 1 октября 1914 г. в Московской академии были утверждены 110 магистров богословия, а также 35 докторов богословских наук, церковной истории и церковного права⁵⁰.

О высших учебных заведениях в области искусства будет идти речь в 5-й и 6-й главах.

Высшая школа дореволюционной России выпускала людей со все более широким диапазоном специальных знаний, способных стать кадрами различных групп профессиональной интеллигенции. Однако наши сведения об этой высшей школе останутся сухой статистикой без представления об общественно-политической обстановке, в которой протекала жизнь студенчества того времени.

Начавшееся в XIX в. с протестов против бюрократических притеснений в академической жизни, студенческое движение в конце века далеко переросло рамки академических интересов. Обстановка революционного подъема изменила характер студенческого движения. Наиболее независимый, подвижный и энергичный элемент общества, с высоким уровнем сплоченности, позволяющей его выступлениям быстро и организованно охватывать все вузы страны, студенчество стало застрельщиком политических волнений, массовым участником революционно-демократических демонстраций. Под влиянием революционных партий студенческое движение стало спутником и помощником революционной борьбы рабочего класса в России.

После грандиозной студенческой забастовки 1899 г.,

охватившей все вузовские города, после избития демонстрации в Петербурге у Казанского собора 4 марта 1901 г. студенческие волнения непрерывно продолжались, несмотря на исключение целых курсов, аресты и высылки.

Нелегальные общестуденческие съезды в XX в. приняли лозунг «Долой самодержавие». Второй студенческий съезд в 1903 г. отверг устаревшую тактику забастовок и обструкций в академическом масштабе и признал необходимым участие студенчества в жизни революционных партий в разнообразных формах. В ноябре 1904 г. эта тактика вылилась в политические сходки петербургских и московских студентов с лозунгом созыва Учредительного собрания и всеобщего избирательного права и в уличные демонстрации, которые жестоко избивались полицией и жандармами.

Расстрел рабочих 9 января вызвал взрыв политического протеста студенчества. 13 января 1905 г. студенты Рижского политехникума участвовали в рабочей демонстрации, и 29 из них оказались в числе 85 убитых и раненных полицией. Похороны убитых студентов вылились в новую демонстрацию⁵¹. Вспыхнули студенческие забастовки по всей стране, из вузов были исключены сотни и сотни студентов. С 10 января по 21 февраля 1905 г. в забастовках участвовало более 30 вузов. Студенчество добилось закрытия вузов до нового учебного года.

С осени 1905 г. студенческое движение слилось с рабочим. 13 сентября 1905 г. Всероссийский студенческий съезд в Выборге, собравший представителей 23 вузов, признал первоочередной и главной задачей студенчества участие в общей борьбе против царизма. В аудиториях вузов на короткий срок осуществилась свобода собраний и свобода слова — в них происходили многотысячные митинги и собрания, подготовлялась всеобщая политическая стачка. В. И. Ленин отмечал: «Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством»⁵².

Студенчество петербургских университетов, Технологического и Горного институтов, Военно-медицинской академии, Московской консерватории, Киевского политехнического института, Одесского университета, Екатеринославского горного училища и многих других вузов принимало горячее участие в революционной борьбе рабочих. В октябрьских и декабрьских боях было убито

35 московских студентов⁵³. В Киевском политехническом в конце октября 1905 г. проводились открытые заседания Киевского Совета рабочих депутатов. 19 ноября здесь состоялся огромный митинг под охраной восставших солдат саперного батальона. На территории института укрывался раненый В. П. Жадановский, руководитель этого восстания. В результате студенческих выступлений многие вузы вновь были закрыты до осени 1906 г.

Реакция начала наступление на студенчество изданием «Правил» 11 июня 1907 г., по которым все студенческие организации строго регламентировались, а собрания допускались только учебной администрацией, «но не для занятий политической пропагандой». В 1908 г. были ликвидированы все органы студенческого представительства. Осенью 1908 г. вновь началась массовая борьба студенчества. Но обстановка реакции ослабила прежнюю политическую остроту выступлений студентов. С появлением оппозиционных партий в Государственной думе роль университетов как выразителей общественного мнения отодвинулась на второй план. В годы реакции организовались утвержденные правительством «союзы» студентов-«академистов», щедро снабжаемые В. М. Пуришкевичем, лидером думских правых. Правые союзы и группы существовали в Петербурге (в университете, Горном институте, Институте инженеров путей сообщения, Политехническом), в Москве, в Киеве. Их обрабатывали монархической и антисемитской пропагандой, использовали для травли прогрессивной профессуры. Наступление царизма на автономию вузов, начатое запрещением (11 января 1911 г.) всяких собраний в их стенах, вновь вызвало студенческие волнения и массовые расправы над молодежью.

За 1911 г. было исключено «за участие в беспорядках» около 6 тыс. студентов и курсисток, в том числе из Петербургского университета около 1500⁵⁴. Значительная часть исключенных была выслана из университетских городов.

В 1913 г. Военно-медицинская академия была подвергнута разгрому и превращена в чисто военную школу, понеся большой урон как научное учреждение. Целые курсы студентов были уволены. Вновь принятые на 1-й и 2-й курсы считались на положении вольноопределяющихся, а на 3-й и 4-й курсы — на положении зауряд-врачей. Новый устав академии был разработан без уча-

ствия профессорского персонала. Этот разгром крупнейшего вуза вызвал волну горячего сочувствия уволенным студентам, помощь им со стороны городов, земств и обществственности, запрос в Государственную думу, включение дела об академии в одно из обвинений во время суда над военным министром Сухомлиновым. С марта 1913 по февраль 1915 г. было собрано в помощь студентам более 50 тыс. р. Часть уволенных была размещена на медицинских факультетах⁵⁵.

Основная масса студенчества причисляла себя к политическим партиям. По материалам анонимных переписей, из юрьевских студентов в 1907 г. объявили себя социал-демократами 38,5%, а беспартийными — 7,4%; среди петербургских технологов в 1911 г. оказалось 25,3% социал-демократов, 20,7% кадетов, 19,4% эсеров, 10,1% «неопределенно левых», 3% анархистов и т. д., 15% беспартийных. Было сделано наблюдение, что с повышением возрастного показателя увеличивался процент студентов левых убеждений⁵⁶.

Конечно, анкетные ответы определяли политические симпатии, а не действительное членство, тем более в революционных нелегальных партиях. Но во многих вузах существовали социал-демократические группы, связанные с местными партийными центрами. По отчету «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга», к концу 1904 г., «по среднему подсчету», в группах 14 столичных вузов состояло свыше 100 членов и свыше 500 организованных в кружки. Наиболее крупные группы были на курсах Лесгафта, в университете, в Политехническом и в Женском медицинском институтах⁵⁷.

Петербургские студенты обеспечивали возможность проводить в помещениях вузов нелегальные партийные собрания и занятия. В. И. Ленин в 1905—1906 гг. не раз использовал эту возможность. В ноябре и декабре 1905 г. он выступал в Технологическом институте по аграрному вопросу и с докладом о вооруженном восстании на собрании избежавших ареста членов Петербургского Совета рабочих депутатов.

В помещении Высших курсов Лесгафта в конце ноября 1905 г. В. И. Ленин руководил занятиями кружка аграрников-марксистов, готовившихся к работе в деревне, и выступал с докладом о выборах в Государственную думу (в феврале 1906 г.). В Электротехническом

институте он провел несколько бесед в студенческом кружке по марксистской философии и по текущим вопросам (конец 1905 г.) и выступал на совещании членов Петербургского Совета рабочих депутатов⁵⁸.

В Политехническом институте Владимир Ильич в начале декабря 1905 г. осматривал подпольную мастерскую по изготовлению бомб. В конце 1906 — начале 1907 г. в студенческом общежитии Политехнического боевой комитет при Петербургском комитете большевиков создал и регулярно проводил занятия центральной инструкторской школы для руководящих работников⁵⁹.

Демократическое студенчество оставалось средой, всегда готовой ответить политическим протестом на насилие царского режима. Так, организованными выступлениями с участием рабочих под лозунгом «Долой смертную казнь!» отозвались студенты на смерть Л. Н. Толстого. Великий писатель воспринимался как защитник народа, борец против смертной казни. Студенты протестовали против суда над социал-демократической фракцией II Думы, против расправ в острожных тюрьмах, по поводу смертных приговоров матросам в 1912 г., против Ленского расстрела рабочих, против военизации и разгрома Военно-медицинской академии, против «дела Бейлиса», по поводу суда над депутатами большевиками IV Государственной думы в марте 1915 г. и других репрессий.

В истории почти каждого из дореволюционных вузов отмечается участие их студентов в социал-демократических организациях. Наиболее активная и сознательная часть студенчества, закалившись в революционной борьбе под знаменем пролетарской партии, выдвинула многие десятки и сотни профессиональных революционеров, будущих борцов за социалистическую революцию и строителей Советского государства.

2. МАССОВЫЕ ПРОФЕССИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Профессиональные группы трудовой интеллигенции, вырастая количественно, постепенно превращались в массовые кадры. Масштаб этой массовости не совпадает с нашими теперешними критериями, когда численность советской интеллигенции исчисляется миллионами. Но для своей эпохи работа этих кадров имела большое значение, становилась необходимой частью развивающейся материальной и духовной культуры страны, делая ее доступной для все более широких общественных слоев.

Мы пытаемся исследовать профессиональную структуру интеллигенции, численность ее отдельных групп, их социальное положение, рассматриваем их общественно-политические позиции и попытки самоорганизации.

Высокое напряжение общественной и революционной борьбы в эту эпоху ускоряло политическое созревание и самоопределение профессиональной интеллигенции. В ней укреплялось понимание ценности своего культурного дела и необходимости отстаивать его против реакционных сил. В революцию 1905—1906 гг. передовая часть профессиональной интеллигенции внесла свой вклад горячего сочувствия и всесторонней помощи рабочему движению и заявила наиболее демократические программные требования, касавшиеся ее деятельности. Эти факты также подробно освещаются в данной главе.

Следует помнить, что далеко не все образованные кадры пополняли ряды профессиональной интеллигенции. Очень многие должны были искать средства существования в наемной работе в качестве служащих, выполнявших функции канцелярского, конторского, управленческого труда в сфере частного предпринимательства и в государственных учреждениях. Их образование и навыки оставались вне функций профессионального

труда интеллигенции. Как и в прошлом столетии, значительная часть образованных кадров обращалась в чиновников, и этот процесс даже усилился. Усложняющиеся задачи управления капиталистической страной требовали более квалифицированного персонала, прежние верхи дворянской бюрократии, не нуждавшиеся в серьезном образовании, уже не справлялись с задачей защиты самодержавия от революции. Одним из способов, которым царизм пытался отсрочить свой неизбежный политический и экономический крах, была перекачка образованных кадров в государственный аппарат¹.

Втягивание образованных кадров в управленческий аппарат не изменяло его бюрократических функций и не превращало квалифицированную часть чиновничества в одну из групп интеллигенции. В действительности, однако, иногда имело место некоторое совмещение функций, когда вкрапленные в чиновничий аппарат ученые, инженеры, даже люди творческого труда сохраняли интеллектуальный характер своей деятельности.

О таком же совмещении функций можно говорить по отношению к образованным и даже по-своему прогрессивным деятелям офицерства и духовенства. Из них выходило немало теоретиков, преподавателей, ученых, писателей, но такие факты не изменяли специфических функций этих общественных слоев и не превращали их в интеллигенцию. Хорошо известно агрессивное отношение православного духовенства к интеллигенции, принимавшее все более открытый характер.

Как отмечал П. Г. Рындыонский, чиновники, достигавшие командных позиций в деле распределения народного богатства и народного дохода, неизбежно воспринимали черты хозяев помещичьей, бюрократической, полицейской России — «своекорыстие и пренебрежение к соблюдению национальных интересов России», «преклонение перед иностранной предприимчивостью, пренебрежение к достижениям отечественной технической мысли»².

Публицист-народник С. Я. Елпатьевский писал в 1905 г., что «крепостнически-бюрократические люди», примыкающие к правящим слоям, «тщательнее всех отгораживают себя от интеллигенции и настойчиво уверяют, что там нет интеллигенции»³.

Образованные кадры интенсивно вовлекались в ряды чиновничьей элиты, в административно-хозяйственную и

управленческую верхушку. Так, канцелярия Совета министров почти сплошь состояла из дипломированных чиновников, половина из них имела университетское образование. Юрисконсультская часть Министерства юстиции, считавшая себя «аристократией министерства», разрабатывала важнейшие законопроекты, составляла «шпаргалки» для выступлений министров и товарищей министров. В критический для самодержавия момент, в октябре 1905 г., Витте провел указ о создании Министерства торговли и промышленности, предписывая подбирать в него чиновников с высшим образованием. В 1912 г. таких было около 420 из 453 служащих министерства⁴. Множество чиновников с высшим образованием получало высокие оклады за «честность» в Государственном контроле, в таможенном ведомстве.

Большой спрос на людей с юридическим образованием (оно было только высшее, средних юридических школ в гражданском ведомстве не было) предъявляло Министерство юстиции. Блюстители буржуазной законности, введенной судебной реформой 1864 г., становились чиновниками русской монархии, всей своей сущностью враждебной этой законности. Известно, что основные положения судебной реформы постоянно изменялись и урезывались.

В судебных палатах и окружных судах в 1913 г. насчитывалось свыше 7700 чиновников и сверх того свыше 1300 штатных чиновников центральных учреждений и «состоящих при министерстве». Эта девятитысячная армия в подавляющем большинстве обладала высшим юридическим образованием. Руководящие должности занимали в основном дворяне, социальный состав остальных был самый разнообразный. Судебные чиновники получали крупные оклады, особенно в высших инстанциях. Русская магистратура по своему вознаграждению занимала первое место среди других стран. Это рассматривалось как «охрана судебной независимости»⁵.

Некоторую часть профессиональной интеллигенции, подготовленную к обслуживанию лесного хозяйства, транспорта, связи, горной промышленности, государство непосредственно обращало в административно-технический персонал в разных отраслях своего хозяйства. Вполне естественно, что во главе хозяйственных учреждений должны были стоять ответственные специали-

сты, но в рядах чиновничьей элиты они, за редким исключением, превращались в бюрократов, утрачивая интерес к сущности своего профессионального дела.

Масса инженеров наполняла административно-технический аппарат Министерства путей сообщения. Все путейцы считались приписанными к личному составу этого министерства, даже служившие на частных дорогах. В огромном списке его служащих в 1915 г. насчитывалось 2800 лиц с инженерным образованием. В центральных учреждениях министерства служили 216, в различных управлениях и отделах — 200, по эксплуатации казенных железных дорог — 257, на частных железных дорогах — 203 инженера. Зато на ответственных постах по постройке и изысканиям новых железнодорожных линий, в том числе и частных, работало всего 164 инженера, в местных учреждениях отсталой отрасли водных и шоссейных сообщений — всего 54 инженера.

При общем недостатке железнодорожных технических кадров, на административных должностях им платились огромные оклады. Начальники отдельных линий получали 12—15 тыс. р., начальники различных железнодорожных служб — от 5,4 до 8 с лишком тысяч, начальники телеграфа — 3,3—4,8 тыс. и т. д. На частных дорогах оплата была еще выше⁶.

В бюрократической атмосфере Министерства путей сообщения многие путейцы превращались в беспринципных делег и взяточников. Академик Е. О. Патон вспоминал, как группа старых инженеров-чиновников в 90-х годах монополизировала проектирование железнодорожных мостов и предлагала разным дорогам ассортимент готовых мостов. Он же красочно описал, как инженеры-путейцы, съезжаясь в Киев в дни годовщины своего института на традиционные банкеты, «с упоением хвастали внушительным счетом в банке, собственным выездом, выгодной женитьбой, удачной покупкой ценных бумаг... Карьера, комфорт, деньги, новые ступеньки на служебной лестнице — вот в чем состояли идеалы таких людей. Все вокруг прививало им эти убогие и корыстные интересы»⁷.

Инженеры-электрики получали работу в государственных учреждениях связи — городских и железнодорожных телеграфных центрах, в телефонной сети городов и т. п.⁸

Много горных инженеров использовалось в чиновни-

чьем аппарате горной промышленности, управляемой Горным департаментом (в 1905 г. он перешел из Министерства государственных имуществ в Министерство торговли и промышленности). Сложное и громоздкое управление горной и металлургической индустрией (раздельный надзор над частными и государственными предприятиями) в одиннадцати горных округах требовало огромного административного аппарата, поглощавшего множество специалистов. В списке горных инженеров в 1913 г. насчитывалось 1115 имен, в том числе 180 с чином IV—II классов. Инженеры-чиновники получали большие оклады (начальники от 4 до 8 тыс. р., средние чины — 1,4—2,8 тыс. в год), столовые, квартирные, разъездные, прибавки за выслугу 10 лет в Сибири, в Царстве Польском, в Закавказском крае и т. п.⁹

Недостаток инженеров на производстве лишал эту отрасль полуказенной индустрии всякого духа новаторства. Развитие горнодобывающей промышленности существенно тормозилось также отжившими правовыми ограничениями, сохранявшими частную собственность на недра за владельцами земли. Вот что писал в своем дневнике известный реакционер А. С. Суворин в 1907 г.: «Министерство (торговли и промышленности) ровно ничего не делает для изыскания рудных жил, рудных месторождений, а бюро частных разведок запрещает, боясь, что оно его скомпрометирует»¹⁰.

В первой главе мы отметили высокий темп роста инженерных кадров как характерную черту периода монополистического капитализма. Еще в 90-х годах русские предприятия довольствовались минимальным количеством обученных мастеров, а на ведущие должности брали практиков-иностранцев. Иностранные металлургические заводы были «запрещенной зоной для русских мастеров и инженеров», — вспоминал академик И. П. Бардин. Окончив Киевский политехнический, он работал затем на нескольких заводах в Америке, а вернувшись в Россию, был принят всего только чертежником на Юзовский завод¹¹.

Положение стало меняться с появлением первых организаций монополистического капитала — съездов и «советов» железозаводчиков, горнопромышленников разных регионов, нефтепромышленников, сахарозаводчиков и пр. Совет съездов представителей промышленности и торговли уже в 1907 г. объединил свыше 50 промышлен-

ных организаций, в основном тяжелой индустрии. Характерно, что в него входило также Русское общество книгопродавцов и издателей, объединявшее капиталистическую печать.

Современники отмечали, что европеизирующемуся русскому капиталу требуется интеллигент не только как «руководящий техник», но и как «носитель буржуазной тенденции». Отличительной чертой теперешнего прогресса, писал Л. Клейнборт, является «рост типичного капиталистического интеллигента, связанного с капиталом не только материально, но и организационно... Еще не так давно вы, в лучшем случае, встречали его в капиталистической прессе — и то в довольно жалком виде. Сейчас же ни один синдикат, ни одно учреждение промышленное не обходится без этого поставщика промышленной идейности... Он — «свой человек» на промышленных съездах, он пишет законопроекты, докладные записки...»¹².

Как использовали тогда технических специалистов капиталистические предприятия России? Вопрос этот не нашел отражения в современной промышленной статистике. Другие источники также очень скудны.

Имеются данные о занятиях инженеров, окончивших Петербургский технологический институт. Из анкет, охвативших 65% выпускников 1866—1900 гг., видно, что далеко не все они работали на производстве, но доля таких постепенно повышалась: в 1893 г. их было 39,9%, а в 1902 г. — 51,8%. Доля занятых на транспорте составляла соответственно 31 и 25%, то есть немного понизилась. Остальные служили в государственных, городских и земских учреждениях, занимали административные должности, преподавали. Ничтожная часть инженеров (всего 18) имела «собственное дело».

Прежде питомцы Петербургского технологического института в основном работали в металлургической и горной промышленности, а также в сахарной и винокуренной. Но в конце XIX и особенно в XX в. появились новые области индустрии, в развитие которых петербургские технологи также внесли свою долю. Из их среды вышли организаторы и руководители крупнейших предприятий нефтяной промышленности. В этой отрасли работали 158 петербургских технологов. Они были заняты также в области электротехники (эта специальность была введена в учебную программу Технологиче-

ского института лишь в 1895 г.): электрического освещения, трамвайного транспорта, электрификации заводов и т. п. До 1920 г. институт выпустил 130 электротехников. Новому для России элеваторному делу посвятили себя 40 технологов, и т. д.

Петербургские технологи работали и в текстильной промышленности — на 43 фабриках в провинции (в то время столичные прядильно-ткацкие предприятия предпочитали английских специалистов), на всех существовавших тогда бумажных фабриках, а также на постройке дорог, мостов, гражданских сооружений (в 1904 г. были расширены права всех инженеров в области строительства), по водоснабжению и канализации городов и т. д. С середины 80-х годов до 1918 г. 240 петербургских технологов работали фабричными инспекторами, из них 56 имели стаж более 20 лет¹³.

Имеются также данные о деятельности 209 петербургских политехников (членов Общества окончивших Петербургский политехнический институт). Из них на производстве работали лишь 63 инженера (31%), на транспорте — 23, в банках и кредитных учреждениях — 24 инженера-экономиста. Остальные устроились чиновниками государственных учреждений (37 человек), служащими частных предприятий и трестов (13) и т. п.¹⁴

В XX в. выпускники Екатеринославского горного института и горных факультетов Томского технологического и Донского политехнического стали появляться на предприятиях Юга России. Сначала их было очень мало. В 1903 г. на заводах, копях, в рудниках и каменоломнях, по сведениям, собранным М. Б. Краснянским, служили 80 горных инженеров и 150 штейгеров (горных техников), 67 технологов и других техников, 137 иностранных техников. К тому времени в России имелось всего пять штейгерских среднетехнических школ — две основанные в XVIII в. и три основанные в 70—80-х годах — в Донбассе и Польше. К 1924 г. из окончивших Екатеринославский горный в местной каменноугольной и железорудной промышленности работало 190 инженеров, в нефтяной промышленности — 18, на заводах — 72 и т. д.; на преподавательскую работу из них пошли 48 человек, в том числе 36 в вузы. В 1914 г. на угольных предприятиях Донбасса насчитывалось всего 327 инженеров¹⁵.

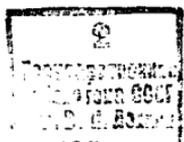
О положении начинающего инженера в этом районе можно судить по рассказу будущего академика

А. М. Терпигорева. Как помощник управляющего на одном из частных рудников он получал 1800 р. в год, казенную квартиру и выездной экипаж. Заработок технической интеллигенции колебался в широких пределах. По анкетам инженер-механиков, окончивших Киевский политехнический институт, 31,5% зарабатывали от 1000 до 2000 р. в год, 25,2% — от 2000 до 3000 и 27,9% — более 3000 р. в год¹⁶.

Значительной части технической интеллигенции выпадала на долю деятельность, лишенная творческих перспектив, подчиненная задачам капиталистической эксплуатации. Их знания и способности в лучшем случае служили личной карьере. Пессимистическое недоверие к возможностям творческого труда инженера отражалось на настроениях молодежи. В 1911 г. из ответивших на анкету студентов петербургских технических вузов только 40% твердо хотели посвятить себя инженерной деятельности. Из остальных многие видели будущее в мрачном свете — «бесполезным, неинтересным, бездейным», с перспективой отказаться от стремления «работать на общественном поприще, применяя технические познания по вопросам общественно-технического характера», и служить тому, «у кого есть и власть, и деньги; невольно придется жить и работать применительно к подлости». «Надеюсь избежать инженерной деятельности... К технике буду иметь плохую подготовку, — писали студенты. — Ждет плачевная участь чиновника»¹⁷.

Нет нужды доказывать, потому что это уже доказала история, что в среде технической интеллигенции в России никогда не переводились смелые, талантливые, бескорыстные люди, преданные своему делу, вынашивавшие дерзкие технические проекты, делавшие выдающиеся открытия. Их планы и замыслы смогли осуществиться после Октябрьской революции и принесли огромную пользу Советской стране.

Профессиональные объединения в среде технической интеллигенции начинались в XIX в. в формах обществ взаимопомощи, еще в стенах вузов. Одним из них было Политехническое общество при Московском высшем техническом училище, издававшее свои «Труды» и «Вестник» и в 1907 г. построившее свой дом, который проектировали сделать «центром и средоточием интеллигентных технических сил Москвы». В 1916 г. оно имело 1011 членов¹⁸.

Расширялась деятельность научно-технической печати, особенно в конце XIX — начале XX в. В научно-технических изданиях за 1801—1916 гг. сотрудничало свыше 700 авторов, а редакторов и издателей было около 600¹⁹. Появились многочисленные научно-технические общества. В числе возникших в конце XIX в. отметим Общество горных инженеров, основанное в 1887 г. При основании в нем было свыше 200 членов, в 1903 г. — более 600, в 1905 г. — 400. В 1894 г. возникло Общество гражданских инженеров, в 1910 г. — Русское металлургическое общество, пользовавшееся большой популярностью в кругах технической интеллигенции. При основании в нем было 267 членов, в 1916 г. — 812. Общество электротехников на своем очередном съезде в 1921 г. обсуждало план ГОЭЛРО. Активным оставалось Русское техническое общество, которое к началу XX в. имело отделения в 40 промышленных городах. В 1915 г. оно насчитывало 911 действительных членов. Несмотря на наличие в РТО и реакционных и чисто деляческих элементов, иногда приводивших к временному спаду его деятельности, главная роль в нем принадлежала крупным ученым и инженерам. С середины 90-х годов его возглавлял общепризнанный авторитет профессор Н. П. Петров. Наиболее энергично и плодотворно работали электротехнический и воздухоплавательный отделы общества²⁰.

На съездах деятелей по техническому и профессиональному образованию, устроенных РТО в 1889/90 и 1895/96 гг., настойчиво доказывалась необходимость новых методов преподавания и усиления практической подготовки в технических вузах. РТО деятельно участвовало в разработке проекта Петербургского политехнического института. Вопрос о необходимости практической связи высшей технической школы с промышленностью занимал внимание и III съезда. Этот многолюдный съезд (до 2700 участников, включая 300 представителей от педагогических, научных и общественных организаций), собравшийся в здании Петербургского университета (29 декабря 1903 — 5 января 1904 г.), выделялся повышенной политической активностью и стал как бы преддверием к выступлениям передовой интеллигенции в 1905 г. Съезд был закрыт «за уклонение от утвержденной программы»²¹, но участники его тут же влились

в массу участников IX Пироговского съезда (о нем см. ниже).

Говоря о попытках профессионального объединения в различных группах интеллигенции, мы будем останавливаться на их общественных организациях и поведении в 1905 г. Анализ их политической ориентации будет сделан в седьмой главе, в связи с деятельностью Союза союзов.

Объединение технической интеллигенции было оформлено в виде Союза инженеров и техников. Он был задуман в планах буржуазной оппозиции как одна из основных организаций интеллигенции в борьбе за ограничение самодержавной власти. На банкете 5 декабря 1904 г. группа промышленной буржуазии выставила умеренную конституционную программу («Записка 492-х»), где различные демократические требования, в том числе защиты от репрессий высшей школы — «основы технического прогресса», мотивировались интересами «преуспеяния русской промышленности» и «увеличения производительности труда». Было выбрано бюро Союза инженеров, в основном из профессуры, занимавшей крупные административные посты, для подготовки организации этого Союза, предназначенного стать оплотом интересов индустриальной буржуазии.

Расстрел рабочих 9 января показал наличие более глубоких революционно-демократических настроений в среде инженеров. Петербургские инженеры, собравшись 13 и 14 января в Обществе технологов и Обществе горных инженеров, выработали свою записку («Записка 198-ми», позже собравшая путем газетных заявлений еще свыше 800 подписей со всех концов России) с протестом против правительственных действий 9 января и подали ее председателю Комитета министров С. Ю. Витте²².

Первый делегатский съезд от успешных сформироваться 24 провинциальных отделов Союза инженеров собрался в Петербургском политехническом институте 22—26 апреля 1905 г (последние заседания проводились вследствие вмешательства полиции в Териоках). 125 уполномоченных представляли 3228 инженеров и техников (значительная часть их состояла в Петербургском отделе союза, занявшем руководящее положение). Около 700 членов Польского союза инженеров и техников были приняты в новый союз на правах федерации.

На апрельском съезде был оформлен Союз инженеров и техников всех специальностей. В его политической декларации (платформе) заявлялось, что внешние и внутренние условия настоящего момента «исключают возможность нормального развития промышленности. Подготовленный долгими годами режима произвола... кризис охватил всю страну. Рабочие и крестьяне находятся в состоянии непрерывного брожения». Съезд должен думать «прежде всего не о техническом прогрессе, не о рынках сбыта, не о частичных улучшениях в положении рабочих, а о коренном изменении государственного строя». После революционно-демократических требований о немедленном созыве Учредительного собрания при условиях, обеспечивающих свободу выборов, ставились задачи «предоставления самостоятельности рабочему классу», законодательной защиты всех видов наемного труда, требования 8-часового рабочего дня, государственного страхования рабочих, контроля охраны труда рабочими комитетами и т. д. Ставилось требование коренной аграрной реформы, которая признавалась неосуществимой при самодержавно-бюрократическом строе.

Союз инженеров и техников, особенно его Петербургское бюро, фактически руководившее всей деятельностью союза, был самой живой и активной организацией среди других объединений интеллигенции того времени. Одним из наиболее энергичных его деятелей был горный инженер профессор Л. И. Лутугин, одновременно входивший и в Академический союз, и в Союз писателей. Еще в феврале — марте 1905 г. инженеры организовали в аудиториях Русского технического общества пять собраний по рабочему вопросу, на которые приглашались рабочие²³.

Летом 1905 г. Василеостровская организация Союза инженеров выработала тактическую программу из 17 пунктов. В ней содержались в числе других такие требования, как свобода манифестаций в день Первого мая, признание права рабочих на забастовку, созыв Всероссийского съезда рабочих, несовместимость с достоинством инженера любых форм участия в репрессиях капиталистов над рабочими и служащими по политическим мотивам, бойкотирование инженеров за противодействие целям Союза и т. д. Петербургские инженеры содержали 4—5 столовых для рабочих, совместно с Союзом адвока-

тов помогали детям бедных рабочих, 9 июля организовали панихиду по погибшим 9 января с отказом от работы на заводах в этот день. Особую активность проявляли инженеры в период массового подъема революционного движения в октябре 1905 г. — помогали организации всеобщей забастовки, отчисляли часть заработка в пользу бастующих. Петербургское бюро союза объявило бойкот начальнику Адмиралтейских ижорских заводов инженеру генерал-майору Гроссу, уволившему 16 инженеров за участие в забастовке, и объявило их места не подлежащими замещению²⁴.

22 октября 1905 г. на многолюдном собрании союза под председательством Л. И. Лутугина обсуждался вопрос о черносотенных погромах и выдвигались требования о предании суду виновников расстрела народа у Технологического института — генерал-губернатора Трепова и жандармского генерала Дедюлина, о немедленном удалении войск, действующих против граждан, и об организации народной милиции для охраны городского населения.

Петербургский отдел Союза инженеров вместе с Советом рабочих депутатов объявил о присоединении к забастовке протеста 3 ноября 1905 г. против ожидавшихся казней участников восстания в Кронштадте и против введения военного положения в Польше²⁵.

В начале декабря 1905 г. в правлении Петербургского отдела Союза инженеров (Загородный пр., 23, кв. 1) В. И. Ленин выступил с речью о роли демократической интеллигенции в революции²⁶. Во время декабрьской стачки Петербургский отдел создал из представителей разных союзов, входивших в Союз союзов, комитет по организации помощи петербургским рабочим. Было собрано до 10 тыс. руб. и открыты 15 столовых и продовольственных пунктов.

В Петербургском отделе к половине декабря было 1200 членов. За год из него вышли всего 34 человека, но в период политических забастовок вступили 105 новых. В 1906 г. Союз инженеров насчитывал 4000 членов²⁷.

Возвращаясь к тем группам технической интеллигенции, которые использовались на государственной административной службе, отметим, что в чиновников превращалась и большая часть лесоводов. Их малочисленные кадры использовались прежде всего в казенных

угодьях Лесного департамента, были разбросаны по лесничествам и должны были выполнять задачу охраны казенного леса. Задачи лесоводства стояли для государства на заднем плане. Но лесоводы, хотя многие из них и становились силою обстоятельств чиновниками, не мирились с этим. Среди них были люди независимые, профессионалы-интеллигенты, болевшие душой за состояние порученного им природного богатства. Таких лесничих с уважением изображал А. П. Чехов.

Их общественные настроения хорошо отразились в платформе Союза лесоводов и техников, принятой в 1905 г. «Самодержавно-крепостнический режим, — отмечалось в резолюции, — в области управления казенными лесами развивает особую присущую ему политику, всю тяжесть которой испытывают на себе казенные лесничие; эта политика приводит деятельность лесничих к полицейско-канцелярской службе, не удовлетворяющей даже чисто фискальным интересам. Всеобъемлющая опека и усмотрение свыше наряду с установлением обязательных, чисто шаблонных, рутинных форм ведения хозяйства убивают дух личной инициативы и превращают лесничего в чиновника, лишь формально выполняющего свои обязанности. Совокупность всех этих ненормальных тяжелых условий и частые конфликты с сельским населением нередко совершенно лишают лесничего возможности поступать так, как подсказывает ему совесть и чувство гражданина»²⁸.

Создание своего профессионально-политического союза в 1905 г. у лесоводов шло медленнее, чем у других групп интеллигенции, вследствие особых условий службы и трудности сношений. Союз лесоводов и лесных техников был оформлен только на их втором съезде 4—7 декабря 1905 г. в Петербурге, где присутствовало 66 человек (к тому времени имелось всего 90 членов союза).

Собравшись в разгар декабрьских событий, съезд лесоводов сразу отозвался на арест Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов, заявив о полной солидарности с борцами за народовластие и социализм и признав, что в настоящее время единственным способом борьбы с правительством, которое опирается на реакционные силы и применяет провокацию и открытое насилие, является только путь революционный. В политической платформе Союза лесоводов

на первом месте стояла коренная аграрная реформа, по рабочему вопросу она присоединялась к программ-минимум РСДРП, приводя все ее пункты: требовала уничтожения сословий, введения всеобщего бесплатного образования и полной свободы просветительной деятельности, реорганизации армии и флота на демократических началах.

Съезд принял особую резолюцию о крестьянском движении — речь шла о попытках захвата помещичьих и казенных лесов. Отмечая, что крестьянское движение принимает иногда формы, влекущие за собой «бесцельное уничтожение народных богатств», съезд признал «безусловно недопустимым для всех лиц, причастных к лесному хозяйству, какие-либо насильственные меры, не говоря уже об обращении за содействием к вооруженной силе во всех случаях столкновения администрации с местным населением». «Роль сознательной интеллигенции, — говорилось в этой резолюции, — может состоять лишь во внесении элемента планомерности и сознательности в это в значительной пока степени стихийное движение». Рекомендовалось в таких случаях обращение лесоводов к Крестьянскому союзу²⁹.

Среди других групп специалистов выступили и землемеры, однако с большим запозданием. Лишь в конце 1906 г. группа организаторов из 75 человек выработала устав Союза межевых служащих, где ставились чисто профессиональные задачи — улучшение материального положения служащих, организация взаимопомощи и т. п.³⁰

Перейдем к условиям работы тех профессиональных групп интеллигентов, которые в свое время назывались «деятелями экономической помощи населению». Примерно треть общего числа агрономов работала в учреждениях Министерства земледелия, около двух третей — в хозяйстве земств и других общественных организаций. Начиная с 1909 г. в земствах создаются должности участковых агрономов, которые на выделенных им участках должны были ставить научные агрономические опыты и передавать сельскохозяйственные знания крестьянам. В 1910 г. учреждаются агрономические советы в 29 губернских и 292 уездных земствах с участием населения. В 1913 г. агрономический персонал земств насчитывал 4300 человек³¹.

Подсобные агрономические кадры готовились низши-

ми сельскохозяйственными школами и среднеспециальными земскими училищами, субсидируемыми Департаментом земледелия. К 1915 г. существовало до 70 таких школ.

Рост численности агрономического персонала и соотношение в его среде людей с высшим и средним образованием показаны в следующей таблице, относящейся к 1909 и 1913 гг.³²:

Годы	На государственной службе	На службе в общественных организациях	Всего	В %
1909	721 (28,4%)	1 820 (71,6%)	2 541	100
	В том числе: с высшим образованием 237	с высшим образованием 386	623	24,5
	со средним образованием 283	со средним образованием 406	749	29,5
1913	2 954 (32,2%)	6 158 (67,8%)	9 112	100
	В том числе: с высшим образованием 685	с высшим образованием 1 293	1 978	21,7
	со средним образованием 647	со средним образованием 1 329	1 976	21,7

При абсолютном увеличении этого персонала почти в 3,6 раза процент людей с образовательным цензом снижается с 54 до 43,4. Это свидетельствует о дефицитности специальности.

Земские агрономы были, так сказать, элитой «третьего элемента», то есть той части разночинской интеллигенции, которая служила по найму в различных земских учреждениях. Они были обеспечены так же примерно, как земские врачи. Хотя затраты земства на сельскохозяйственные мероприятия в целом росли (поднявшись с 4,1 млн. р. в 1905 г. почти до 16 млн. в 1913 г.), но работа земских агрономов была малопродуктивной. Это зависело и от бедности земств, и от равнодушия земских управ к попыткам передовых агрономов развивать более выгодные и перспективные отрасли крестьянского хозяйства. Еще очень далек был от действительности идеал смелого земского агронома, самостоятельно применяющего новые методы к местным условиям, не боясь риска неудачи и потери авторитета.

В среде агрономов ярко отражались общественные настроения «третьего элемента». Земские агрономы неприязненно относились к правительственным (которые в основном ведали помощью состоятельным крестьянам-хуторянам), сторонились их, не приглашали на губернские агрономические совещания и т. д.³³

Агрономы, статистики и другие «деятели экономической помощи населению» на съезде в Москве 24 марта 1905 г. заявили о необходимости создания своего союза. Принятая ими резолюция очень полно отражала социал-демократическую программу-минимум, включая лозунг демократической республики, необходимость конфискации и превращения в государственный фонд удельных, кабинетских и монастырских земель, конфискации монастырских капиталов, отмены выкупных платежей и недоимок и т. д.³⁴

Ветеринарная помощь населению, долго находившаяся (с 1866 г.) в ведении Министерства внутренних дел, в значительной мере ограничивалась борьбой с эпизоотиями. Количество ветеринарных врачей трудно установить, так как разные источники дают различные сведения. Отчет Министерства просвещения за 1912 г. указывает на наличие 3400 ветеринарных врачей и 3800 ветеринарных фельдшеров, а «Российский медицинский список» на 1914 г. — 5200 врачей, имевших право ветеринарной практики. Во всяком случае, их было крайне недостаточно для нужд огромной страны.

По сведениям Ветеринарного комитета Министерства внутренних дел, в 1914 г. не хватало более 5 тыс. ветврачей только на государственных вакансиях, не говоря о земской и городской службе, а также армии. Ветеринарная служба в земствах организовалась лишь в конце 80-х годов в форме врачебных амбулаторий и фельдшерских пунктов. Но, например, в Уфимской губернии в 1913 г. имелось всего 35 ветврачей и 35 фельдшеров, а в Симбирской — 24 ветврача и 60 фельдшеров³⁵.

Ветеринарные врачи деятельно боролись за свое профессиональное дело. Еще в 1900 г. московская охранка сообщала о политической неблагонадежности многих членов, и особенно правления Московского общества ветеринарных врачей³⁶.

Первый Всероссийский ветеринарный съезд в Петербурге (в январе 1903 г.), собравший 975 участников, осудил постановку ветеринарного образования и требовал

улучшения организации городской и сельской ветеринарии. Эти же вопросы ставились на следующих съездах (в 1910 г. в Москве и 29 декабря 1913—6 января 1914 г. в Харькове, где собрались 1167 ветврачей). Даже Министерство просвещения в 1912 г. забило тревогу, заявив, что недостаток и плохая подготовка ветврачей приносят миллионные убытки стране и громадный ущерб экспорту рогатого скота в Западную Европу.

В 1905 г. совещание ветеринарных врачей (в Москве, 21—22 марта) учредило союз, приняло устав и резолюцию, в которой были обрисованы общие политические, экономические и культурные условия жизни страны, «угнетающее бесправие и некультурность» и полное разорение большинства населения как «непреодолимый тормоз ветеринарной деятельности». Общественно-политические требования ветеринаров были близки к социал-демократической программе-минимум³⁷.

Перейдем к медицинским кадрам. Крупное социальное и культурное значение медико-биологических знаний обеспечивало массовое развитие этих кадров различных градаций и большой спрос на них. Медики работали кроме обычных больниц и пунктов во многих других ведомствах: в учебных заведениях, на железных дорогах, на частных фабриках и заводах, в тюремном ведомстве и т. д. Большая часть врачей существовала за счет частной практики.

Управление врачебно-санитарным делом находилось в ведении Министерства внутренних дел. В Медицинский совет для координации мероприятий входили ответственные инспектора разных министерств, армии, флота и других учреждений, а также — с совещательным голосом — авторитетные представители медицинской науки — И. П. Павлов, Н. Я. Чистович, Г. В. Хлопин, В. М. Бехтерев и др.

Перепись 1897 г. насчитала около 17 тыс. врачей. К ним добавились кадры, выпущенные медицинскими вузами за 1900—1917 гг. По отчету главного врачебного инспектора, в 1912 г. в стране имелось 8100 больниц на 220 тыс. кроватей и 4100 врачебных участков. Гражданских врачей насчитывалось 22 772, фельдшеров — 28 500³⁸. «Российский медицинский список», официальное издание Министерства внутренних дел, удостоверявшее право практики включаемых в него врачей, на 1914 г. содержал более 42 700 фамилий, в том числе

28240 лекарей и докторов медицины, 3120 женщин-врачей, 5330 провизоров и 112 магистров фармации, 5800 зубных врачей.

Много ли это было или мало? В. В. Вересаев еще в 1901 г. писал, что «рынок врачебного труда у нас давно уже переполнен», что на вакансии земских врачей в самых глухих местностях подаются многие десятки прошений, что врачи многих городских больниц получают 45—50 р. в месяц, а если в Петербурге им платят 75, то «околодочные надзиратели, дворники и швейцары» обеспечены лучше. Растущая конкуренция заставляла медицинский персонал на фабриках и заводах подчиняться условиям жестокой эксплуатации³⁹.

Вересаев раскрыл причины, ограничивавшие спрос на врачебный труд в стране, где в 1913 г. на 10 тыс. жителей приходилось меньше двух врачей. Государство и земство выделяли очень мало средств на медицинское обслуживание населения, содержали крайне недостаточный штатный персонал. Преобладающее большинство частных практикующих врачей лечило более состоятельные слои, иногда преуспевая в своем обогащении. Но крестьянское население, как отмечал Вересаев, «при безвыходной бедности и бескультурности деревни» не могло оплачивать труд врачей, и поэтому вольнопрактикующие врачи не имели к нему доступа. Земский врач, обычно совмещавший почти все медицинские специальности, получал в год 1200—1500 р., то есть больше, чем рядовой больничный врач. Но как мало было этих врачей!

К концу XIX в. земские врачи 34 земских губерний составляли около пятой части гражданских врачей. Количество земских врачебных участков росло: в 1910 г. они составляли 70% всех участков, имевшихся в России. Все больше земских врачей передвигалось в деревню. Если в городских пунктах за сорок лет (1870—1910) число земских врачей выросло вдвое (с 370 до 747), то в деревне — вдесятеро (с 243 до 2335). Общее их количество за сорок лет выросло в 5 раз. Но все же вдумаясь в эти цифры: в 1900 г. в земских врачебных учреждениях работало 2400 врачей, в 1910 г. — 3090 *⁴⁰.

О непомерной бедности медицины, обслуживавшей

---

* В этот подсчет не входит более 700 психиатров, эпидемиологов и санитарных врачей, служивших в 1910 г. в губернских земствах.

многомиллионную крестьянскую Россию, говорят эти цифры! Дореволюционная Россия по здравоохранению занимала одно из последних мест среди европейских государств.

Конечно, и в дореволюционной России организация земской медицины была огромной и признанной заслугой русских врачей. Не имея никаких готовых образцов на Западе, писал один из исследователей врачебно-санитарного дела, земство «сумело создать совершенно новую, оригинальную по своей постановке и строю систему общественного обслуживания населения медицинской помощью... выработало новые пути для осуществления общественно-санитарных задач»⁴¹. В этой среде осуждалась тенденция подорвать земскую медицину, введя в нее основания частной платной практики.

В общественном положении русских врачей были и другие своеобразные черты. Здесь, отмечала еще в 1905 г. Клара Цеткин, «женщины-врача не опасались как конкурентки», не было упорного противодействия требованиям женского медицинского образования, какое существовало, например, в Германии. «Наоборот, в женщине-враче дружески приветствовали товарища»⁴².

Общественная активность врачей еще с 60—70-х годов XIX в. направлялась в область организации общественной гигиены и санитарии. Врачи земских санитарных бюро всегда стояли «на левом фланге русской медицинской общественности». Эти бюро были в глазах земских заправил очагами крамолы, и начиная с 90-х годов многие из них, даже имевшие за собой годы плодотворной деятельности, были закрыты⁴³.

Широкое развитие получила медицинская печать, всегда отзывавшаяся на события общественной жизни. «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова», издававшийся с 1895 г., в 1906—1907 гг. печатал списки медицинских работников, репрессированных за политические убеждения, сведения о казнях и пытках, об уничтожении реакционными земцами культурных и просветительных учреждений. В эти годы в журнале появлялись статьи, заявлявшие не только о необходимости свержения «самодержавного бюрократизма», но и о невозможности общественного здравоохранения в рамках капиталистического строя. «Капитализм стоит перед общественным здравоохранением как глухая стена, о которую разбиваются все усилия науки»⁴⁴, — писал автор

одной из таких статей, предвидя день, когда съезд русских врачей закончится при криках «Долой капитализм!»

Продолжали научную и общественную работу многочисленные медицинские общества, объединявшие своих членов по городам или по отраслям медицинских наук. «Нормальный устав» медицинских обществ, утвержденный в 1869 г., определял их санитарные и просветительные задачи. Во второй половине XIX в. в России возникло свыше 70 медицинских обществ, более крупные из них объединяли от 100 до 300—400 врачей. Российское общество охранения народного здоровья, созданное в 1877 г. и покровительствуемое администрацией, привлекая в свои ряды не только врачей, но и других добровольцев, ставило задачу оздоровления санитарного состояния городов. Оно организовало свои отделы в 27 городах. Эти отделы после революции 1905 г. были закрыты⁴⁵.

XII Международный конгресс врачей, впервые проводившийся в 1897 г. в России и проходивший под председательством Н. В. Склифосовского, показал, что русская медицина заняла видное место в мировой науке. Накануне этого съезда на средства русских врачей в Москве был открыт памятник Н. И. Пирогову.

С конца XIX в. участились съезды медицинской общественности. Отметим почти ежегодные съезды российских хирургов. С 1900 по 1916 г. они собирались 14 раз. Последний их съезд, привлечший более 1100 врачей, был посвящен проблемам военной хирургии⁴⁶.

Как и прежде, ведущая роль принадлежала Всероссийскому обществу русских врачей имени Н. И. Пирогова. С трибуны своих съездов оно ставило многие острые жизненные проблемы социальной санитарии и гигиены. Общество не являлось организацией в собственном смысле слова, не имело местных отделов, на его съезды съезжались все желающие, в том числе представители коллективных членов — медицинских учреждений. В XX в. (по апрель 1917 г.) состоялось семь съездов общества, собиравших до 2000 и более участников. Основная работа общества велась его многочисленными комиссиями, из которых особой энергией отличалась комиссия по распространению гигиенических знаний, издававшая огромными тиражами соответствующий печатный и изобразительный материал.

Съезды общества сыграли большую роль в объединении врачей. 9-й Пироговский съезд, собравший свыше 1100 участников и в начале января 1904 г. слившийся с только что закрытым правительством 3-м съездом деятелей по техническому и профессиональному образованию, проходил в атмосфере политического подъема. Петербургский комитет РСДРП обратился к участникам съезда с листовкой, призывая «положить инициативу новому типу земского врача — врачу-революционеру, социал-демократу вместо либерального культурника»⁴⁷. Резолюции съезда были настолько радикальны, что не могли быть оглашены целиком на общем собрании.

В листовке, появившейся в апреле 1904 г. за подписью «Партизаны борьбы», предлагалось студентам познакомить провинциальную публику с характерным подъемом настроения на обоих съездах. В листовке дано живое описание заключительного заседания 9-го Пироговского съезда. Чтобы помешать чтению его резолюций, грянула музыка, игравшая марши, в то время как на хорах актового зала Петербургского университета свистели, пели революционные песни, кидали в оркестр стулья и обломки. Явившаяся полиция выгнала публику из зала, окружила хоры и предложила отправиться в участок. Только после заявления председателя съезда профессора В. И. Разумовского, что ни один человек не сойдет с хор, если полиция не удалится, она ретировалась⁴⁸.

В 1904 г. московские земские врачи создали группу содействия революционному движению. Она собирала средства и распределяла их между РСДРП, партией эсеров и Союзом освобождения. Группа включала не только врачей, но и до 600 других земских служащих и за 9 лет собрала около 50 тыс. р.⁴⁹

В обстановке революционного подъема врачи оказались в первых рядах интеллигенции, объединявшейся в профессионально-политические союзы. 21—24 марта 1905 г. в Москве собрался вопреки запрету московского градоначальника чрезвычайный Пироговский съезд по вопросу о борьбе с надвигавшейся холерой. Он положил основание Союзу медицинского персонала. На заключительном заседании в Большом зале Московской консерватории 1630 участников съезда единогласно приняли политическую резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Никакая культурная и мирная работа невоз-

можно при существующем строе». Врачам необходимо организоваться рука об руку с трудящимися массами для энергичной борьбы за полное устранение бюрократического строя и за созыв Учредительного собрания. Резолюция требовала политических свобод и социальных реформ, близко подходя к социал-демократической программе-минимум, в частности государственного страхования от болезней, старости, инвалидности и безработицы. Эта резолюция была напечатана в виде листовки под заголовком «Постановления, принятые Пироговским съездом по борьбе с холерой 21—23 марта 1905 года». В популярном изложении эта политическая резолюция под маскирующим названием «Что необходимо для успешной борьбы с заразными болезнями» была издана Пироговским обществом тиражом 2,5 млн. экземпляров ценой 1 коп., и к 1908 г., когда она подверглась конфискации, почти весь тираж уже разошелся.

В конце съезда выступили студенты, закончив свое приветствие возгласом: «Долой самодержавие!» Единодушно подхваченный, этот возглас долго оглашал величественный зал консерватории. Некоторые кричали «Да здравствует республика!», их тоже поддержали, но «не очень единодушно». «Одушевление публики трудно описать», особенно вспоминая, что в 1902 г. в этом же зале 8-й Пироговский съезд закончился при звуках царского гимна, — писал С. И. Мицкевич. — «Недурной прогресс за три года»⁵⁰.

Тотчас после закрытия чрезвычайного Пироговского съезда его участники учредили Всероссийский союз медицинского персонала. Началась организация местных отделений союза и выработка его устава. Местные отделения выступали как самостоятельные союзы медицинского персонала. Так, в июне 1905 г. Петербургский союз выпустил листовку с протестом против смертной казни и на своем общем собрании выразил глубокое сочувствие польским врачам, работавшим под гнетом русификаторского полицейского режима⁵¹.

Первый съезд делегатов в Москве 27—29 августа 1905 г. представлял отделения союза из 21 губернии, приблизительно 2500 человек медицинского персонала. Он, как и другие союзы в тогдашней политической ситуации, высказался за активный бойкот бульгинской Думы и за желательность участия врачей в служебной забастовке (но без прекращения помощи больным).

Были также приняты важные профессиональные постановления о борьбе с административным произволом путем круговой поруки членов союза, то есть о бойкоте учреждений, увольнявших медицинский персонал по требованию администрации, и бойкоте лиц, соглашавшихся занять места удаленных или ушедших из солидарности с товарищами. Было решено принять самое деятельное участие в организации помощи голодающему населению, открывая врачебно-продовольственные пункты независимо от административного разрешения.

Съезд врачей решил предложить Союзу союзов настаивать под угрозой всеобщей забастовки на совершенной отмене смертной казни. По поводу расправы черносотенцев и казаков над большой группой врачей, уволенных из Балашовского уездного земства и собравшихся уехать из уезда, съезд внес в списки черной сотни врачей, занявших их места. Как известно, в знак протеста против этих насилий оставили земскую службу врачи Саратовского и Камышинского уездов и весь состав санитарного бюро губернского земства⁵².

Сочувствие революционной борьбе и участие в ней были традиционными в среде медицинской интеллигенции. Еще с 60-х годов XIX в. медики привлекались к политическим процессам. В 1905—1907 гг., по сведениям «Журнала Общества русских врачей», были репрессированы 1640 медиков разных категорий, в том числе около 15% женщин⁵³.

Во время Октябрьской всеобщей забастовки медицинские работники Петербурга присоединились к ней, прекратив работу всех медицинских учреждений и частных клиник, но продолжая свою работу в городских больницах, обслуживавших неимущие слои. Была создана санитарная служба из добровольцев, включавшая 22 временных лазарета (от 7 до 20 коек), 65 перевязочных пунктов и около 200 санитарных отрядов. В Москве стачечный комитет Союза медперсонала взял на себя управление больницами; врачи отчисляли 20% своего жалования на помощь бастующим и их семьям, на организацию летучих санитарных отрядов, врачебно-питательных пунктов и т. д. Во время Декабрьского вооруженного восстания в отрядах Красного Креста, организованных союзом, работало до ста врачей и несколько сот среднего персонала и санитаров из учащейся моло-

дежи. Больничные врачи помогали укрывать подпольщиков.

В градации медицинских профессий вслед за врачами стояли провизоры. Изготовление лекарств — важная часть медицинского обслуживания населения — долгое время находилось в руках владельцев аптек. Кадры фармацевтов выпускались университетами, их знания удостоверялись дипломами. Но университетский курс для них был короче и не требовал ценза среднего образования. Степени доктора фармации не существовало. Русский фармацевт «сделался пасынком науки», писали юрьевские студенты членам Государственной думы в феврале 1914 г. в ожидании реформы аптечного устава. «При университетах его считают терпимым злом, административно он считается как бы несовершеннолетним, и потому управление фармацевтической частью отдано в руки неспециалистов — врачей». Фармацевт — «интеллигентный рабочий», каким он себя признавал, служил у владельца аптеки и подвергался всей тяжести капиталистической эксплуатации. Помещался он обычно в углу при аптеке или при квартире хозяина. В 1910 г., по данным анкеты пенсионной кассы, 92,5% фармацевтов получали заработную плату ниже 100 р. (в среднем 55,6 р. в месяц). В 1914 г. в России насчитывалось 10 500 фармацевтов и около 4500 аптекарских учеников⁵⁴.

Еще в 1903 г. Петербургский комитет социал-демократической организации фармацевтов выпустил прокламацию, призывавшую к созданию Всероссийского союза рабочих-фармацевтов. В 1905 г. фармацевты создали несколько профессиональных объединений. В резолюции общего собрания Российского фармацевтического общества от 2 апреля 1905 г. говорилось, что бесправное положение русского народа, живущего впроголодь и в самых антигигиенических условиях, «делает бесполезным труд фармацевтов». При этих условиях лекарственное лечение является слабым паллиативом, не говоря уже о том, что правительство искусственно задерживает развитие лекарственной помощи высокой таксой и монопольной системой аптек. Успешная деятельность фармацевтов возможна «лишь при немедленном проведении в жизнь всех социально-экономических реформ, указанных в программе-минимум рабочей партии», и далее разъяснялись эти требования. Характерна прямая ссылка на программу-минимум РСДРП в декларативном

документе фармацевтов, считавших себя «пролетариями интеллигентного труда», так же как чисто профессиональные требования, принятые в этой резолюции: уничтожение «пансионеров» у хозяев аптек, двухсменная работа, семичасовой рабочий день, облегчение ночного труда⁵⁵.

В Москве фармацевты на основе этой резолюции выработали устав Московского союза фармацевтов-служащих, и этот союз примкнул к Союзу союзов, имея 163 члена и обеспечив себе «сношение с партией социал-демократов». Союз выступил с листовками, с бюллетенем, готовя съезд для основания Всероссийского союза фармацевтов, но, по-видимому, общее объединение не было достигнуто: активность проявляла только более сознательная верхушка.

Расширение медицинской помощи населению требовало интенсивной подготовки также среднего медицинского персонала (этот термин был введен в 1906 г. Всероссийским союзом обществ помощников врачей и относился к фельдшерам, фельдшерицам и акушеркам). При недостатке дипломированных врачей фельдшера вели в известной мере самостоятельную работу. В 1910 г. в России имелось наряду с врачебными участками еще 4600 фельдшерских пунктов, в том числе 2687 принадлежащих земству. Средний персонал готовили разные курсы и школы, которые давали далеко не однородную подготовку. Так, Рождественские четырехгодичные фельдшерские курсы в Петербурге приближались к медицинскому факультету. Другие курсы принимали окончивших 4—5 классов средней школы и даже одноклассные училища и т. п., а одногодичные акушерские курсы — даже просто грамотных. По социальному составу основная часть этого персонала была из мещан и крестьян.

В 1895 г. в России имелось 18 400 фельдшеров, в 1912 г. — 28 500, в том числе 5800 женщин, а акушерок насчитывалось до 14 200. Из 80 фельдшерских и 75 акушерских школ, имевшихся в 1915 г. (правительственных, земских городских и частных), в среднем выпускалось в год более 1300 фельдшеров и 2300 акушерок разной квалификации⁵⁶.

Фельдшера и фельдшерицы работали, как и врачи, повсюду — в земстве, в школах, на железных дорогах, на фабриках и т. д., наконец, в войсках, где фельдшеров

готовили из солдат, обслуживавших военные лазареты. Максимальный уровень их заработной платы доходил до 500—600 р. в год, а минимальный — до 200—300 р., не считая казенной квартиры. Этот бюджет, часто полугодный, все же превышал бюджет некоторых категорий сельских учителей.

По врачебному уставу фельдшера являлись лишь помощниками врачей. Закон требовал от них подачи медицинской помощи, но запрещал самостоятельную медицинскую практику. На деле они постоянно принимали часть больных, участвовали в борьбе с эпидемиями и т. д. Возникшее в этих условиях своеобразное фельдшерское движение ярко отражало неудовлетворенность того социального слоя, который получил в XIX столетии название полунинтеллигенции — людей, имеющих известную профессиональную квалификацию, но неравноправных по сравнению с дипломированной интеллигенцией.

Фельдшерское движение вылилось в два течения. Общество российских фельдшеров с газетой «Фельдшер» (1891—1917) требовало уравнивания в правах фельдшеров с врачами, права частной практики и т. п. Это принимало иногда уродливые формы травли врачей в духе махачевщины. Другое течение, с газетой «Фельдшерский вестник» (декабрь 1906—1918), оформилось в Союз помощников врачей. Несмотря на известное обособление и отдельно созываемые съезды, оба этих течения ставили задачи подъема правового и культурного уровня фельдшеров и — что очень характерно — превращения фельдшерских школ в средние учебные заведения, открывающие двери в медицинские вузы⁵⁷.

Теперь обратимся к учительским кадрам, также массовой профессиональной группе. Они делились на учителей средних школ, обладавших известными правами, и учителей начальных училищ, в большинстве почти никакими правами не обладавших.

Учителя средней школы с высшим образованием были в основном выпускниками историко-филологических и физико-математических факультетов университетов и высших женских курсов. Однако их педагогической подготовке не уделялось достаточно внимания, и далеко не все они выбирали себе педагогическое поприще. Только два историко-филологических института давали профессиональную педагогическую подготовку, за что обязывали своих казенных воспитанников прослужить

не менее шести лет в средних школах. На преподавательскую работу в среднеспециальных школах шла также часть выпускников технических вузов; преподавателей специальных предметов готовили педагогические отделения коммерческих институтов; преподавание в духовных семинариях вели выпускники духовных академий, а также университетов; учителей для средних военно-учебных академий готовили педагогические курсы военного ведомства. Учителя рисования выходили из художественных школ и в небольшом числе из Академии художеств. От так называемых учителей «искусств» ценза высшего образования не требовалось.

В течение второй половины XIX в. в России работали, постепенно обновляя свой состав, 25—30 тыс. учителей средних школ, а к концу XIX в. было их около 10 тыс. Эти кадры в XX столетии частью сменились, частью дополнились новыми.

Рост кадров учителей с высшим образованием в средних школах Министерства просвещения за 1900—1914 гг. показан в следующей таблице (учитываются преподаватели общеобразовательных предметов):

Год	Мужские гимназии и прогимназии	Реальные училища	Женские гимназии и прогимназии	Всего
1900	2 626	1 028	—	—
1906	3 164	1 500	6 983	11 647
1914	6 008	3 215	11 733	20 956*

* Эту общую цифру следует считать несколько завышенной, учитывая совместительство многих преподавателей.

В 1914 г. еще 3185 преподавателей с высшим образованием работали в частных учебных заведениях первого разряда Министерства народного просвещения и 3085 преподавателей общеобразовательных предметов — в коммерческих училищах, то есть в общей сложности до 27,4 тыс. Так называемые «другие предметы» в средних школах Министерства просвещения и специальные предметы в коммерческих училищах в 1914 г. преподавали еще 4700 учителей.

Кроме того, по данным 1912 г., имелось 2900 преподавателей военных и военно-морских учебных заведений,

около 1300 — в духовных семинариях, 1100 — в педагогических учебных заведениях *⁵⁸. Обязательной частью учебного персонала всех учебных заведений царской России были законоучители. В средних школах Министерства просвещения их было в 1914 г. 3800, то есть около 13% учебного персонала.

Таким образом, педагогический персонал средних школ разных ведомств в предреволюционные годы составлял (не считая законоучителей) более 37 тыс. человек.

Несмотря на рост кадров учителей по сравнению с концом XIX в. более чем в 3 раза, в средних школах постоянно имелись вакантные места. Так, в мужских гимназиях и прогимназиях недоставало: в 1904 г. — 156, в 1906-м — 786, в 1908-м — 1224 учителей⁵⁹.

Как и во всех капиталистических странах, в России усиливался процесс феминизации учительских кадров, причем не только начальной, но и средней школы. Окончившие женскую гимназию имели право преподавания в частных мужских и женских школах 2-го и 3-го разряда. Только одна классическая женская гимназия С. Н. Фишер (в Москве) давала право преподавания в четырех низших классах мужских гимназий и во всех классах женских гимназий Министерства просвещения.

В 1901 г. женщины с высшим образованием получили право преподавания в старших классах женских гимназий со всеми служебными и пенсионными правами (последние при наличии звания домашней наставницы и учительницы). В 1906 г. они могли уже преподавать общеобразовательные предметы в четырех младших, а языки — во всех классах мужских средних учебных заведений, но только по найму. Министерство народного просвещения возвестило «новую эпоху равноправия» женщин, когда 19 декабря 1911 г. им было предоставлено право держать экзамен на диплом правительственных высших учебных заведений, приобретать ученые степени магистра и доктора и новое звание «учительницы средних учебных заведений». Это звание уравнивало их с учителями в вознаграждении и пенсионном обеспечении (с некоторыми ограничениями).

---

* О точности этих цифр трудно судить, так как иногда засчитывался весь учебный персонал.

Преподаватели средней школы составляли значительную группу буржуазной интеллигенции, по материальному положению приближаясь к среднему чиновничеству. Они получали служебные и пенсионные права. Оплата их повышалась по мере выслуги лет. Так, в мужских средних школах Министерства просвещения учитель с высшим образованием, получая первоначальный оклад 900 р. в год, после четырех пятилетних прибавок по 400 р. мог довести за 20 лет свой оклад до 2500 р. Учитель без высшего образования, начиная с оклада 750 р., мог довести его через 20 лет до 1550 р. Дополнительные годовые уроки также оплачивались по 75—60 р. Пенсия исчислялась исходя из полного пенсионного оклада, который заслуживался 20-ю годами службы. Для имевших высшее образование этот оклад составлял 1800 р., для неимевших его — 1100 р. и т. д.⁶⁰

Перейдем к положению учителей народных школ и к их образовательному цензу. Учителей для высших начальных училищ разных типов готовили учительские институты. Они признавались за среднеучебные заведения, хотя включение в их учебную программу педагогических дисциплин шло за счет понижения общеобразовательной программы. Некоторые учительские институты давали хорошее образование; такое образование получил, например, известный публицист большевик И. И. Скворцов-Степанов. Однако окончание учительского института не давало доступа в вузы.

Хотя число учительских институтов быстро росло (в конце XIX в. их было 10, в 1916 г. — 48), они обеспечивали учителями лишь немногочисленные городские, министерские и подобные им школы (за 1900—1913 гг. было выпущено всего 3600 учителей), но не решали проблему преподавательских кадров для низшей начальной школы.

Педагогическую подготовку учителям низших школ давали учительские семинарии и другие подобного типа заведения, куда принимались окончившие высшие начальные училища. В 1916 г. было 189 учительских семинарий и школ (в 1906 г. — около 70). За 1900—1913 гг. они подготовили 20,3 тыс. народных учителей⁶¹. Звание народного учителя получали также сдавшие особый экзамен. Аттестат учительской семинарии учитывался как ценз то среднего, то ниже среднего образования, а свидетельство на звание народного учителя по экзамену —

как образование ниже среднего, так же как свидетельство на звание фельдшера и фельдшерицы, диплом аптекарского помощника, свидетельства землемерного, механического и иных училищ.

Кадры народных учителей пополнялись также различными курсами, устраиваемыми земством, некоторыми высшими начальными школами, прогимназиями, частными лицами. Правом стать учителем начальной школы пользовались также окончившие духовные семинарии, женские гимназии, епархиальные училища.

Педагогическая подготовка народных учителей вызвала резкую критику общественности. Справедливо указывалось, что в учительские семинарии идут дети крестьян без всякого призвания к своей будущей деятельности, потому что им больше нигде продолжать образование и к тому же должность сельского учителя освобождала от воинской повинности. Ставился вопрос о повышении образовательного ценза для учителей низших школ до уровня средней школы с добавочным двухлетним педагогическим курсом и о необходимости высшего образования для учителей высших начальных школ, приближавшихся к уровню средней школы⁶².

Насколько имевшиеся учительские кадры удовлетворяли нужды начального образования в количественном отношении? По сравнению с концом прошлого столетия, когда насчитывалось около 60 тыс. народных учителей, к 1914 г. это количество выросло более чем вдвое. Только по ведомству Министерства просвещения в 1906 г. в сельских училищах было 69,2 тыс., в городских — 2,8 тыс. учителей, а в 1914 г. — соответственно 128 тыс. и 3,5 тыс. (не считая законоучителей). Но это было ничтожно мало даже для нужд убогого проекта постепенного введения всеобщего начального обучения (в основном за счет земств; правительство обязывалось оплачивать только одного учителя на «комплект» из 50 учащихся). Еще в 1908 г. педагогическая общественность выдвинула свои соображения о подготовке учителей для этого дела. По ее расчетам, к 1 января 1914 г. требовалось 370 464 учителя для начальных школ. Систематическое пополнение убыли учителей (около 24,7 тыс. в год) и заполнение новых учительских мест по мере увеличения числа учащихся (около 5,5 тыс. в год) требовали наличия 307 учительских семинарий⁶³. Действительность далеко отставала от этих весьма скромных расчетов.

Посмотрим также, насколько наличные учительские кадры народной школы соответствовали качественным требованиям, то есть цензу образования и педагогической подготовки. По этому вопросу обобщающих данных для прошлого столетия не было. Но имеется ценный материал, собранный однодневной переписью начальных школ 18 января 1911 г.

Перепись охватила учителей школ всех ведомств, в том числе и церковно-приходских (без законоучителей), а распределение было сделано по более точным рубрикам, чем в отчетах Министерства просвещения. К 1911 г. в 100,7 тыс. начальных школ работали 153,3 тыс. учителей (69 984 мужчины и 83 376 женщин). Сведения собрали о 152 428 учителях. Среди них с высшим образованием 914 (65 мужчин и 849 женщин) — 0,5%; со средним светским образованием — 28 286 (834 мужчины и 27 452 женщины) — 18,5% (почти весь этот контингент составляли окончившие женские гимназии из малоимущих слоев, которые после школы должны были искать заработок); со средним духовным образованием — 25 179 (3801 мужчина и 21 378 женщин) — 16,5% (это были окончившие духовные семинарии и епархиальные училища, причем опять-таки основную массу составляли женщины, преимущественно дочери сельского духовенства); со средним педагогическим образованием — 25 134 (22 204 мужчины и 2930 женщин) — 16,5% (здесь основную массу составляли выпускники учительских институтов и некоторых учительских семинарий, а среди женщин — окончившие педагогический (восьмой) класс женских гимназий); наконец, с низшим и домашним образованием — 72 915 (42 651 мужчина и 30 264 женщины) — 48% (это были выпускники учительских семинарий и учительских школ, в основном дети крестьян).

Эти статистические данные выразительно говорят и о социальном облике народных учителей. С образованием средним (и выше) — 52%, ниже среднего — 48%. Среднее образование имели около $\frac{3}{5}$ учительниц. Педагогическую квалификацию имели почти 32% учителей. Большинство учителей были выходцами из крестьянства, а учительниц — из городских слоев и духовенства. Конечно, не обходилось без случайных элементов, выбрасываемых безработицей из городов⁶⁴.

Положение сельского учителя было большим вопро-

сом, непрестанно тревожившим демократическую общественность. «Если бы вы знали, как необходим в русской деревне хороший, умный, образованный учитель! — писал А. П. Чехов. — Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас это черно-рабочий, плохо образованный человек, который идет в деревню учить ребят с такою же охотой, с какою пошли бы в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба. А нужно, чтобы он был первым человеком в деревне, чтобы он мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения, чтобы никто не смел орать на него, унижать его личность»⁶⁵.

Народный учитель оплачивался дешевле всех и по штатам Министерства просвещения, и по земским ставкам. Он с трудом мог содержать семью, учить своих детей. В 1910 г. из 153 тыс. учителей обоего пола лишь 30,7% состояли в браке. Средняя продолжительность педагогической работы учителей и учительниц городских начальных школ была около 15 и 10 лет; для сельских школ она понижалась до 8 и 6 с лишком лет. Наиболее устойчивыми в этом отношении оказывались учителя из учительских семинарий и учительницы из епархиальных школ⁶⁶.

Оплата народных учителей сильно колебалась в зависимости от средств земства. Поэтому средние ее размеры, в обработке переписью 1911 г., мало соответствовали действительности: для городских учителей в год — 528 р., для учительниц — 447 р., для сельских — соответственно 343 и 340 р.

Более выразительны отчеты Министерства просвещения. Учитель церковно-приходской школы в 1906 г. получал 120 р. Свыше 200 р. получали в 1902 г. 55% учителей обоего пола, в 1906-м — 60,7, в 1913-м — 70,9%. Но это означало, что остальные народные учителя, получавшие меньше 200 р. (то есть меньше 17 р. в месяц), находились на грани нищеты.

Общественные настроения учительской среды не были однородными. Множество учителей средней школы делалось инертными «человеками в футляре». Но педагогическая общественность постоянно создавала организации, стремившиеся вырваться из жестких рамок казенного «просвещения» и нести знания в широкие массы. Возможности народных учителей, лишенных общения

друг с другом, были в этом смысле более ограниченны, но люди именно из этой среды оказались первыми и наиболее энергичными защитниками профессиональных интересов своего дела.

Долгое время съезды народных учителей были запрещены, но в 1899 г. их вновь разрешили. Правительство пыталось переключить общественную активность учителей на задачи взаимопомощи. Учительские общества взаимопомощи на основе изданного для них в 1894 г. «Нормального устава» размножились по стране. К 1908 г. их было 124 (не считая такого же количества ссудосберегательных и похоронных касс), причем учителя использовали форму обществ взаимопомощи для более широких целей и объединения. Нижегородское общество во время Всероссийской выставки 1896 г. организовало полуполюгальный первый съезд народных учителей⁶⁷.

После большой подготовительной работы на местах учительские общества взаимопомощи добились созыва съезда этих обществ в Москве (29 декабря 1902 — 6 января 1903 г.). Несмотря на строгий контроль правительственных чиновников, съезд превратился в «яркую политическую демонстрацию». На нем присутствовало около 400 учителей от 76 учительских обществ, много представителей других интеллигентских профессий и студенчества. Было сделано 170 докладов по вопросам учительского быта. Красной нитью в них проходил вопрос об объединении учителей. Известный деятель народного образования Н. В. Тулупов отстаивал необходимость объединения в Союз учительских обществ всех учителей России. На этом съезде были безыскусственно высказаны все нужды и горести народных учителей, описаны условия их полуголодного и бесправного быта. Ставились вопросы о трудности самообразования без книг, журналов, без учительских библиотек, о воспитании детей неимущих учителей, о неполноправии сельских учителей, не имевших пенсий в отличие от «счастливицков» — учителей приходских и министерских училищ, получавших по выслуге лет пенсию 90 р. в год. Н. В. Тулупов, однако, отметил, что вопросы чисто материального характера не доминировали на съезде. «Тут сказана особенность русского народного учителя, которая выгодно отличает его от представителей других интеллигентных профессий. В большинстве случаев учитель смотрит на свою деятельность как на долг, как на слу-

жение народу». Съезд, например, единодушно отказался от ходатайства о понижении железнодорожного тарифа для учителей.

Для нас интересно проявление гражданского и политического сознания народных учителей в тезисах, составленных юридической комиссией съезда (большая часть их не была допущена к обсуждению). В них ставился вопрос о защите прав учителей и защите их профессионального дела: о передаче народного обучения в руки земского и городского самоуправления и недопустимости административного вмешательства в эту область; о том, чтобы приглашение и утверждение учителей было делом земских комиссий по народному образованию, а увольнение происходило только по суду; чтобы учитель был освобожден от надзора духовенства и попечителей училищ в политическом, нравственном и религиозном отношении и не был зависим от местных сельских властей, и т. п. Часть делегатов съезда организовала нелегальный Союз народных учителей, который должен был укрепляться на местах, снабжать учителей революционной литературой и распространять ее среди населения⁶⁸.

С открытым заявлением демократических политических требований выступила педагогическая общественность на III съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию в конце 1903 — начале 1904 г. (о нем говорилось выше). Состав этого почти трехтысячного съезда (в нем участвовали 398 учителей и учительниц средней школы, 595 учителей и учительниц начальной школы, 499 инспекторов низших и директоров средних школ, инженеры, врачи, художники, архитекторы и т. д.) подтвердил горячий интерес интеллигенции к вопросам народного образования.

Выступления эти сосредоточились в секции «Курсы и школы для рабочих». Здесь выдвигались требования сокращения рабочего дня, законодательного нормирования сверхурочных работ, обязательного освобождения подростков в рабочее время для посещения школы, для создания рабочим возможности учиться. Требовали уничтожения всех ограничений в работе народных библиотек, народных чтений, театров и иных учреждений, упразднения казенных попечительств о народной трезвости с передачей их средств органам самоуправления. Осуждались узкие учебные программы, разрешенные

в школах для рабочих, и признавалась необходимой свобода преподавания. По поводу полицейского надзора за благонадежностью учителей рабочих школ, особенно тех, кто трудился, не получая жалованья, было заявлено, что без «бесплатного труда интеллигенции» нельзя рассчитывать на сколько-нибудь широкую постановку и плодотворную работу в просветительных учреждениях для рабочих⁶⁹.

Учительские съезды 1905—1907 гг., выделявшиеся своей энергией и сопровождавшиеся кипучей деятельностью учителей по всей России, упорно продолжали борьбу за свое профессиональное дело — преобразование школьной системы царской России в демократическую народную школу. Мы сейчас остановимся на этой стороне деятельности учительских съездов (об их участии в политической борьбе революционных лет будет рассказано в 7-й главе).

С инициативой создания Союза учителей выступило влиятельное Петербургское педагогическое общество взаимопомощи (В. И. Чарнолуский называл его «клубом учителей прогрессивного политического направления»). Уже 6 февраля 1905 г. на первом заседании «деятелей по школьному и внешкольному образованию народа» было решено выступить с запиской о положении школьного дела, причем высказаться не в «умеренном тоне». После обсуждения нескольких вариантов 27 февраля 1905 г. была принята редакция, содержащая политические и педагогические требования. Чрезвычайно характерно для настроений эпохи, что экономические требования, связанные с материальным положением учителей, были решительно отклонены, так как «в записке, составленной самими учителями и касающейся широких вопросов общей постановки образования, не следует касаться частного вопроса о материальной необеспеченности педагогов»⁷⁰.

В выработке записки участвовали два-три десятка педагогов, но затем, в собрании 12 марта 1905 г., она была принята как начальный шаг к основанию «Союза народных учителей и других деятелей по народному образованию» и подписана 256 лицами. Она распространялась в рукописном виде для дополнительного сбора подписей и была напечатана в газете «Новости» (1905, № 71). «Записка 256-ти» содержала основные требования педагогической реформы, необходимым условием ее

осуществления признавался конституционный государственный строй.

Подготовка к намеченному учредительному съезду Союза учителей была ускорена Московским педагогическим обществом. Это общество, состоявшее при Московском университете и возглавлявшееся молодыми историками социал-демократами Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским, в 1905 г. стало центром оживленного обсуждения политических и профессиональных вопросов. Хотя общие собрания общества были закрыты Министерством народного просвещения, а затем и все его заседания были с 2 апреля 1905 г. запрещены московским градоначальником, оно продолжало негласную работу. В апреле 1905 г. при нем сложилась лекторская группа из большевиков, партийных интеллигентов, связанных с Московским комитетом РСДРП, которая вела большую пропагандистскую работу среди рабочих и сочувствующей интеллигенции.

Московское педагогическое общество созвало совещание учителей, оказавшихся в Москве (123 учителя из 30 губерний). Это совещание (11—13 апреля 1905 г.) взяло на себя организационную работу на местах, и 7—10 июня в Петербурге собрался учредительный съезд, принявший устав Союза учителей. На нем присутствовали 173 делегата, из них 147 от местных групп.

Скажем здесь о количественном росте Союза народных учителей: на июньском съезде 1905 г. были представлены 4668 учителей — 81 местная группа из 34 губерний; считалось, что провинциальных групп было вдвое больше. В июле 1905 г. имелось 6000 членов, к 15 декабря 1905 г. — свыше 8700. На июньском съезде 1906 г. были представлены 6314 учителей — 109 групп из 43 губерний (кроме того, о 9 группах не было сведений). На июньском съезде 1907 г. были представлены 39 губерний, союз насчитывал около 12,5 тыс. членов*. В листовке центрального бюро Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, относящейся, видимо, к 1906 г., даны другие сведения: за год со дня учреждения союза число его групп выросло с 67 до 285, число членов — с 3,7 тыс. до 13,4 тыс.⁷¹

---

* Большинство делегатов этого съезда состояло в революционно-демократических и социал-демократической партиях. Среди 95 делегатов от местных групп было 32 эсера, 6 трудовиков, 22 социал-демократа (ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 75, л. 105).

В основу устава Союза учителей легли положения «Записки 256-ти». Программа союза, объявленного профессиональным и политическим, вызвала протест учителей социал-демократов: они считали недопустимым для членов рабочей партии вхождение в союз с буржуазно-либеральной программой, сковывавшей революционную деятельность. Некоторые местные союзы изменяли устав. В Варшаве собрание учителей с участием представителей социал-демократической организации, обсуждая устав, сформулировало его политическую часть как «борьбу за политическое освобождение России и признание социал-демократической программы», что включало преобразование России в демократическую республику. Об этом писала большевистская газета «Пролетарий» 3 августа 1905 г. (№ 12).

Основное содержание устава Союза учителей касалось борьбы за «коренную реорганизацию дела народного просвещения в России на началах свободы, демократизации и децентрализации». Эта задача включала: согласование всех типов школ так, чтобы общеобразовательные высшего типа составляли непосредственное продолжение школ низшего типа; введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения; исключение «закона божьего» из числа обязательных предметов; предоставление школе свободного выбора языка преподавания; предоставление заведования делом народного образования общественным учреждениям⁷².

Наиболее активными борцами за демократическую школу были народные учителя. Об этом свидетельствует, в частности, и такой факт: 14 октября 1905 г. более тысячи петербургских учителей, собравшись в университете на митинг, решили присоединиться к всеобщей политической забастовке. В ней приняли участие, по неполным сведениям, более 500 учителей низших и 356 учителей средних школ.

Учителя петербургских средних школ пытались войти в Союз народных учителей в качестве автономной единицы, но учредительный съезд отверг это предложение. 9—11 февраля 1906 г. учителя, преимущественно столичных школ, на делегатском съезде в Финляндии (на Иматре) создали Союз учителей и деятелей средней школы. Однако в нем насчитывалось не более 450—500 членов. Вопрос о самостоятельном существовании этого союза обсуждался на III съезде Союза учителей народной

школы в июне 1906 г. Было признано, что средняя школа, обслуживающая интересы небольшой части русского общества, является поэтому «чисто классовою школою, подлежащей упразднению» и что ее учитель должен стать народным учителем. Союз учителей средней школы согласился с этим ⁷³.

Очень интересен опыт учителей Прибалтийского края, которые сосредоточили свою деятельность на чисто практических профессиональных задачах. Учителя-латыши, представители которых, как социал-демократы, вышли из профессионально-политического Союза народных учителей на его учредительном съезде, образовали в Риге свой союз, объединивший всех учителей этого края. В ноябре 1905 г. на конгрессе, собравшем до 1000 учителей, было решено явочным порядком изменить в школах учебную программу, ввести новые методы преподавания, игнорировать школьную администрацию, произвести отделение школы от церкви и т. д., причем все учительство действовало сообща, несмотря на различие партийных взглядов ⁷⁴.

Сосредоточив силы на задачах своего профессионального дела, Всероссийский союз народных учителей сумел объединить многонациональные учительские организации в федерацию национальных и территориальных учительских союзов. На съезде в Петербурге 24—25 апреля 1907 г. были представлены союзы крымских татар, бурят, калмыков, евреев, учителей армянских школ, социал-демократический союз Латышского края, грузинское учительское общество. С совещательным голосом были представлены также учительские группы белорусских, украинских, башкирских, якутских школ и Общество распространения просвещения между евреями в России. Цели федерации определялись как объединение сил для борьбы за те же задачи коренной реорганизации дела народного образования в России, но вновь особо подчеркивалось полное равноправие всех национальностей, уничтожение ограничений и привилегий, отмена прав и преимуществ, связанных с окончанием учебных заведений, совместное обучение, улучшение правового и материального положения, обязательное государственное страхование учащихся и т. д. ⁷⁵

Борьба учителей за свое профессиональное дело вызвала репрессии и влекла жертвы. В «Бюллетене» Союза народных учителей, издававшемся в 1905—

1907 г., в отчетах учительских съездов приводились сведения об этих жертвах. По июнь 1906 г. было зарегистрировано 800 пострадавших учителей членов союза; из них 175 были уволены, 556 арестованы, 49 высланы и сосланы, 20 перешли на нелегальное положение. В октябрьские и декабрьские дни 1905 г. погибли: в Екатеринославской губернии Л. В. Доброва и П. С. Дийнега, участник боевой дружины, смертельно раненный во время декабрьской забастовки в Екатеринославе; Д. Д. Вольфсон в Томске, В. И. Шимборский в Княгининском уезде Нижегородской губернии и Е. И. Дугенцова в Кубанской области. Дугенцова, учительница станицы Кавказской, социал-демократка, после погрома, сопровождавшего манифест 17 октября, была по приказанию атамана забита казаками. После ее похорон весь персонал школы оставил работу, причем с одобрения инспектора народных училищ. Учитель Высоцкий был убит во время октябрьского погрома в Одессе. За этот период союз истратил более 5 тыс. р. на помощь репрессированным⁷⁶.

В 1907 г. Учительский союз социал-демократии Латышского края в наказе социал-демократической фракции Государственной думы приводил сведения о репрессиях над учителями края: из общего числа народных учителей пострадала по меньшей мере четвертая часть (450 человек), из них были убиты и повешены 25, эмигрировали, чтобы избежать казни, не меньше 150, подверглись экзекуции более 40, арестованы свыше 150. Данные о репрессиях в Польше над 702 учителями и, кроме того, об увольнении около 300 учителей за преподавание на родном языке были представлены в I Государственную думу Лигой образования за подписью Г. А. Фальборка и академика А. А. Шахматова. В 1911 г. при обсуждении законопроекта о начальной школе черносотенные члены III Думы и Государственного совета с целью доказать зараженность начальной школы революционными идеями приводили явно тенденциозные цифры: якобы 20—23 тыс. учителей понесли кару «во время так называемого освободительного движения»⁷⁷. Такой размах борьбы правительства против демократического учительства представлялся им, очевидно, вполне правомерным.

Позже, признав себя не профессионально-политическим, а чисто профессиональным, Всероссийский союз

народных учителей продолжал оставаться полулегальным, отказываясь от легализации. В союзе было много социал-демократов, основавших в нем особый социал-демократический отдел. Эсеры тоже стремились создать свои учительские организации.

Профессиональные объединения, возникавшие в революционные годы, оставили глубокий след в политическом воспитании учителей. Из года в год учительская общественность созывала «первые всероссийские» съезды, утверждавшие принципы демократической школы: учителей городских училищ, по экспериментальной педагогике, по семейному воспитанию, по образованию женщин и др.

Большое значение для дореволюционного учительства имела профессиональная педагогическая печать. Из многих хорошо поставленных педагогических журналов упомянем «Вестник воспитания», выходивший в Москве с 1890 г. и имевший большое распространение в провинции. Об активном отклике, который пробуждал этот журнал, можно судить по количеству авторов, посылавших ему свои статьи и заметки. При 60 постоянных сотрудниках журнал за 25 лет (1890—1915) напечатал статьи 700 авторов. На 25-летие журнала собрался весь «вольный педагогический мир», отсутствовали только представители официального просвещения. «Вестник воспитания», отмечалось на этом юбилее, «никогда не шел одной дорогой с казенною школою и все 25 лет вел посильную борьбу с царящей в ней рутинною»⁷⁸.

Большим достижением русской культуры надо считать широкий размах культурно-просветительной работы — это было одним из завоеваний первой русской революции. Рабочим стали доступны лекции, экскурсии, слушание музыки. Во множестве возникали разные просветительные общества для рабочих, рабочие клубы. Большинство из них было закрыто в годы реакции, но свое дело они сделали, а наиболее устойчивые продолжали существовать. Например, общество «Просвещение» (в 1910 г. оно имело 320 членов) с 1907 по 1910 г. организовало более 350 лекций, более 50 общеобразовательных экскурсий, более 40 музыкальных вечеров и т. п.⁷⁹

Расширение культурнической работы в массах облегчало и задачи политической пропаганды. В. И. Ленин в 1905 г. с удовлетворением отмечал, что те функции, которые в начале рабочего движения приходилось вы-

полнять социал-демократам в нелегальных и полупо-
легальных формах, теперь все более переходят в руки ши-
роких слоев, привлекаемых к движению, а в руках рево-
люционных организаций сосредоточивается функция на-
стоящего политического руководства⁸⁰. В этих условиях
III съезд РСДРП смог выдвинуть как одну из важней-
ших задач необходимость подготовки возможно боль-
шего числа сознательных рабочих к роли политических
руководителей революционного движения.

В годы революционного подъема культурно-просвети-
тельная работа, проводимая демократической обще-
ственностью, особенно педагогической интеллигенцией,
нашла новые формы. Организуются курсы для рабочих,
народные университеты, строятся народные дома. Еще
в конце 90-х годов в неземских губерниях насчитывалось
135 разных обществ — грамотности, народного образо-
вания, которые охватывали около 8,5 тыс. членов. Они
открывали школы, библиотеки и читальни, книжные ма-
газины и склады.

Народные дома, появляющиеся с конца XIX в., пред-
ставляли собой по идее как бы культурно-просветитель-
ные комбинаты, где использовались разные виды и фор-
мы работы, причем большое значение придавалось обще-
доступному театру. В декабре 1903 г. по инициативе
М. Горького в Нижнем Новгороде был открыт народный
дом; пайщиками этого предприятия были К. С. Стани-
славский, Ф. И. Шаляпин, С. Т. Морозов и другие, пы-
тавшиеся сделать из него как бы филиал Московского
Художественного театра. Одним из лучших считался на-
родный дом Харьковского общества грамотности, от-
крывшийся в феврале 1903 г. За первые 10 лет его рус-
ская драматическая труппа поставила 363 спектакля,
а украинский артистический кружок — 282 спектакля
(актеры играли бесплатно); там были показаны 25 опер,
организованы 22 концерта, 211 бесплатных чтений с «ту-
манными картинами» и т. д. Однако лекций в Харьков-
ском народном доме читалось мало (всего 26 за 10 лет),
поскольку городская администрация «проявляла недове-
рие к лекторам». Общественно-политическая пропаганда
здесь не могла развернуться.

Особое место в этом отношении занимал Лиговский
народный дом, построенный в Петербурге на средства
графини С. В. Паниной в 1903 г. В нем за первое деся-
тилетие были прочитаны 376 лекций, привлечших 35 тыс.

посетителей. Здесь имелись кроме аудиторий для занятий библиотека, педагогический музей, обсерватория и, конечно, театральные залы на 800 мест, где постоянная драматическая труппа П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской поставила за 10 лет 95 русских пьес (в том числе Островского и Чехова) и 53 пьесы иностранных авторов (в том числе Гауптмана, Шекспира). Лиговский народный дом, единственный в Петербурге, отменил спектакль в день расстрела рабочих 9 января⁸¹.

Учившиеся в Лиговских вечерних классах рабочие получали основательную политическую подготовку. Они поддерживали большевиков. 106 учащихся рабочих приветствовали в партийной печати «шестерку» социал-демократов большевиков, избранных в IV Государственную думу, и, как отмечал В. И. Ленин, «клеямили ликвидаторов»⁸².

Однако таких народных домов было очень мало. В большинстве просветительная работа была поставлена слабо, лишь в 13 из них имелись школы, классы и курсы для взрослых. По сведениям, собранным Лиговским народным домом, к 1914 г. по всей России было 222 народных дома, из них 124 в городах (на 672 российских города). Из этих городских домов 101 принадлежал казенным попечительствам о народной трезвости; остальные содержались различными просветительными и благотворительными организациями, 10 домов — городскими самоуправлениями, 4 дома — земствами и крестьянами⁸³.

Новой ступенью в развитии демократических просветительных организаций стали народные университеты. Предшественниками их были вечерние школы для рабочих и некоторые рабочие курсы, например возникшие в конце 90-х годов при Харьковских железнодорожных мастерских и позже расширившие свою учебную программу до программы народного университета. Здесь преподавали некоторые профессора во главе с известным ботаником А. Н. Красновым, душой этого дела.

Прецистенские курсы в Москве, основанные в 1897 г. как вечерние классы для рабочих (по уставу Русского технического общества), привлекли к бесплатному преподаванию много интеллигентов. Среди них были молодые ученые-марксисты, связанные с большевиками, ведущие и пропагандистскую работу. Они готовили желающих из своих слушателей, рабочих и солдат, к экзаменам на звание народного учителя. В 1908 г. курсы были

преобразованы в три школы — низшую, среднюю и высшую. В высшей циклы научно-популярных лекций по многим гуманитарным и естественным наукам читали историки, юристы, врачи из Пироговского общества, художники и артисты. В 1911 г. здесь нашли работу ушедшие из Московского университета В. И. Пичета, Б. И. Сыромятников, М. Н. Гернет, М. Н. Коваленский и др. Преподавательский состав достигал 200 человек, а учащихся в отдельные периоды набиралось до 1500. Эти лучшие рабочие курсы того времени были не единственными. В Москве работали также Бутырские, Домниковские, Дорогомиловские, Пресненские и другие курсы.

Так постепенно выработалась новая организационная форма культурно-просветительной педагогической работы — народные университеты. Их прообразом были также общеобразовательные курсы Петербургского педагогического общества взаимопомощи, открытые в 1897 г. К тому времени общество насчитывало 1600 членов — преподавателей высших и средних учебных заведений. В организации курсов участвовало свыше 120 лекторов и до 80 членов разных учебно-административных комиссий. Председателем учебного совета был избран академик А. С. Фаминцын. В первый же год существования курсов слушатели приобрели до 1500 сезонных и разовых билетов⁸⁴.

Первые народные университеты открылись в Москве (в сентябре 1906 г.) и Петербурге (в октябре того же года по инициативе членов Общества гражданских инженеров). Слушатели не регистрировались, не несли никаких обязательств, плата за лекции была ничтожно мала, доступна бюджету рабочих. Главное внимание уделялось расширению культурного уровня слушателей. При столичных народных университетах имелись секции — театральные, музыкальные (народные консерватории), гигиены и медицины и т. п., проводились экскурсии. В Петербургском народном университете кроме курсов для рабочих с низшим и неполным средним образованием был еще «университетский отдел», где читались курсы по естественноисторическим, историко-литературным, общественным и философским наукам. Из лекторов упомянем А. Ф. Кони, Л. И. Петражицкого, М. И. Туган-Барановского, В. А. Поссе, Н. О. Лосского и др.⁸⁵

Устав Всероссийского общества народных университетов не получил утверждения, и каждый университет

создавался местным обществом. К началу 1908 г. имелось девять таких обществ — Воронежское, Кубанское, Московское, Петербургское, Саратовское, Смоленское, Тверское, Тифлисское, Уфимское. 3—7 января 1908 г. в Петербурге был созван I Всероссийский съезд деятелей народных университетов и других просветительных учреждений. Здесь были представлены 94 учреждения — разные курсы, классы, общества народного образования, общества грамотности, отделения Русского технического общества, Лиговский народный дом, местные отделы Общества народного здравия и пр. Из 478 делегатов большинство (331) явилось от петербургских учреждений, 30 — из Москвы и 117 — из других городов. В торжественных речах восхвалялось значение этого съезда как «одного из лучших показателей победы интеллигенции над вражескими силами» в ее работе на просвещение народа. Очень характерна эта либеральная иллюзия о победе на просветительском фронте в период разнузданных репрессий, столыпинских судов и казней участников революционной борьбы. Хотя на съезде было немало пролетарски настроенных участников, но предложенная А. М. Коллонтай большевистская резолюция «О взаимоотношениях между народными университетами и рабочими организациями» была отклонена под тем предлогом, что она якобы всецело поглощается уже принятой резолюцией «О демократизации народных университетов». После этого значительная часть делегатов покинула съезд⁸⁶.

В общественно-просветительной работе, как мы видели, принимали деятельное участие представители многих профессиональных групп интеллигенции — врачи, ученые, актеры, художники, но главная роль в ней принадлежала педагогам, преподавателям высшей и средней школы. При всей энергии, увлеченности и щедрой отдаче сил большинство этих деятелей в дореволюционной России не могли выйти за рамки буржуазного просветительства, оставались чуждыми революционным задачам политического просвещения народных масс.

Крупным делом педагогической общественности было создание в 1905 г. Лиги образования. Она организовала местные отделы в больших городах, издавала и распространяла педагогическую литературу, проявляла кипучую деятельность. Одной из своих основных задач Лига образования поставила выработку законопроекта о все-

общем начальном обучении, который можно было бы внести в Государственную думу. Этот проект докладывался на I Всероссийском съезде Лиги в 1908 г. Он содержал требования, выдвинутые на предшествующих учительских съездах и, по мысли его составителей, мог быть совместим с конституционным строем царской России⁸⁷.

Обратимся теперь к профессиональной группе адвокатов. Адвокатура появилась в России (не считая Прибалтики и польских губерний) вместе с буржуазной реформой суда, сделавшей ее необходимым элементом развивавшейся системы буржуазных правовых отношений. Выполняемая ими функция защитников права ставила «адвокатское сословие» в ряды профессиональной интеллигенции. Но русская действительность вносила свои искажения в принципы организации этого «сословия». Адвокатов было мало (в начале 90-х годов около 2900, преимущественно в столицах). Организация самоуправления адвокатуры в форме советов присяжных поверенных ограничилась столичными и Харьковским округами судебных палат и в 70-х годах была задержана вплоть до 1905 г. Но так как население остро нуждалось в юридическом обслуживании, то правительство создало в 1874 г. «временную» форму адвокатуры низшего сорта, дав право ведения дел помощникам присяжных поверенных и даже «частным поверенным»; для последних не требовалось юридического образования, они вербовались из бывших судебных канцеляристов, писцов, приставов, то есть это были ремесленники судопроизводства. Поэтому мы не принимаем их в расчет при исчислении адвокатской группы интеллигенции, хотя, например, в 1914 г. они составляли около трети всей адвокатуры (5400 человек).

В 1916 г. в России имелось 6 тыс. присяжных поверенных и 5,8 тыс. помощников, то есть 11,8 тыс. дипломированных адвокатов. Большая часть их работала в столицах (в Петербурге — 1900, в Москве — более 2400) и крупных городах (в восьми городах — свыше 2900)⁸⁸. Адвокатура как свободная профессия привлекала много евреев, для которых государственная служба была в России закрыта законом. Однако с введением процентной нормы в 80-х годах последовали разные ограничения и при вступлении в адвокатуру.

Адвокатура была доходной профессией в буржуаз-

ной России. Как защитники прав собственности, адвокаты «являются какими-то прирожденными носителями идеи буржуазного общества», — писал В. В. Воровский, и «буржуазия всегда выдвигала их на почетное место». Демократическая публицистика постоянно бичевала адвокатов — «рыцарей наживы», их огромные гонорары. Адвокатская общественность тоже боролась за честь своего сословия. В 1890 г. Московский совет присяжных поверенных осудил поведение помощников присяжных поверенных, забывающих «чувство чести и долга, понятия о порядочности, о границах дозволенного, принципы общественного служения». В печати появлялись утверждения, что значительное большинство адвокатов не имеет хищнических доходов, а еле покрывает свои насущные потребности⁸⁹.

В условиях борьбы за буржуазно-демократическую революцию передовая либеральная адвокатура играла большую роль в общественной жизни. Деятельность адвокатов тесно сливалась с деятельностью других групп интеллигенции — ученых, публицистов, писателей, работников повременной печати, с деятельностью научных и культурно-просветительных организаций и т. п. Юридические общества при Московском и Петербургском университетах издавали многотомные сборники и «Труды», разрабатывавшие вопросы буржуазного обществоведения. Еженедельная юридическая газета «Право», выходящая в Петербурге с 1898 г. вплоть до революции 1917 г., давала хорошо поставленную политическую информацию, оставив богатое наследство для изучения эпохи. Эта газета за первое десятилетие своего издания поместила 1212 статей научного и публицистического характера, написанных 507 авторами⁹⁰.

В своей политической ориентации основная масса юридической интеллигенции стояла на позициях буржуазного либерализма. Но левые адвокаты, связанные с революционно-демократической и пролетарской общественностью, помогали революционному движению, создав хорошо организованную сплоченную группу «политических защитников», бесплатно выступавших на многочисленных процессах того времени. Ядром полулегальной группы защитников по политическим делам был московский кружок молодых адвокатов, собиравшихся в середине 90-х годов для целей самообразования и взаимной поддержки. Они организовали бесплатные юриди-

ческие консультации для неимущего населения, безвозмездно выступали как защитники на сессиях окружного суда в уездных городах. Позже кружок объединил представителей оппозиционных и демократических партий. В него входили М. Л. Мандельштам, В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев и др. В Петербургскую группу политических защитников входили А. С. Зарудный, Н. Д. Соколов, Ф. А. Волькенштейн, братья М. В. и В. В. Беренштам, П. Н. Переверзев и др.

В это время правительство готовило новое Уголовное уложение, которое так и не было полностью введено в действие. Но Министерство внутренних дел во главе с В. К. Плеве использовало новые установки, касавшиеся «государственных преступников». Господствовавшая при Александре III система административных расправ с политическими теперь была заменена судебным порядком, что давало возможность усиления репрессий. Но Плеве, писал М. Л. Мандельштам, «не учел громадной пропагандирующей роли самого судебного процесса». Революция 1905 г. превратила многочисленные политические процессы в противоправительственные демонстрации. В 1904 г. было проведено 84 процесса, в 1905 г. — около 500. Адвокаты много делали для популяризации политических процессов в легальной и нелегальной печати. В процессах 1902—1905 гг. выступало свыше 300 защитников⁹¹.

«Молодая адвокатура» — так назывался сборник речей по политическим процессам — стремилась обслужить все крупные дела («заурядные» процессы в провинции велись силами местных кружков). «Перед читателем проходят выхваченные из жизни картины великой русской драмы», — говорилось в предисловии. Сборник содержал разделы: «Итоги войны» (процесс адмирала Небогатова); «Вооруженные восстания» (в том числе дело о Декабрьском восстании в Москве); «Аграрные беспорядки»; «Погромы»; «Экспроприации»; «Печать перед судом»; «Политические убийства»; «Пропаганда»; «Вооруженное сопротивление»⁹².

Характерно, что средства на организацию бесплатной работы защитников собирались в либеральных кругах, от богатых буржуазных меценатов (Морозовых и др.). Защита в политических процессах привлекала лучшие силы буржуазной адвокатуры. Считаясь с принципиаль-

ными установками подзащитных — членов революционных партий, которые, особенно социал-демократы большевики, не допускали индивидуальной защиты, адвокаты помогали им превращать политические процессы в орудие пропаганды революционных идей и оппозиционных настроений.

Были выработаны новые методы борьбы с царским судом. На массовых процессах рабочих сводилась на нет система «закрытых дверей», то есть изоляция суда от толпы, стоявшей на улице. Дела, решенные в закрытых судах, адвокаты переносили в Сенат, где заседания были открыты для представителей печати. В открытых судах адвокаты наносили скандальные поражения правительству по делам об еврейских погромах, об аграрных беспорядках и др. Черносотенного адвоката А. С. Шмакова, принципиально защищавшего организаторов еврейских погромов, превратили в ходячую карикатуру. Защитники участвовали в организации общественных протестов по поводу обвинительных приговоров, в подаче запросов в Государственную думу.

На процессе Петербургского Совета рабочих депутатов (19 сентября — 2 ноября 1906 г.) было организовано массовое выступление свидетелей защиты — свыше 300 рабочих фабрик и заводов. Они вручили суду резолюции, требовавшие, чтобы всех судили наравне с депутатами, выполнявшими «только их волю». Общее число подписей с адресами, засвидетельствованных заводской администрацией и полицией, к концу суда достигло 120 тыс. На этом же процессе был применен прием, найденный адвокатами в то революционное время, — демонстративный протест судебной палате «против стеснений выяснения истины по делу» и невозможности «выяснить ни исторической, ни юридической правды». Из зала суда ушли все 22 защитника во главе с О. О. Грузенбергом, Н. Д. Соколовым и П. Н. Малянтовичем⁹³. Смысл этого приема заключался в том, что адвокаты не позволяли своим присутствием в составе суда санкционировать насилие над правом.

Созданный в 1905 г. Союз адвокатов, на который возлагала большие надежды буржуазная оппозиция, не смог сыграть какой-либо видной роли в революционных событиях. В его действиях ярко проявились слабость и раздвоенность буржуазного либерализма. Еще перед выступлением рабочих 9 января Московский и Петербург-

ский советы присяжных поверенных всем составом ездили к председателю Совета министров П. Д. Святополк-Мирскому ходатайствовать о введении в России конституции. На расстрел рабочих петербургские адвокаты ответили созданием 16 января авторитетной комиссии во главе с председателем Совета присяжных поверенных, которая расследовала события, выяснила гражданских и военных начальников, виновных в «незаконных» действиях*, и предложила возбудить против них уголовное преследование, а семьям убитых и раненых и самим потерпевшим предъявлять им иски⁹⁴.

Московские помощники присяжных поверенных вынесли резолюцию, что на «массовое убийство» возможен лишь один ответ — бороться с правительством всеми возможными средствами, «не исключая насилия». Московские присяжные поверенные 20 января выразили горячее сочувствие и соболезнование рабочим и полную готовность бороться за требования народа — за немедленный созыв Учредительного собрания. Харьковское юридическое общество на заседании 19 марта 1905 г. с участием тысячной толпы рабочих и студентов вынесло резолюцию о свержении самодержавия и созыве Учредительного собрания.

Всероссийский союз адвокатов был оформлен на их съезде в Петербурге 28—30 марта 1905 г. Съезд подвергался полицейскому нажиму, но закрыть его власти не решились. 188 делегатов представляли 2158 юристов из 64 городов Европейской России и Кавказа. Отметим, что в дальнейшем число членов союза увеличивалось сравнительно медленно: к 1906 г. их было 2500, а по округам судебных палат (в круглых цифрах): в Москве — 600, в Петербурге — 350, в Варшаве и Вильне — по 300, в Киеве, Харькове, Одессе — по 200, в Саратове и Тифлисе — по 100 и т. д.⁹⁵

На мартовском съезде польские автономисты резко поставили вопрос о законодательно-административной автономии Польши (тогдашнего Царства Польского) и получили поддержку. События в Польше обострили сочувствие русской демократической общественности к упорной борьбе поляков.

Радикально настроенные адвокаты, особенно из южных округов судебных палат, развязали на съезде кон-

---

* Доклад комиссии, изданный в мае 1905 г., был конфискован.

фликт между либеральными и демократическими течениями. Адвокат Я. Л. Берман от имени ЦК РСДРП (тогда меньшевистского) внес заявление, признававшее единственным средством свержения самодержавия вооруженное восстание. Все не революционные слои призывались «обслуживать» пролетариат, который способен достичь этой цели. Как отмечал А. В. Луначарский в статье «Два недоразумения», опубликованной газетой «Пролетарий» 13 июня 1905 г., жизнь заставила меньшевистский ЦК стать на точку зрения большевиков-впередовцев и признать, что единственной реальной формой борьбы, доступной либералам, только и может стать всестороннее обслуживание пролетариата, материальная поддержка его вооружения.

Однако резолюции о необходимости помогать революционной борьбе неизменно отвергались большинством съезда, иногда даже после их принятия. Чтобы избежать раскола и ухода социал-демократов, была принята компромиссная, ничего не значащая резолюция о солидарности с революционными партиями в их стремлении установить в России новый государственный порядок. Реальные требования улучшения положения трудящихся масс более или менее в духе социал-демократической программы-минимум, предложенные группой московских адвокатов, были заменены декларациями в духе эсеровского фразерства (ограждение интересов всех элементов трудящегося населения в виде «освобождения его от гнета современного капиталистического режима»). Съезд поручил центральному бюро Союза адвокатов выработать общие положения и законопроекты демократической конституции, особое внимание уделив основам буржуазного судоустройства.

Меньшевистская «Искра» (№ 100, 15 мая 1905 г.), негодуя по поводу жалких результатов адвокатского съезда, объясняла его колебания «дряблостью российского либерализма», «обилием фраз и боязнью дела». А в большевистской печати В. В. Воровский дал остроумный анализ борьбы на съезде, описал иллюзии «более наивных и более доверчивых южных адвокатов», которые фантазировали, что адвокатский союз сам организует Учредительное собрание и даже превратится прямо во временное правительство, опираясь на кадры вооруженных рабочих. За три дня политическое настроение адвокатов успело вознестись на крыльях мечты до самой

вершины стоявших перед российской демократией задач и шлепнуться оттуда в болото будничной пошлости. Все же Воровский подчеркивал, что мнения, высказанные на съезде по жгучим политическим вопросам, были «характерным отражением сущности буржуазного революционизма» и показывали «значение, внутреннюю силу и боевую готовность революционных настроений части буржуазной интеллигенции»⁹⁶.

На втором Всероссийском съезде Союза адвокатов (в Москве 5—6 октября 1905 г.) 60 делегатов представляли 24 местные организации. Здесь адвокаты выступали за самое активное участие в предвыборной агитации и в выборах в булыгинскую Думу, с тем чтобы помешать ей «заниматься органической работой», заставить ее добиться для себя законодательной власти и осуществить политические свободы. На словах поддерживая всеобщую политическую забастовку, съезд оговаривал, что «по техническим условиям профессиональной деятельности» участие адвокатуры в ней неприемлемо. Съезд решил основать Лигу борьбы против смертной казни во главе с видными адвокатами. Она должна была публиковать списки всех участников и исполнителей «легализированной формы убийства» для предания их суду общественного мнения и бойкоту. О действиях этой лиги у нас нет сведений. Участвовать во всеобщей забастовке адвокаты действительно не смогли. Единичные попытки прекратить заседания в Киевском и Петербургском окружных судах окончились полной неудачей, их участники были подвергнуты дисциплинарному суду⁹⁷.

Тот профессиональный путь, который избрали левые адвокаты для защиты дела революции, был наиболее реальным в их практике.

В период реакции прогрессивная адвокатура продолжала политические защиты (дела социал-демократических фракций II и IV Государственных дум, дело о сопротивлении якутских ссыльных (Романовское дело), дело о Ленских событиях и др.). На знаменитом процессе «о ритуальном убийстве» (дело Бейлиса в Киеве), сфабрикованном Советом объединенного дворянства при полной поддержке полицейских и судебных властей и черносотенных адвокатов, в составе защиты боролись крупнейшие силы адвокатуры.

23 октября 1913 г. общее собрание петербургских присяжных поверенных приняло резолюцию, признавав-

шую «профессиональным и гражданским долгом» адвокатуры «протестовать против извращения основ правосудия... против возведения в судебном порядке на еврейский народ клеветы, отвергнутой всем культурным человечеством, и против возложения на суд несвойственной ему задачи пропаганды идей расовой и национальной вражды». За такое «оскорбление министра юстиции» 25 адвокатов были в июне 1914 г. приговорены к тюремному заключению и временному лишению права практики. Приговор вызвал забастовки на 23 петербургских предприятиях, посылку приветствий осужденным и другие массовые отклики⁹⁸.

Мы очертили разностороннюю общественную деятельность интеллигенции массовых профессий, насыщенную интересами современной действительности и живой борьбой за свое профессиональное дело. Перейдем к тем группам, которые получили условное название творческой интеллигенции.

3. РАБОТНИКИ НАУКИ

Дореволюционные годы XX столетия. В развитых капиталистических странах появились уже авиационная и автомобильная промышленность, сложное приборостроение. Царская Россия продолжала оставаться экономически отсталой страной, несмотря на быстрое развитие некоторых отраслей капиталистической индустрии, несмотря на огромные вновь открываемые природные ресурсы, несмотря на выросшие кадры квалифицированных промышленных рабочих. Отживший, неспособный на прогрессивные реформы государственный аппарат с великим сопротивлением превращался в буржуазную монархию.

Русские ученые болезненно переживали отсталость своей родины. По научным заслугам многие из них стояли в первых рядах мирового процесса познания законов природы и строения материи. В России было открыто явление радиосвязи, усовершенствована электротехника, зародилась теория ракетной авиации, достигнуты крупные успехи в области кристаллографии, физиологии, биохимии и т. д. Значительным был вклад русских ученых в развитие геологии, горного дела, металлургии, химии, почвоведения, растениеводства и других непосредственно связанных с развитием производительных сил страны, все более специализирующихся наук.

Передовые ученые — лучшие представители профессиональной интеллигенции — мечтали об освобождении творческих сил народа, придавленных самодержавием. Д. И. Менделеев писал: «Я достиг такого сознания великого значения промышленного развития для роста благосостояния и просвещения всех классов народа, что всеми способами, доступными моим слабым силам, желаю содействовать дальнейшему промышленному развитию сво-

его отечества». Он выдвигал задачу «не только догнать, но и перегнать» развитые страны Европы и США¹.

Необъятная область творческого развития науки и техники в России имеет к настоящему времени богатую историографию. Наша задача — рассказать об условиях научного труда, существовавших в дореволюционной России, о научных кадрах различных градаций, об их материальном и социальном положении, об общественно-просветительской инициативе ученых и их роли в освободительной борьбе своего времени.

Как и всюду, научный труд в России опирался на организованные научные и научно-вспомогательные коллективы. Такими коллективами располагали в первую очередь высшие учебные заведения, затем научные учреждения и общества. Преподавательская деятельность в вузах давала ученым во многих отраслях науки материальную базу для исследовательской работы (библиотеки, лаборатории, кабинеты и пр.). В вузах создавались научные направления и школы, сохранялась преемственность знаний, обеспечивалась в какой-то мере необходимая подготовка новых кадров ученых.

Не связанных с высшей школой научных учреждений в дореволюционной России было немного. В этом смысле Академия наук занимала привилегированное положение, обладая базой для научной работы. К 1914 г. академия располагала ценнейшей научной библиотекой, имела пять лабораторий, две обсерватории — Астрономическую и Главную физическую, пять богатых музеев, в том числе музей антропологии и этнографии, зоологический музей. В ее ведении находились также Пушкинский Дом, Кавказский музей и Кавказский историко-археологический институт. Но по существу академия была небольшим коллективом — всего 47 действительных членов, работавших по индивидуальным планам в соответствии с давно устаревшим уставом.

Состояние дореволюционных научных учреждений ярко свидетельствовало о стеснении развивающейся науки. Когда Академия наук получила бюджет по новым штатам 1912 г., то из миллиона рублей всего 47 тыс. ассигновалось на финансирование ее научных предприятий. По новому штату персонал академии определялся в 152 человека. Но в 1917 г. в ней было всего 109 научных работников².

До 1912 г. музеи академии, имевшие исключительную ценность, довольствовались штатом из одного-двух ученых-хранителей, кабинеты и лаборатории имели по одному лаборанту. Скудость средств не давала возможности обработать и выставить огромные богатства академических музеев. Об этом писал в 1909 г. член Государственной думы И. С. Ключев, обследовавший их положение³.

Коллекции академических музеев пополнялись вкладами русских ученых — путешественников, геологов, археологов, палеонтологов, этнографов, востоковедов и др. Часто крупные исследования проводились на собственные средства ученых. Например, остатки ископаемой фауны в течение нескольких лет собирал на северных реках палеонтолог В. П. Амалицкий.

Зависимость научных музеев от частных пополнений и пожертвований была для того времени в порядке вещей. «Этнографические музеи не могут соразмерять свои потребности со своими бюджетами», — писал Л. Я. Штернберг. Они «не вправе останавливать свои сборы из-за недостатка средств», потому что это грозит немедленным отставанием в области науки⁴.

Кроме академических музеев большую ценность приобрел этнографический отдел Русского музея в Петербурге, основанный в 1902 г. Крупным научным центром гуманитарного профиля стал Исторический музей в Москве. Открытый в 1883 г., он предназначался для эффективной пропаганды идеи русского самодержавия. Его долго возглавлял историк И. Е. Забелин. Музей постоянно получал в дар ценные коллекции, вещественные и документальные, от ученых, художников, музейных деятелей, собирателей-любителей и т. д. В 1904 г. он принял крупнейшее собрание А. П. Бахрушина. В 1905 г. П. И. Щукин подарил ему здание своего музея с коллекциями старинных вещей, рукописей, книг, произведений искусства. И. Е. Забелин, умерший в 1908 г., завещал ему «весь свой трудовой капитал» — 100 тыс. р., проценты с которого должны были расходоваться на пополнение музея. Благодаря собранным богатствам и самоотверженной работе сотрудников — высококвалифицированных историков, археологов, археографов Исторический музей стал незаменимым фондом для многих научных, литературных и художественных работ по русской истории⁵.

К началу XX столетия в России уже существовали местные музеи, вспомогательные научные учреждения, удовлетворявшие интерес к изучению природных богатств и условий различных районов, к истории материальной культуры, к архитектурным, художественным и бытовым памятникам старины, к произведениям народного творчества. Начиная с 60-х годов много музеев было открыто статистическими комитетами в губернских городах. В 90-х годах инициатива перешла к губернским земствам и городским думам. Еще в 1886 г. В. В. Докучаев разработал примерный устав земского естественноисторического музея, который был широко распространен Петербургским обществом естествоиспытателей. Музей «не может не прививать местному населению некоторого света и жизни», — говорилось в этом уставе.

Провинциальные музеи, собиравшие материалы о природе, истории и экономике своего района, создавались также научными обществами, в частности отделами Русского Географического общества, архивными и археологическими комиссиями. Их инициатива поддерживалась развившимся краеведческим движением, а также потребностями местных отраслей экономики. Открываемые при участии передовой общественности, эти музеи, как отмечает исследователь их истории Д. И. Равикович, «являлись часто единственными научными и научно-просветительными учреждениями дореволюционной провинции... Их история — это часть истории русской науки и культуры»⁶.

Наиболее интенсивно музеи появлялись в 80—90-х годах, затем в 1906—1917 гг. Перед Октябрьской революцией их насчитывалось около 230, в том числе 75 комплексных; они имелись почти во всех губернских и в ряде уездных городов, причем более чем в 30 городах было по 2—3 часто однотипных музея.

Большая роль в создании разнообразных провинциальных музеев принадлежала также собирателям — ученым и любителям. Археологические коллекции А. Н. Поля стали основой Екатеринославского областного музея его имени, открытого в 1902 г. Собранные В. В. Тарновским материалы по быту Украины и ее истории, а также мемориальная коллекция, посвященная Т. Г. Шевченко, послужили для открытия земского музея в Чернигове. Материалы по народному быту и народному творчеству, собранные княгиней М. К. Тенишевой, наполнили осно-

благий ею в Смоленске в 1905 г. историко-этнографический музей⁷. Таких фактов много.

В библиотеках, музеях, архивах и других научных и научно-вспомогательных учреждениях вырастали квалифицированные хранители фондов, библиографы, археографы, музеееды и другие необходимые в деле развития научной мысли кадры. С великим уважением к самоотверженным труженикам, обслуживавшим науку, писал академик И. Ю. Крачковский — о библиотекарях Петербургского университета, о сотрудниках Азиатского музея Академии наук⁸.

Специалистов исторического профиля готовили два археологических института, в Петербурге и Москве, из которых выходили работники архивов, музеев, научно-вспомогательных учреждений и т. п. Петербургский археологический институт, основанный в 1877 г., бесплатно подготовлял слушателей, имевших высшее образование, и давал им звание действительного члена института; вольнослушатели без высшего образования платили за обучение 30 р. в год и получали звание члена-сотрудника. За 1880—1900 гг. институт выпустил 156 действительных членов и 49 членов-сотрудников, а за 1901—1911 гг. — соответственно 698 и 392 — рост очень значительный, показывающий повышение спроса на эти специальности⁹.

Московский археологический институт был основан в 1907 г. и вскоре открыл отделения в Смоленске, Калуге, Нижнем Новгороде, Ярославле.

Среди государственных научных учреждений, связанных с задачами развития народного хозяйства, отметим Главный геологический комитет, который должен был изучать строение недр и составлять геологические карты России. Он был основан в 1882 г., в его штате из семи человек были выдающиеся геологи во главе с А. П. Карпинским. За 10 лет Геологический комитет картировал более четверти всей территории Европейской России, затем исследовал наиболее важные для промышленности угольный район Донбасса, нефтяной район Кавказа, золотоносные районы Сибири и др. На VII Международном конгрессе геологов в Петербурге (1892 г.) Ф. Н. Чернышев отметил, что русская геологическая наука поднялась вровень с наукой стран Западной Европы и Америки. В конце XIX в. большое значение работ Геологического комитета было как будто оценено правительством: его бюджет был увеличен до 75 тыс. р., а штат геологов —

до 17 человек. В 1915 г. Комитет получил специальное здание и 140 нештатных сотрудников. Однако по средствам, отпускавшимся на геологическую съемку, Россия занимала одно из последних мест среди европейских стран¹⁰.

Как и в прошлом столетии, научная инициатива ученых наталкивалась на равнодушие и инертность чиновников. Так, постоянные препятствия тормозили деятельность В. В. Докучаева, крупнейшего ученого, боровшегося за подъем сельского хозяйства в России. «Наша экономическая отсталость, наше незнание истожили почвы, русское сельское хозяйство имеет характер азартной биржевой игры»¹¹, — писал Докучаев. Все его важнейшие организационные начинания — создание кафедр почвоведения и микробиологии в университетах, Почвенного комитета, Почвенного института и другие — терпели полную или частичную неудачу из-за упорного противодействия официальных кругов.

В. И. Вернадский так характеризовал обстановку, в которой работали русские ученые: они, писал Вернадский, «совершали свою научную работу вопреки государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности. Они стали при этом рядом, как равные по силе, со своими товарищами Запада и за океаном, которые совершали эту работу или при помощи государства, или при государственной организации, обеспечивающей им возможность спокойной научной работы»¹².

В ХХ в. продолжали свою деятельность и возникали новые научные общества, создававшие вокруг конкретных наук атмосферу общественного интереса, способствовавшие популяризации специальных знаний. Их существование было неотъемлемым условием научной жизни страны; о значении их уже говорилось во второй главе.

Из многочисленных научных обществ при университетах назовем наиболее крупные (по отчету Министерства просвещения за 1900 г.): Московское общество испытателей природы (503 действительных члена), Петербургское юридическое общество (348 действительных членов и 97 членов-сотрудников), Казанское физико-математическое общество (255 действительных членов) и др. Активно работало Русское библиографическое общество при Московском университете, основанное в 1889 г. За 35 лет (до 1924 г.) его членами были 484 человека. Московское

психологическое общество, основанное в 1885 г., к началу 1910 г. насчитывало 210 членов. Новое философское общество при Петербургском университете, учрежденное в 1897 г., в конце 1900 г. имело 185 членов. С начала XX в. работал кружок философии права, группировавшийся вокруг профессора Л. И. Петражицкого; в 1910 г. он имел 126 членов¹³.

Особо надо отметить деятельность Общества психиатров (основано в 1862 г.), оживившуюся с 1903 г., когда его возглавил В. М. Бехтерев, активный участник многих общественных начинаний, основатель Психоневрологического института. К 1912 г. общество насчитывало около 200 действительных членов и 50 членов-корреспондентов. С совещательным голосом в него входило несколько крупных юристов — А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Д. А. Дриль и др.¹⁴

Русское Географическое общество к 1917 г. имело около 1000 членов и 11 местных отделений, в том числе очень крупных, охватывавших комплексными исследованиями большие территории, организовало много научных экспедиций, изучавших географические и этнографические особенности не только России, но и ряда других стран¹⁵.

Продолжали работать археологические общества, превратившиеся в крупные научные центры: Московское археологическое общество, Казанское общество археологии, истории и этнографии, Одесское общество истории и древностей, а также археографические комиссии.

Московское общество по-прежнему регулярно созывало съезды, углублявшие интерес к историческим памятникам России. С 1899 по 1911 г. были проведены пять съездов (в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Чернигове, Новгороде); очередной, 16-й съезд, назначенный на 1916 г. в Пскове, не состоялся из-за войны. За 1901—1915 гг. в общество вступили 140 новых членов; к 1915 г. в нем было, не считая почетных, 163 действительных члена, 132 члена-корреспондента и 56 членов за границей. Большую работу вела Восточная комиссия общества, возникшая в 1887 г. и объединившая московских востоковедов; она издавала памятники Древнего Востока. В то же время ученые Лазаревского института исследовали древности кавказских народов¹⁶.

Русское историческое общество, бывшее замкнутым кружком консервативных историков и имевшее почетны-

ми председателями Александра III, затем Николая II, в 1916 г. отметило свое пятидесятилетие. За 1901—1914 гг. оно пополнилось 35 членами (с 1866 по 1900 г. их было всего 40). Историческое общество при Петербургском университете при основании в 1889 г. имело 162 члена, а к 1915 г. — 180, в том числе несколько женщин¹⁷.

Крупнейшее значение в развитии науки имело Русское физико-химическое общество с двумя автономными отделениями¹⁸.

Продолжались съезды русских естествоиспытателей и врачей, организация которых началась по инициативе передовых ученых еще в 60-х годах XIX в. После X съезда в Киеве в 1898 г., собравшего до 1700 участников и 1200 гостей, эти съезды собирались в декабре 1901 г. в Петербурге, в декабре — январе 1909/10 г. в Москве и в июле 1913 г. в Тифлисе, привлекая от 3 до 5 тыс. участников. На этих съездах правом голоса пользовались только ученые — авторы самостоятельных исследований и преподаватели естественных наук высших и средних учебных заведений. Рост числа участников этих съездов (на первом съезде в 1867 г. было 463 члена) показывает, что съезды сыграли большую роль в пробуждении интереса широких кругов к естествознанию, особенно к геологии и минералогии.

По ходатайству съездов были учреждены общества естествоиспытателей при Петербургском, Киевском, Казанском, Одесском и Варшавском университетах, основано Петербургское химическое общество, посланы экспедиции для обследования Белого моря и части Северного океана и т. д. Съезды русских естествоиспытателей, говорил выдающийся русский географ Д. Н. Анучин, «давно были названы праздниками русской науки», они «представляли собою всероссийскую высшую школу естествознания»¹⁹.

Еще в 90-х годах Общество испытателей природы при Московском университете (его возглавлял физик Н. А. Умов), где преобладали геологи и биологи, начало сближаться с учеными физико-химических наук. Для ученых приобретали все большее значение совместные съезды специалистов разных отраслей знания. Физик Т. П. Кравец отмечал огромный подъем, охвативший участников XII съезда естествоиспытателей и врачей (в Москве 28 декабря 1909 — 6 января 1910 г.), «по мере того как из докладов, прений, демонстраций, наплыва

участников выяснялось, какой большой шаг вперед сделала русская наука за первые годы нашего века»²⁰.

Новым явлением в России этого периода нужно считать более высокую ступень организации научного труда, сближение сопредельных наук с возникновением новых проблем на стыке этих наук и первые шаги от прежних методов индивидуального исследования к созданию исследовательских коллективов, объединенных вокруг научного руководителя и выполнявших сообща конкретные задачи. Примером такой организации научного труда была физическая лаборатория П. Н. Лебедева при Московском университете, разрабатывавшая новые проблемы световой энергии. В области лингвистики такой коллектив создал А. А. Шахматов, в области историографии — А. С. Лаппо-Данилевский и т. д.

XII съезд естествоиспытателей и врачей, где присутствовало свыше 5300 человек и читалось более 700 докладов, принял решение учредить Русскую ассоциацию для содействия развитию и распространению наук (мысль эта давно высказывалась на прежних съездах).

Вариант такой организации незадолго до того уже получил оформление в виде Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова при Московском университете и Московском техническом училище. Основатель, меценат из московского купечества, в 1904 г. внес в Московский университет 100 тыс. р. в качестве неприкосновенного капитала и завещал обществу все свое состояние (он умер в 1907 г.). Общество должно было стимулировать открытия и изобретения в области естествознания и техники.

Замысел Х. С. Леденцова, обсуждавшийся им с несколькими учеными и особенно с Н. А. Умовым, был довольно широк: он включал то, что мы бы назвали конструкторским бюро, и несколько экспертных комиссий по различным отраслям науки и техники, которые должны были не только помогать изобретателям, но и решать задачи, поставленные самим обществом.

Утвержденное Министерством просвещения только в 1909 г. и имевшее свыше 100 действительных членов Общество имени Леденцова до конца 1910 г. рассмотрело 265 поступивших заявлений и одобрило из них 31 на сумму 12 тыс. р.; в основном это были предложения в области обработки волокнистых веществ. Однако общество,

которое по замыслу должно было интенсивно направлять, а не только поощрять и премировать изобретателей, так и не смогло широко развернуть свою практическую деятельность в тогдашних условиях²¹.

Идея общественной научной ассоциации, содействующей развитию науки, получила практический стимул, когда из Московского университета в ответ на реакционную политику правительства ушли лучшие ученые. К. А. Тимирязев опубликовал в «Русских ведомостях» призыв к общественности поддержать очутившихся на улице ученых — создать научное убежище для них, прежде всего для «гениального Лебедева и его школы». А профессор М. А. Мензбир заявил в печати о необходимости создания частных лабораторий и исследовательских учреждений для ученых, не желавших работать в реакционной атмосфере столыпинщины. Н. А. Умов настаивал, чтобы почин создания «вольной научной академии» принадлежал Москве²². Для сбора средств было создано Общество Московского научного института, и к концу 1916 г. построено здание Физического института на Миусской площади.

Усилилось участие ученых России в международных организациях ученых, начавшееся еще в предыдущем столетии, — в области геодезии, астрономии, геофизики, геологии, географии, физиологии и других наук. Академия наук еще в 1899 г. вошла в Международную ассоциацию академий²³.

Как на пример руководящего участия русских ученых в новых организационных формах международного научного сотрудничества нужно указать на Русский комитет, созданный по инициативе востоковедов В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга, Л. Я. Штернберга и В. В. Бартольда. Этот комитет одновременно был центральным комитетом Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии, оформленной на XIII конгрессе востоковедов (в Гамбурге в 1902 г.). Комитет объединил представителей от Академии наук, восточного факультета Петербургского университета, Географического, Археологического и других обществ, а также от разных министерств. Им были организованы многочисленные экспедиции в различные страны Востока. После Октябрьской революции Русский комитет продолжал плодотворную деятельность и в 1921 г. вошел в состав Коллегии востоковедов²⁴.

По инициативе русских славистов в 1912 г. было намечено создание Союза славянских академий и научных обществ. Организация его была сорвана первой мировой войной²⁵.

Попробуем выяснить, какими силами выполнялась в дореволюционной России творческая и организационная работа по развитию научных исследований, по передаче научных знаний— все то, что составляло сущность научной жизни. За исходное мы берем численность преподавательского персонала вузов. Во второй половине XIX в. она составляла примерно 3000 человек²⁶.

За изучаемый нами период учет научных сил становится много сложнее. По множеству вновь возникших вузов и научных учреждений статистические данные отсутствуют или колеблются из года в год в зависимости от неизвестных нам критериев научной квалификации*. По данным Большой энциклопедии С. Н. Южакова (т. 19, 1904), в 1902 г. во всех университетах, включая Гельсингфорский, не входивший в ведение Министерства просвещения, работало около 830 человек. По данным отчета Министерства просвещения за 1901 г., университетский педагогический персонал достигал 1007 человек. В августе 1905 г. Академический союз, объединявший ученый персонал высших учебных заведений и научных учреждений, насчитывал 1650 членов; считалось, что это составляло приблизительно $\frac{2}{3}$ всего наличного преподавательского персонала, который, таким образом, исчислялся современниками примерно в 2500 человек²⁷.

Изданный в 1912 г. справочник Куломзина о всех существовавших тогда высших учебных заведениях определял количество учебного персонала 101 вуза в 6830 человек, в том числе 2300 профессоров и приват-доцентов в десяти университетах, тогда как, согласно отчету Министерства просвещения за 1914 г., последних было всего 1322, а по данным Советской исторической энциклопедии — 1877 (в 1916 г.)²⁸.

Подсчитав и сопоставив по нескольким источникам, относящимся к 1912—1915 гг., данные об учебном персонале примерно 110 высших учебных заведений, мы полу-

---

* Годичные отчеты разных вузов и написанные о них исторические очерки дают отрывочные и часто несопоставимые сведения. Учебные отделы различных ведомств пользовались различными методами учета: то выделяли высший учебный персонал, то смешивали его со средними и даже с вспомогательно-техническими кадрами.

чили (заведомо приблизительный) итог — около 6400 человек. По различным видам вузов они распределялись так: общеобразовательные, то есть университеты и высшие женские курсы, — 2600 (не считая некоторые курсы при университетах, где преподавательские кадры были общими); технические вузы — 1440; сельскохозяйственные — 570; медицинские — 550; коммерческие — 330; педагогические — 240; военно-технические — 210; юридические — 150; духовные академии — 170 человек и т. д.²⁹

Эти итоговые данные не учитывают совместительских должностей, поэтому они, вероятно, несколько завышены, но менее, чем у Куломзина. Современники подтверждают наш подсчет. В. И. Вернадский в 1914 г. писал: «Сейчас армия преподавателей высших школ достигает, вероятно, много больше 5000»³⁰.

Урезывая бюджеты вузов, правительство лицемерно выдвигало аргумент, что в России мало ученых и в университетах остаются незаполненными штатные вакансии (в 1912 г. было 113 вакантных кафедр). Однако вопреки всем неблагоприятным условиям русская профессура справлялась с возросшими нуждами высшего образования. При удвоившемся за 1904—1908 гг. числе студентов университеты «сумели организовать преподавание без увеличения отпускаемых им средств... главным образом посредством чрезвычайного напряжения сил своего преподавательского персонала», — писал Д. И. Багалей³¹.

Кадры преподавателей вузов готовились путем оставления способных выпускников для подготовки к профессорскому званию и защиты диссертаций. По всем университетам оставленных, включая и не окончивших срок, было: в 1906 г. — 206, в 1907 г. — 231, в 1911 г. — 353, в 1913 г. — 465. По их количеству на первом месте стоял Петербургский университет, затем Московский: в 1913 г. за ними числилось 83,4% всех оставленных. При технических вузах Министерства просвещения числилось в 1907 г. 9, в 1911-м — 27, в 1913-м — 9 оставленных. Московский и Киевский коммерческие институты имели в 1913 г. 7 оставленных. Военно-медицинская академия ежегодно оставляла для подготовки к профессуре 10 врачей по конкурсу, в котором могли участвовать все окончившие курс «с отличием».

Система защиты двух диссертаций — магистерской и докторской — критиковалась передовой общественностью как нецелесообразная растрата сил молодых ученых в

ущерб научной работе. За 1901—1913 гг. девять университетов утвердили в ученых степенях 421 магистра и 228 докторов (в среднем менее 6 в год на каждый университет) и 427 докторов медицины (то есть в год по 4 на каждый из 8 медицинских факультетов).

Вопрос о социальном составе в значительной мере утрачивает прежнее значение. Для тех, у кого выбор специальности сочетался с наличием глубоких научных интересов, со способностью к самоотверженному труду, особенности социального происхождения в значительной мере нивелировались. Однако нам кажется важным, что различия в жизненных путях формирующихся ученых еще сохранились. Для первых поколений интеллигенции, пробивавшихся к интеллектуальному труду из неимущих общественных слоев, профессия ученого, требовавшая большого напряжения сил, была трудна и в XIX в. почти недоступна. Но вторым и дальнейшим поколениям интеллигенции путь в науку был значительно облегчен и давал возможность блестящего расцвета талантов и способностей. Вспомним такие семьи ученых, как Семеновы-Тяньшанские, Ляпуновы, Фортунатовы, Струве, Чистовичи, Орбели, Рубинштейны, Арбузовы и многие другие³².

Но процесс формирования ученых, пробивавшихся в науку как первое поколение интеллигенции, шел непрерывно. Конец XIX — начало XX в. дали стране таких ученых, как А. С. Попов, А. А. Скочинский, И. М. Губкин, Г. О. Графтио, П. Я. Кочина, Д. К. Заболотный, К. И. Скрябин и множество других.

Каково было материальное положение ученых? Государственная служба, как и для других профессиональных групп, давала им чины, вплоть до высших рангов. Они могли участвовать в ученых советах министерств и разных государственных комитетов, получали добавочные оклады за заслуги, высокие пенсии. Однако рядовой профессорско-преподавательский состав вузов нельзя считать достаточно обеспеченным.

Вузовские оклады по уставу 1884 г. успели сильно отстать от стоимости средств существования. Еще в конце XIX в. печать отмечала, что «профессорское жалованье превзошло по своим минимальным размерам штаты всевозможных министерств и поражает несоответствием затрачиваемого труда и способностей по сравнению с их вознаграждением». Первое профессорское жалованье — 2000 р. часто уступало окладу столоначальника в цен-

тральных учреждениях, которого мог добиться чиновник через несколько лет по окончании университетского курса, «зачастую с грехом пополам, по второму разряду» (то есть с дипломом 2-й степени) ³³.

В штатных окладах профессуры, в оплате нештатных приват-доцентов и младшего учебного персонала царил большой разницей. Если персонал вузов Министерства просвещения получил некоторые прибавки в 1902 и 1913 гг., то это не коснулось штатов Варшавского и в значительной мере Юрьевского университетов, которые имели особые уставы. Неравномерность оплаты усугублялась системой гонораров, взимавшихся за слушание лекций и зависевших в основном от числа студентов того или иного факультета. Так, отдельные профессора юридического факультета могли зарабатывать до 12 тыс. р. в год, а на малолюдных историко-филологических они довольствовались несколькими рублями ³⁴.

В проектах нового университетского устава, так никогда и не проведенных в жизнь, планировались высшие оклады для ординарных профессоров 4500 р., а для экстраординарных — 3000 р. в год. Эти высшие, а в глазах передовой общественности далеко не эквивалентные научному труду оклады намечались только для вузов, основанных накануне первой мировой войны, да и то не принадлежавших к системе Министерства просвещения. Поэтому получался разницей в оплате персонала не только вузов разных ведомств, но и в пределах одного ведомства. Так, два института Министерства путей сообщения, Петербургский и Московский, имели разные штатные оклады. В Министерстве земледелия оклады в Московском сельскохозяйственном институте были ниже, чем в Ново-Александринском, перешедшем в это ведомство в 1912 г., и в Воронежском, получившем штаты в 1913 г. Профессора Женского медицинского института в ведомстве Министерства просвещения в отличие от профессоров других медицинских факультетов имели пониженные оклады, не получали гонорара, не пользовались 20-процентной прибавкой, установленной для всех вузов в 1902 г.

Существовала и неравноправность вузов внутри одного ведомства. Так, в ветеринарных институтах Министерства просвещения учебный персонал оплачивался ниже, чем в университетах. Даже новые штаты 1916 г., улучшившие их материальное и правовое положение,

приравняв звание ветеринарного врача к диплому 1-й степени, не предусматривали степени доктора наук для этой специальности.

Плохо оплачивался младший учебный персонал высшей школы, не раз поднимавший вопрос о своем беспорядке и низком вознаграждении. Он не участвовал в факультетских собраниях. Приват-доценты не привлекались к управлению университетами. Материальное положение многих из них было гораздо хуже, чем учителей средней школы.

Как сказано выше, многих русских ученых занимала задача создания новых форм независимой, «вольной» высшей школы. В это понятие вкладывалось различное содержание, прежде всего свобода от казенных программ и добровольность учения, не стимулируемого погоней за «правами» и «дипломами». Одним из первых учреждений, где силами ученых Э. Э. Эйхвальда, Н. В. Склифосовского и других проводилась идея «вольной медицинской школы», не дающей никаких прав, но рассчитанной на «любовь русских врачей к науке» и «сознательное отношение к задачам врачевания», был Клинический институт великой княгини Елены Павловны. Основанный в 1885 г. и постепенно расширявший число своих бесплатных клиник, институт принимал врачей-слушателей и давал им возможность усовершенствования во всех главных отраслях клинической медицины. За 1885/86—1909/10 учебные годы суммарное число ежегодных слушателей Клинического института дошло до 7700, в том числе земских врачей до 2800³⁵.

Как одну из попыток создания «вольного» вуза можно рассматривать Высшую русскую школу общественных наук, созданную в Париже М. М. Ковалевским при участии Ю. С. Гамбарова и Е. В. де Роберти. Зарождение этой школы относится к 1900 г., ко времени Всемирной выставки, когда группа русских профессоров организовала цикл лекций для съехавшейся в Париж русской интеллигентной публики. Регулярные занятия начались в ноябре 1901 г. Слушатели делились на постоянных (около 300 в первом учебном году, затем меньше) и бравших билеты на отдельные лекции. Преобладала русская молодежь, учившаяся в Париже, но многие приезжали из России именно в эту школу³⁶.

Парижская школа не имела выработанных программ, не ставила задачей дать законченное образование. Чи-

тавшнеся в ней систематические курсы и отдельные лекции объединялись социальной тематикой, охватывая теоретические проблемы философии, социологии, экономики, истории, права, политики и отстраняясь от практических областей общественных знаний. Преподавание велось в духе позитивизма, к нему привлекались французские социологи и экономисты (Г. Тард, Ш. Жид, Р. Вормс и др.) и русские ученые, как жившие за границей, так и приглашавшиеся из России в каникулярный период, — Н. И. Кареев, В. В. Лесевич, А. И. Чупров и др. Основную нагрузку несли сами основатели Высшей школы. В школе преподавались также европейские языки. Ее учебный персонал насчитывал около 45 человек.

Историк Н. И. Кареев с сожалением полагал, будто бы борьба между народниками и марксистами нарушила «академический характер» Парижской школы, который ей пытались придать ее руководители. На деле же молодежь, надеявшаяся с помощью этой школы выработать передовое мировоззрение, была разочарована именно этим «академическим характером» лекций. Русские профессора читали свои курсы так, «как будто бы и не перезжали русской границы», то есть, комментирует Кареев это высказывание одной из слушательниц, они не призывали к революции³⁷.

В 1902 г. руководители школы пригласили к чтению лекций В. И. Ленина, широко известного автора книги «Развитие капитализма в России», выпущенной легальным издательством М. И. Водовозовой. Ленин, живший тогда в Лондоне, приехал и 10—13 (23—26) февраля 1903 г. прочел четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России»³⁸.

В конце 1905 г. занятия в школе прекратились. Но ее расшатывала, конечно, не «борьба между народниками и марксистами», а буржуазно-либеральный, замкнутый в рамках конституционной идеологии дух преподавания. Революционные события лета 1905 г., которые Ковалевский оценивал как «погром», многие слушатели, по его же признанию, считали «справедливым возмездием русского народа своим вековым угнетателям»³⁹.

Революция 1905 г. дала возможность осуществления нескольких форм «вольной» высшей школы. Вопрос этот был открыто поставлен Академическим союзом ученых. Остановимся на некоторых из этих своеобразных высших учебных заведениях.

В 1905 г. приняли облик вольной высшей школы курсы П. Ф. Лесгафта. Этот замечательный ученый, анатом, педагог и общественный деятель десятилетиями боролся за распространение женского высшего образования и физического воспитания молодежи. В Петербурге, где он стал работать после увольнения из Казанского университета в 1871 г., Лесгафт руководил группой курсисток, временно допущенных к занятиям в Военно-медицинской академии. Он организовал гимнастические курсы для офицеров и для учителей военно-учебных заведений. С середины 80-х годов, работая в Петербургском университете, вел постоянные занятия у себя на дому. Когда слушатель Лесгафта сибирский золотопромышленник И. М. Сибиряков передал ему на научные цели 200 тыс. р. и большой дом в Петербурге, Лесгафт создал в 1893—1894 гг. богатый музей сравнительной анатомии и зоологии и биологическую лабораторию со многими отделениями, где работали крупные ученые (В. Л. Комаров, Л. А. Орбели и др.). В 1896 г. домашние курсы Лесгафта были утверждены как Женские курсы воспитательниц и руководительниц физического образования. Весь этот комплекс в 1905 г. перешел во вновь построенное здание (Английский проспект, 32). По данным протокола совета биологической лаборатории от 6 сентября 1907 г., начиная с 80-х годов курсы Лесгафта окончило свыше тысячи слушательниц.

В августе 1905 г. на базе курсов Лесгафт добился открытия четырехгодичной Вольной высшей школы с естественным, педагогическим и историческим факультетами, а при ней — Коломенских вечерних курсов для рабочих. Школа привлекла множество слушателей. В состав преподавателей были приглашены освобожденные в 1905 г. шлиссельбуржцы Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский. Курсы Лесгафта стали одним из центров помощи революционному движению и большевистскому подполью. Здесь неоднократно выступал В. И. Ленин. Высшие курсы физического образования продолжались и после смерти Лесгафта. После Октябрьской революции они были преобразованы в Институт физического образования имени П. Ф. Лесгафта, а биологическая лаборатория — в научный институт его имени⁴⁰.

Независимой высшей школой, созданной силами ученых в России, была Педагогическая академия. Она была

задумана в качестве «института усовершенствования учителей» на началах автономии, с выборной профессурой, без всяких ограничений национально-вероисповедного характера для слушателей. История этой академии восходит к активной деятельности Петербургского педагогического музея военно-учебных заведений (его директором был А. И. Макаров, будущий президент Педагогической академии). Среди учреждений, созданных при музее, была психологическая лаборатория, а также отдел для содействия самообразованию, где работали Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, В. И. Семевский и др. В 1896 г. вышла составленная ими энциклопедическая программа чтения для самообразования, выдержавшая до 1911 г. шесть изданий. Идею организации Педагогической академии выдвинул I Всероссийский съезд по педагогической психологии в 1906 г. Академия была учреждена под эгидой Лиги образования и по уставу, утвержденному Министерством просвещения в 1907 г., должна была давать специальное образование лицам, желающим посвятить себя педагогической деятельности. В отличие от обычных курсов академия принимала слушателей с законченным высшим образованием.

Учебный персонал академии сконцентрировал цвет тогдашней передовой столичной науки.

Средства на создание Педагогической академии были собраны путем крупных пожертвований. Она открылась 1 октября 1908 г. и в первом учебном году имела 114 слушателей с высшим и 34 со средним образованием, но обладавших опытом педагогической работы. В начале 1910 г. при академии была открыта школа (коммерческое училище, но с латинским языком), где слушатели вели педагогическую практику. Весь персонал этого училища был выбран из кандидатов, выдвинутых слушателями и прошедших конкурс⁴¹.

Педагогическая академия не имела достаточно времени и средств, чтобы обеспечить свое существование как высшего учебного заведения нового типа. Но ее идея — стать прочным центром передовой педагогической науки — была использована советской наукой.

Своеобразным созданием научной общественности был также Психоневрологический институт в Петербурге, задуманный как вольная частная высшая школа. Он был открыт в 1911 г. в здании, построенном на средства, собранные общественностью. Инициатором и руководите-

лем института был В. М. Бехтерев, председатель Русского общества нормальной и патологической психологии. Особенностью этого вуза, имевшего три факультета — медицинский, юридический и естественноисторический, был общий для всех трехгодичный общеобразовательный факультет, дававший более глубокую научную подготовку. Слушатели обоего пола принимались без аттестатов зрелости и без процентной нормы.

К 1 января 1912 г. в институте было 2035 слушателей, к 1914 г. — 3073 (из них 25% женщин). Профессорско-преподавательский состав в 1913 г. насчитывал 146 человек, среди которых были М. М. Ковалевский, Д. А. Дриль, И. В. Лучицкий, И. А. Бодуэн де Куртенэ⁴². После Октябрьской революции Психоневрологический институт был преобразован во 2-й Петроградский университет, а его прямыми преемниками стали несколько медицинских научных учреждений.

Научно-педагогическая общественность нашла также особую форму для частного вольного университета, каким стал Московский городской университет имени А. Л. Шанявского. Шанявский (1837—1906), офицер, готовившийся в 60-х годах к доцентуре в Академии Генерального штаба, затем пионер золотопромышленности в Амурском крае, так же как и его жена Л. А. Родственная, пожертвовал крупные средства на женское медицинское образование. Решив завещать свое состояние на создание особого типа учебного заведения в Москве, он обсуждал свой замысел с московскими учеными и деятелями городской думы. Они мечтали, вспоминая К. А. Тимирязев, о «совершенно новом учреждении, свободном от всякой китайщины (экзаменов, обязательных курсов и т. д.), задушившей истинную науку в казенных университетах»⁴³.

Шанявский хотел, чтобы новое учебное заведение не зависело от Министерства народного просвещения. Но это не удалось: смерть завещателя и давление со стороны министерства принудили Московскую думу подчиниться разным ограничениям административного порядка. Университет открылся в 1908 г. (с двумя отделениями). Академическое отделение с циклом лекций по общественно-философским и юридическим, по естественным и, несколько позже, по историко-филологическим наукам было рассчитано на слушателей с подготовкой на уровне средней школы. Второе, научно-популярное отделение было

как бы средней школой при университете для наименее подготовленных. Прием слушателей не ограничивался никакими формальностями, плата за обучение была очень невелика: за цикл академического отделения — 30—50 р. в год; можно было слушать отдельные курсы или участвовать в практических занятиях за 4 р. в год. На научно-популярном отделении можно было прослушать лекцию за 10 к.

Особенностью университета имени Шанявского была также гибкая организация специальных циклов по современным проблемам: по кооперации, по местному самоуправлению и др. Здесь были организованы первые в России курсы по библиотечному делу. Здесь же работали педагогические курсы для учителей московских городских начальных школ. Среди преподавателей этого университета были крупные ученые — С. А. Муромцев, А. Ф. Фортунатов, А. А. Кизеветтер, М. Н. Гернет и др. Число слушателей быстро росло: в 1910/1911 учебном году было 1735, а в начале 1914 г. — уже 5372 (из них на научно-популярном отделении — соответственно 242 и 1898). Преподавателей в эти же годы было 94 и 239. Однако задача распространения высшего образования в демократических слоях, где жажда знания не стимулировалась никакими преимуществами, оказалась в буржуазном обществе невыполнимой. Лишь десятки из сотен принятых на полные циклы закончили четырехлетний курс высшего образования⁴⁴.

В новую эпоху под воздействием высокого напряжения революционной борьбы рабочих и под влиянием нараставшего студенческого движения стало изменяться и общественно-политическое поведение передовых ученых. Пассивное подчинение и робкие упреки правительству стали сменяться участием в политических протестах и самостоятельными групповыми выступлениями. В 1899 г. харьковские студенты писали в одной из прокламаций: «Наука и серьезные исследования стоят на подозрении у бюрократии, признаны вредными для существующего порядка вещей... Из-за спины профессора выглядывает квартальный». Такой язык был еще чужд ученым. В том же 1899 г. Н. И. Кареев был уволен из Петербургского университета и с Высших женских курсов по подозрению в связи со студенческим движением, а по его собственному мнению, за скромнейшую реплику согласия с консервативным славистом В. И. Ламанским, который осме-

лился публично просить ректора В. И. Сергеевича уйти в отставку с этого поста. «Студенты Вас не любят, не губите университет», — сказал Ламанский. На это Сергеевич ответил, что занимает свой пост «по воле государя императора и не им его смещать»⁴⁵.

Теперь, в 1901 г., ученые вместе с общественными деятелями и писателями подписали заявление протеста министру внутренних дел по поводу избития студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г. Среди подписавших были академики А. А. Шахматов и Н. Н. Бекетов, П. Ф. Лесгафт, высланный за это из Петербурга, профессора М. А. Шателен и В. В. Скобельцын, за это уволенные из Электротехнического института (находившегося в ведомстве Министерства внутренних дел).

В Академии наук, покорно подчинявшейся произволу августейшего президента и реакционной администрации, которые не допускали в академию крупнейших русских ученых, теперь становится возможным такой факт, как упорная борьба выбранного в 1901 г. адъюнктом известного ученого Е. С. Федорова за создание при академии Минералогического института и уход его в отставку, когда все его усилия не имели успеха. Федоров отказывается прочесть лекцию в Лондонском королевском обществе, отвечая, что не может уважать нацию, которая силой лишила независимости маленькие бургские республики. В 1905 г. он избирается директором Горного института, но переизбрание его на второй срок не утверждается⁴⁶.

В Академии наук, когда в угоду Николаю II ее администрация кассировала выборы Горького в почетные академики (1902 г.), не только Чехов и Короленко отказались от этого звания, но и в среде академиков раздались голоса протеста. Упорным нонконформистом в Академии наук выступал математик А. А. Марков. В 1903 г. он не принял пожалованные ему ордена, а после кровавых московских событий в декабре 1905 г. настаивал на отмене очередного традиционного собрания академии. Марков выступал против участия академиков в выборах члена реформированного Государственного совета в 1907 г., отказался от внесения его в списки избирателей в III Думу. В 1912 г. Марков просил Синод отлучить его от церкви и был признан «отпавшим» от православной церкви. Он протестовал против участия Академии наук в праздновании 300-летия дома Романовых⁴⁷.

Такие небывалые выступления, в рамках академиче-

ского устава обсуждавшиеся чрезвычайным собранием академии, ярко освещают новое в общественном поведении ученых.

Приват-доцент Харьковского университета Л. Н. Яснопольский 14 февраля 1904 г. вместо очередной лекции по статистике прочел 300 слушателям лекцию о русско-японской войне. Он характеризовал ее как авантюру буржуазии и всевластной бюрократии и считал положительной стороной войны ее влияние на развитие общественного движения в России. Конечно, он был уволен⁴⁸.

Вследствие конфликта директора Горного института Д. П. Коновалова со студентами и закрытия им института без согласования с советом из Горного ушли шесть профессоров (среди них Л. И. Лутугин, В. В. Никитин, Н. Н. Яковлев) и несколько ассистентов. Ученые (П. Ф. Лесгафт, И. П. Павлов и др.) приняли по просьбе студентов участие в третейском суде по делу «о столкновении между студентами Горного института весной 1904 г.». Они осудили «общерусский академический режим, вызывающий антагонизм между учащими и учащимися и умаление нравственного авторитета профессорской коллегии»⁴⁹.

Революционные события 1905 г. поставили передовую профессию в беспрецедентное положение. Прежде студенческие волнения как бы противопоставляли профессию студенчеству: она в них не участвовала и лишь в немногих случаях пыталась защитить студентов от репрессий, объясняя правительству связь студенческого движения с нарастающим недовольством общества полицейским режимом. Теперь студенческое движение стало частью массового движения народа. Либеральная профессура, конечно, не одобряла студенческих забастовок, приводивших к закрытию университетов и массовому исключению студентов; она видела в этих событиях тяжелые издержки в профессиональной работе высшей школы. Но подъем революции увлекал передовых ученых, они понимали свою ответственность перед историей, отказывались быть орудием правительственных репрессий.

Мы остановимся на фактах участия профессуры в поддержке революционного движения, но главным образом на ее борьбе за свое профессиональное дело, то есть за новые, демократические условия развития высшей школы. Борьба шла не только с реакционными правительственными силами, но и в рядах самой профессуры,

где, как во всех других профессиональных группах интеллигенции— и даже в большей степени, потому что это была наиболее привилегированная группа, — имелись и «дипломированные лакеи» самодержавия — крайне правые, активные монархисты, и опасливые обыватели, и прочие косные элементы.

В 1903—1904 г. совет Киевского политехнического института отказывался принимать меры против студентов, участников сходок и забастовок, а на запрос министра финансов о причинах волнений отвечал, следуя традиции передовой профессуры XIX в., что «причина студенческих беспорядков лежит в общем государственном устройстве России, не обеспечивающем общегражданских прав личности», и что упадок высшего образования, вызываемый непрекращающимися беспорядками, связан «с общим бесправием личности в России»⁵⁰.

В 1904 г. частное собрание преподавателей Лесного института представило записку в совет института, где говорилось, что основные причины ненормального течения всей академической жизни «лежат вне стен высших учебных заведений и вне пределов влияния преподавательской среды. Причины эти чисто политического свойства и заключаются в несоответствии современного политического строя России с ростом общественного самосознания, для которого является жизненной необходимостью свобода личности, совести и слова»⁵¹.

Совет Петербургского политехнического института выразил глубокое негодование «по поводу массового расстреливания» 9 января 1905 г. и постановил торжественно похоронить студента Н. В. Савинкина (члена студенческой с.-д. организации), убитого у Александровского сада. В похоронном шествии участвовали все профессора во главе с директором А. Г. Гагариным, студенты Политехнического и Лесного институтов, к ним присоединились и рабочие⁵².

В расчетах «Союза освобождения» буржуазная профессура, проникнутая конституционными чаяниями, должна была играть важную роль в деле сплочения интеллигенции. Этой роли она не смогла сыграть со своей политической программой, стоявшей на уровне умеренного буржуазного либерализма. Однако критиковать ее за умеренность политических требований, видя в среде ученых «наиболее косный интеллигентский слой», способный лишь на «медленное оппозиционное шествие», как это

делается в меньшевистской истории общественного движения⁵³, — значит отступать от принципа историзма, судить общественное явление с точки зрения того, чем оно не было, и игнорировать то, чем оно было в действительности.

Прогрессивная профессура выступила в печати после расстрела рабочих с программным заявлением, подписанным еще 4 января и подготовленным к 150-летию Московского университета (юбилей в тогдашней политической обстановке был отменен правительством). Это «Записка о нуждах просвещения (342 ученых)», опубликованная 19 января 1905 г. в газете «Наши дни». Нельзя недооценивать значение этого документа: в ближайшие недели число подписавших его превысило 1400⁵⁴.

Записка содержала критику всей правительственной политики просвещения как тормоза в развитии народа: средние школы «убивают любовь к знанию и умение мыслить»; высшие учебные заведения находятся в состоянии полного разложения, начала академической автономии совершенно подавлены; студенческие волнения «вызываются всей совокупностью условий нашей государственной жизни»; преподаватели высших школ низводятся на степень чиновников, «долженствующих слепо исполнять приказания начальства» и т. д. «Академическая свобода несовместима с современным государственным строем России», необходимо «полное и коренное его преобразование», заявляли ученые, присоединяясь к конституционной программе. В тогдашней обстановке эта записка была как бы пощечиной царизму со стороны наиболее авторитетной группы интеллигенции.

16 академиков, подписавших записку, — примерно треть состава Академии наук — получили выговор от президента, великого князя К. К. Романова. В циркулярном письме президент обвинял их в «нарушении законности» и попрекал (на уровне попрека наемной прислуге), что, порицая правительство, они не отказываются получать от него казенное содержание. Академики (А. А. Марков, А. С. Фаминцын, А. А. Шахматов, В. В. Зеленский, Ф. В. Овсянников, Н. Н. Бекетов) с достоинством отвечали. В частности, Шахматов писал президенту 22 февраля 1905 г.: «Это жалованье дается не для того, чтобы мы не порицали правительство, а для того, чтобы мы работали на благо русского народа и русского государства»⁵⁵.

«Записка о нуждах просвещения» облегчила организацию объединения работников науки, так как подготовила начальный контингент его членов. Уже 25—28 марта 1905 г. петербургская профессура созвала первый делегатский съезд деятелей высших учебных заведений и научных учреждений. На нем присутствовали 175 делегатов, среди них один академик, 98 профессоров, 76 младших преподавателей и ассистентов. Съезд принял временный устав Академического союза. Его членами становились все подписавшие «Записку», а в дальнейшем союз пополнялся баллотировкой в местных отделах. Допускалось раздельное существование групп профессорского и младшего педагогического персонала. Положения Петербургского отдела были приняты за организационную основу для местных отделов, которые, естественно, совпадали с наличными вузами.

Цель нового союза определялась как объединение для достижения и обеспечения нормального устройства академического быта на началах академической свободы и автономии. Было выставлено требование немедленной самостоятельности учебных заведений в их управлении, с выборными ректорами или директорами во главе*. Политическая программа оставалась на уровне конституционно-демократических реформ⁵⁶.

В воспоминаниях Н. А. Рожкова хорошо показано столкновение политических позиций либеральной профессуры и молодых научных кадров. Рожков, выбранный на мартовский съезд от младших преподавателей и приват-доцентов Московского университета, возмущался тем, что профессора, упорно именовавшие себя «мозгом страны», жаждали скорейшего прекращения революции, когда еще ничего не достигнуто. «Вообще, на профессорском съезде я, более чем когда-либо, почувствовал себя чужим в профессорской среде», — писал Рожков. В нем укрепилось «твердое убеждение в полной и совершенной контрреволюционности либеральной буржуазии»⁵⁷.

Академический союз был «самой кадетской» частью Союза союзов, утверждает А. Е. Иванов⁵⁸. Но такое огульное обобщение игнорирует противоречия и внутреннюю борьбу в рядах этой организации ученых, куда вхо-

---

* На конституционные «мечты 170 профессоров» злобно обрушился реакционный славист А. С. Будилович в книге «Наука и политика» (СПб., 1905).

дила и передовая и левая профессура. Московские профессора провалили предложение левых о забастовке преподавателей вузов — отказе от занятий и экзаменов в условиях полицейских репрессий. Вместе с тем мартовский съезд профессуры стал трибуной для протестов против русификаторской политики правительства, против поголовного увольнения студентов Варшавского университета, против полицейских насилий над студентами, против провокаторской деятельности властей и духовенства, «русских собраний» и правой печати, натравливавших народ на интеллигенцию и учащуюся молодежь. Раздавались требования равноправности всех национальностей и преподавания на родном языке в школах⁵⁹.

По сведениям 1905 г., 1544 члена Академического союза распределялись так: в Петербурге — 550, в Москве — 440, Харькове — 112, Киеве — 111, Томске — 100, Одессе — 72, Казани — 57, Юрьеве — 49, Варшаве — 41, Ново-Александрии — 22, Екатеринославе — 16, Ярославле — 11, Нежине — 3. Профессура Рижского политехникума не принимала участия в Академическом союзе, оправдывая свою консервативную позицию тем, что она якобы уже обладала «свободой учения»⁶⁰. На втором съезде в Москве (25—28 августа 1905 г.) его делегаты представляли 1650 членов Академического союза, который имел уже сложившуюся организацию в виде 44 местных групп при вузах 13 городов. На съезде присутствовал также М. М. Ковалевский «от Парижа», встреченный овацией⁶¹. Вне Академического союза оставалась наиболее инертная и робкая часть ученых и, конечно, правая профессура, вроде А. С. Будиловича, травившего эту организацию в печати.

Второй съезд Академического союза работал в условиях, когда либералам казалось, что нормальная жизнь вузов могла наладиться исходя из указа 27 августа, обещающего автономию высшей школы и сопровождавшегося немедленными выборами вузовской администрации. При таких «перспективах» Академический союз разошелся с политической линией Союза союзов в вопросе о бойкоте выборов в булыгинскую Думу и объявил необходимым участие в выборах (как позже и Союз адвокатов), хотя и с оговоркой о немедленном признании за всеми русскими гражданами свободы собраний, слова и неприкосновенности личности. Эта позиция, естественно, повела Академический союз к сближению с формировав-

шейся кадетской партией и к отходу от участия в делах Союза союзов. Профессура выдвигала своих кандидатов и в I Думу и в реформированный Государственный совет.

Но в августе 1905 г. Академический союз еще продолжал активно выступать в защиту передовой высшей школы. Он потребовал возвращения пяти уволенных профессоров и преподавателей. Он решил немедленно допустить женщин в вузы в качестве вольнослушательниц и установить дополнительный экзамен для желающих стать студентами (съезду было подано обращение от женщин, добивавшихся доступа в вузы, с 556 подписями). Он принял резолюцию о необходимости организации «вольной» высшей школы (мы уже познакомились с некоторыми попытками ее осуществления). Съезд единогласно заявил, что возобновление учебных занятий в вузах возможно только при ликвидации положения об усиленной охране, действовавшего во всех университетских городах.

Наконец, съезд постановил — и это отражало общественно-профессиональную активность профессуры — разработать и опубликовать от имени Академического союза новый академический устав, отвечающий неотложной потребности в реформе высшей школы. Последнее решение было выполнено особой комиссией Петербургского отдела Академического союза, председателем которой был Н. И. Кареев, товарищем председателя — П. Ф. Лесгафт, секретарем — Н. О. Лосский. Проект устава был доложен на Третьем делегатском съезде союза 15 января 1906 г. и тогда же издан⁶².

В наступивших вскоре бурных событиях, предшествовавших всеобщей Октябрьской стачке, общественное поведение профессуры подверглось сильному испытанию. С одной стороны, профессора заботились о сохранении возможности учебных занятий, с другой — многие из них понимали нравственную ответственность интеллигенции перед наступающей революцией. Когда в сентябре стали открываться вузы, когда до студенчества дошло обращение РСДРП ко всей учащейся молодежи с призывом помочь осуществить явочным порядком свободу слова и собраний для народных масс, предоставив им вузовские аудитории, толпы рабочих «повалили» в эти аудитории, в них с утра до ночи шли митинги. Петербургский отдел, фактически возглавлявший Академический союз, на общем собрании своих членов (более 300) 1 октября 1905 г. обсудил вопрос о митингах в вузах и решил, что «при на-

личных условиях политической жизни страны нельзя противодействовать устройству митингов», члены Академического союза не имеют и нравственной почвы для этого, они могут настаивать только на том, чтобы митинги не препятствовали учебным занятиям⁶³.

Когда петербургский генерал-губернатор Трепов 14 октября в знаменитом приказе «холостых залпов не давать и патронов не жалеть» запретил митинги, Петербургский отдел Академического союза отказался препятствовать митингам в стенах вузов, а также закрывать вузы и заявил: «Применение правительством силы к прекращению митингов мы считаем преступлением против народа».

Эти решения поддерживались новой выборной дирекцией вузов. Так, совет профессоров Петербургского электротехнического института под председательством А. С. Попова решил не выполнять приказа Трепова, повторив, что «не имеет не только возможности, но и нравственного права препятствовать устройству публичных собраний в помещениях института», и потребовал немедленного созыва Учредительного собрания, отмены смертной казни, амнистии политическим заключенным⁶⁴.

Иное, соглашательское решение вопроса о митингах было принято большинством Московского отдела Академического союза. 9 октября 1905 г., когда забастовка охватила почти весь Московский железнодорожный узел, профессора признали нежелательной организацию публичных политических митингов в стенах высшей школы (за это голосовали 129, «против» — 61, 13 воздержались). Вместе с тем они голосовали за необходимость немедленного удовлетворения права свободы политических собраний и даже пытались (14 октября) убедить Совет министров объявить эту свободу или предоставить для политических собраний другие помещения, «обеспечивающие ту же неприкосновенность, которую они фактически находят в помещениях высших школ». Учебное начальство московских вузов даже само закрывало свои вузы, не дожидаясь вмешательства властей и мотивируя это угрозой (вполне в те дни реальной) нападения черносотенцев на некоторые институты, например на Московское техническое училище⁶⁵.

Следует отметить, что Академический союз из своих довольно значительных средств, состоявшихся из членских взносов и различных сборов, помогал петербургским

рабочим, пострадавшим от забастовок. В 1905 г. на это было израсходовано 3340 р.⁶⁶

С поражением революции первым стремлением правительства в области высшей школы было рядом репрессий подорвать и ослабить автономию профессорских коллективов, с тем чтобы в ближайшие годы ее ликвидировать. Выборные руководители вузов предавались суду за «преступления по должности», состоявшие в том, что они не подавляли всех проявлений общественной жизни в революционные годы. Так, ректор и проректор Одесского университета И. М. Занчевский и Е. В. Васьковский обвинялись в том, что они «допустили» и «не приняли мер» по отношению ко всем событиям, разыгравшимся в университете с сентября 1905 по апрель 1907 г.: имелось в виду и воздействие на совет университета организации младших преподавателей, и деятельность студенческой выборной организации, «преимущественно из крайних политических партий», устраивавшей в университете «противоправительственные сборища», и денежные сборы на революцию и вооружение, и нежелание ректора закрыть университет по требованию министерства, и двухмесячное пребывание в здании университета трупов убитых студентов, и суд студенческой организации над профессорами, и т. д. Решением Сената в феврале 1909 г. ректор был исключен из службы, а проректор снят с должности.

Разнузданная травля профессоров велась в Томске. Активную роль в опорочивании профессуры играли правые студенческие организации. Так, черносотенный «Академический союз» студентов Петербургского политехнического института издал в 1909 г. сборник документов по делу ректора и проректора Одесского университета — «Революционное гнездо»; подобная реакционная стряпня появилась в 1911 г. в Томске под названием «Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института на поприще «освободительного движения» 1901—1911 гг.».

Руководители Петербургского политехнического института — его первый директор выдающийся инженер А. Г. Гагарин, декан электромеханического факультета М. А. Шателен и др. — были отданы под суд после массового ночного обыска в студенческом общежитии 18 февраля 1907 г., во время которого ничего не было найдено, но была выброшена из окна неразорвавшаяся бомба. За

«бездействие власти» Сенат в апреле 1907 г. запретил Гагарину в течение трех лет поступать на государственную и общественную службу, а трое деканов получили выговор⁶⁷.

Историк Е. Н. Щепкин, левый профессор Одесского университета, член I Государственной думы, отбыв наказание за подписание Выборгского воззвания, вплоть до Февральской революции не допускался в университет. Такие примеры можно умножить.

«Автономия», состоявшая в выборности руководящего состава высшей школы, не стала «нормальным» условием академической жизни, а была непрерывной борьбой прогрессивной профессуры против подавления автономии силами правительства и против ее использования реакционной профессурой, проводившей своих кандидатов. С особым пристрастием относилось правительство к В. М. Бехтереву, крупнейшему ученому и общественному деятелю. Прослужив 35 лет в Военно-медицинской академии, он не был оставлен заслуженным профессором и не был утвержден при переизбрании его президентом Психоневрологического института. Левая профессура этого института постоянно раздражала полицейские власти.

В 1911 г. репрессии обрушились на профессуру с новой силой вследствие ее протестов против грубого нарушения автономии. Постановлением Совета министров от 11 января 1911 г. о «временном» запрещении всяческих публичных и частных собраний в стенах вузов высшая школа была фактически отдана во власть полиции, подавлявшей студенческие забастовки протеста против этого нового ограничения их прав. Выборные руководители Московского университета в знак протеста против хозяйничанья полиции подали прошение об отставке со своих выборных постов, что было санкционировано и советом университета. Министр народного просвещения Л. А. Кассо не только немедленно принял отставку ректора А. А. Мануйлова, помощника ректора заслуженного профессора М. А. Мензбира и проректора П. А. Минакова, но и снял их с профессорских должностей без прошения. Эта расправа с независимыми учеными вызвала в феврале 1911 г. уход из Московского университета более ста человек (в том числе более 20 профессоров и 74 приват-доцентов и преподавателей).

Одновременно министр торговли и промышленности усмирлял непокорную профессуру Киевского политехни-

ческого института, студенты которого присоединились к забастовке. Из 26 профессоров, протестовавших против постановления 11 января 1911 г., были уволены деканы механического, инженерного и химического отделений, а 17 другим был объявлен выговор. В ответ на отказ министра восстановить деканов из института ушли 7 профессоров и ряд преподавателей и лаборантов; 10 кафедр остались вакантными⁶⁸.

В апреле 1911 г. директор Женского медицинского института С. С. Салазкин подал в отставку из-за того, что совет института решил подчиниться требованию продолжать занятия. Он был отрешен от профессорской должности, а профессура получила выговор за недостаточную готовность бороться с забастовкой слушательниц. 1200 из них были огулом исключены без права поступления в другие вузы. Только после запроса в III Думе они были приняты обратно⁶⁹.

Начальник Военно-медицинской академии Н. А. Вельяминов, выдающийся хирург и общественный деятель, подал в отставку, так как не мог отстоять академию от военизации, проводимой военным министром Сухомлиновым, и разрушения ее как научного центра. От оппозиционных профессоров Петербургского университета, державшихся лояльно и не подававших повода к репрессиям, Кассо отделялся, переводя их в другие университеты в 1912—1913 гг. Поэтому ушли в отставку М. Я. Пергамент, И. А. Покровский, а ректор Д. Д. Гримм сумел остаться в Петербурге как член Государственного совета по академической курии⁷⁰.

В Донском политехническом институте, отличавшемся резко реакционным режимом, борьба профессуры за изменение устава кончилась неудачей (вопрос был отклонен в Государственной думе), а студенческие волнения 1912 г. вызвали вмешательство войскового наказного атамана и усиленный военно-полицейский надзор. В 1912—1913 гг. более 20 ведущих профессоров и доцентов покинули институт⁷¹.

В 1912 г. Министерство просвещения решило ограничить право преподавания приват-доцентов, отняв у них все обязательные курсы, оставив им только дополнительные необязательные предметы и ведение практических занятий. Эта мера оспаривалась комиссией, выделенной юридическим факультетом Петербургского университета, которая признала ограничения не согласованными с за-

коном и по существу во всех отношениях крайне нежелательными⁷².

Профессора и преподаватели увольнялись в эти годы также из Московского народного университета имени Шанявского, из Томских политехнического института и университета. В Саратовском университете не был утвержден выборный ректор И. А. Чуевский.

Поведение буржуазной профессуры отражало начало нового периода — демократического революционного подъема. С 1911 г., когда университетские события стали в центре общественной жизни и обсуждались в Государственной думе, в среде научной интеллигенции поднимался вопрос о целесообразности ухода профессуры в отставку как способа борьбы с наступлением реакционных сил. Ученых поддерживала надежда на непродолжительность господства реакции, «ясная уверенность в неизбежном наступлении лучших времен», — писал В. И. Вернадский. «Живая вера в силу и мощь русского народа делает невероятной продолжительность переживаемого нами его (Московского университета. — В. Р. Л.-С.) разгрома»⁷³.

Самоотверженное массовое выступление выдающихся ученых в защиту достоинства русской высшей школы имело объективно революционное значение, разоблачая перед глазами широких масс дикое, наглое равнодушие черносотенно-погромной монархии к интересам науки и просвещения.

После Октябрьской революции, несмотря на все трудности становления социалистического государства, Советская власть не только стремилась сберечь дореволюционные научные кадры, но и создавала новую расширенную базу для развития науки, организуя новые научные институты и вузы. Русские ученые отдали много сил и на подготовку новых научных кадров, и на непосредственную работу по строительству социалистического общества.

В области науки выдвинулись многие талантливые силы, выросло новое поколение ученых. Появились республиканские академии наук и отраслевые академии. В Академии наук СССР контингент ученых постоянно расширялся: к началу 1971 г. в ней состояло 245 действительных членов и 448 членов-корреспондентов. В течение 1929—1974 гг. в нее было избрано 504 действительных члена и 1045 членов-корреспондентов. В институтах Академии наук СССР в 1975 г. насчитывалось 42,5 тыс. науч-

ных работников (более половины из них с учеными степенями). Общее число научных работников всех специальностей в 1978 г. превысило 1,3 млн., среди них свыше 370 тыс. кандидатов наук и 36,4 тыс. докторов наук⁷⁴. К 1979 г. в СССР насчитывалось 842 высших учебных заведения, тысячи научно-исследовательских учреждений и научно-технических организаций. В системе советской науки, включая также ее инженерно-технический персонал, трудятся около 4 млн. человек⁷⁵.

4. ЦЕХ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературный процесс в России конца XIX — начала XX в., во всех его сложных и противоречивых формах питавшийся глубинными корнями социальных отношений, адекватный в целом развитию духовной культуры страны, хорошо изучен в советском литературоведении. Гораздо меньше внимания уделялось труду множества малозаметных работников, необходимому для реального существования литературы.

К работникам этого цеха надо причислить не только писателей разных жанров — драматургов, поэтов, публицистов, критиков, литературоведов, переводчиков, популяризаторов и т. д., но и многочисленных, часто безымянных специалистов журнального, газетного и издательского дела — редакторов, обозревателей, рецензентов, библиографов и т. п. К ним, безусловно, относятся и издатели, руководствовавшиеся интересами просвещения и культуры, задачами революционной пропаганды, — такие имелись в России всегда, и число их росло. «В литературе, — писал А. П. Чехов, — маленькие чины так же необходимы, как и в армии»¹.

Для профессиональных работников литературы неприменим столь существенный для других групп интеллигенции критерий специального образования, то есть предварительного усвоения комплекса определенных знаний, затем используемых в практической работе. Конечно, высокий уровень знаний нужен писателю, но не они делают его работником пера; ему нужна способность пристального видения окружающего мира, стремление к познанию человеческих, в том числе и социальных, взаимоотношений, стремление передать людям увиденное и понятое.

Многие писатели получили импульс к литературной работе, пройдя первоначально через другие профессии — учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. Важную

роль в литературе всегда играли самоучки, прошедшие опыт, как писал А. В. Луначарский о Горьком, «более или менее низко стоящих общественных положений. Отсюда большое богатство наблюдений, широта, свежесть, новизна по сравнению с коренным культурным интеллигентом»².

Мы остановимся на профессиональных кадрах цеха литературы, условиях их труда, на их политической ориентации в напряженных общественных конфликтах того времени, на попытках профессиональных и идеологических объединений в литературной среде.

В XX в. печатная продукция страны значительно возросла. Увеличилось число издательств, количество названий выпущенных книг и их тиражи. Согласно справочнику «Газетный мир», в 1913 г. насчитывалось 575 книгоиздательских фирм. Основная продукция падала на крупные торгово-промышленные фирмы; производство книг стало одной из отраслей капиталистической промышленности в России.

Некоторые из издательств, как основанные в XIX в., так и новые, пользуются заслуженным признанием в истории русской культуры. Среди них издательство И. Д. Сытина, далеко опередившее другие фирмы по объему и по стоимости своей продукции. Сытин выпускал дешевые издания русских классиков, серии книг для самообразования, множество книг для читателей из народа и для детей, журналы для юношества с богатыми приложениями. В издательстве Сытина выходили широко задуманные энциклопедии, юбилейные исторические издания и т. д. Заслуги этого самородка русской книжной культуры были широко признаны Советской властью. Большое культурное богатство оставило русскому обществу издательство М. В. и С. В. Сабашниковых, выпускавшее труды русских и иностранных ученых, серию «Памятники мировой литературы», много книг по истории русской литературы и т. п. Выделяются также издательства М. О. Вольфа, А. Ф. Маркса, П. П. Сойкина, В. М. Саблина, И. Н. Кнебея и многие другие³.

Капиталисты книжной промышленности еще в XIX в. создали свои формы профессионального и экономического объединения и общения. Русское общество книгопродавцев и издателей, возникшее в 1883 г. и в начале XX столетия вошедшее в состав Совета съездов представителей промышленности и торговли, издавало специаль-

ный журнал «Книжный вестник» (до 1916 г.). Литераторы и издатели входили в Общество взаимного кредита деятелей печатного дела и другие объединения. Известный журналист, историк общественного движения М. К. Лемке играл роль в правлении Всероссийского общества книгопродавцев и издателей, призывая к профессиональному объединению⁴. На первом съезде этого общества в 1909 г. была поставлена задача нормализации правового положения книгопродавцев, подвергавшихся уголовной ответственности за содержание продаваемых книг.

Печатное дело в России не развилось, однако, в мощную капиталистическую силу. Этому мешали и политические условия страны, и культурная отсталость провинции. К концу 1900-х годов в России имелось всего около 2000 книжных магазинов, преимущественно в столицах и крупных городах. Но характерной чертой книжного дела в России было постоянное наличие идейных некоммерческих издательств. (Наиболее известным в XIX в. было демократическое издательство Ф. Ф. Павленкова.) С середины 90-х годов появились такие издательства, как М. И. Водовозовой (1895—1900), издававшее первые легальные марксистские книги, в том числе «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина; издательство писательницы О. Н. Поповой, с 1894 г. выпускавшее сочинения русских революционных демократов, естественнонаучную и экономическую литературу, а в 1906—1907 гг. — популярную серию марксистских авторов «Темы жизни» и др. В 1905—1907 гг. особенно интенсивно действовали издательства В. Е. Распопова, Н. Е. Парамонова, Марии Малых и много других.

После долгих лет цензурных преград и гонений печать прорвала эти барьеры явочным порядком, и книжный поток превратился «в настоящее книжное наводнение». Небывалое напряжение писательской и издательской работы с октября 1905 г. поставило Россию по числу названий и экземпляров вновь выходявших книг на «первое место на всем земном шаре», — утверждал Н. А. Рубакин. По его подсчетам, наряду с прежними демократическими издательствами в эти революционные годы возникло 351 новое издательство (фирмы и отдельные издатели) политических и экономических брошюр, выпускавшихся огромными тиражами. Создававшаяся за это время народная (то есть популярная) литература по общественным во-

просам была в тот период одной из богатейших народных литератур в Европе⁵.

Энергичную инициативу в создании зарубежных издательских организаций развила социал-демократическая партия усилиями В. Д. Бонч-Бруевича и других большевиков. Выпускались произведения Маркса и Энгельса, партийная и даже художественная литература⁶.

Печатная книжная продукция на русском языке, по сведениям Главного управления по делам печати, составила в 1901 г. — 10,2 тыс. названий, в 1913 г. — 26,6 тыс., а на всех языках Российской империи — соответственно 15,9 тыс. и 34 тыс. За вычетом изданий справочного, административного, ведомственного, специального и т. п. типов, в 1908 г., например, оставалось всего 7 тыс. названий на русском языке, из которых опять-таки не относились к литературе издания духовного ведомства, школьные учебники, «лубочные, народные», книги для детей (характерно, что тогдашняя статистика не включала обе последние категории в художественную литературу). В результате к интересующей нас книжной продукции относятся две группы, выделяемые статистикой печати: 1) по научной, научно-прикладной и общественной тематике, авторами которых были не только профессиональные ученые, но и публицисты, популяризаторы, переводчики и т. п., и 2) «беллетристика, драма, поэзия», как называется эта группа в наших источниках. Обе группы включают также переиздания и переводы.

Рост книжной продукции
по числу названий *

Годы	1-я группа	2-я группа
1901	1 477	1 165
1908	4 570	1 577
1913	6 590	2 012

* Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.—Л., 1931, с. 164, 165, 174—175.

Темп роста за 1901—1913 гг. для первой группы увеличился в 4,4, для второй — в 1,7 раза.

Переходя к сведениям о периодических изданиях и отмечая их рост, надо иметь в виду, что за абсолютными цифрами скрывается динамика их прироста и убыли. Так,

в 1896 г. имелось 697 изданий на русском языке, а в 1900 г. — 1002 издания, но за это пятилетие возникло 794 новых. В 1905 г. в России издавалось 1350 газет и журналов, в 1910 г. — 2,4 тыс., но за 1901—1916 гг. разновременно выходило свыше 14 тыс. *

Статистика печати выделяет из многих официальных, справочных, специальных изданий издания «общего типа», общественно-политического содержания, а из них особо — журналы и газеты. Так, в 1900 г. было всего 212 изданий «общего типа» (20%), а среди них всего 125 газет и 36 журналов⁷.

Более 60 ежедневных литературно-политических газет на русском языке, выходивших в 1897 г., имели в общей сложности 150—200 тыс. подписчиков в 45 провинциальных городах. В 1900 г. из 88 частных русских ежедневных газет в 26 губерниях издавалось по одной газете, а в 42 губерниях вообще не существовало частных газет⁸.

В 1915 г. в России издавались 1351 журнал (1088 на русском языке) и 916 газет (728 на русском языке). Темы политики, публицистики, литературы были представлены лишь в 235 журналах (из них 128 на русском языке) и 739 газетах (569 на русском языке). Кроме того, имелось немного изданий, посвященных сатире и юмору, театру, библиографии, и около сотни изданий, связанных с мировой войной. В общей сложности работники цеха литературы могли найти применение своему труду всего в 26% тогдашних журналов и в 84% газет⁹.

Нас интересует численность работников литературного цеха, которых в изобилии порождала потребность развивающейся страны в разнообразных формах литературного обслуживания. Но мы можем лишь частично осветить этот неизученный вопрос. Так, о литературно-художественных силах изучаемого периода можно судить по составу альманахов и сборников, широко распространенных с начала XX в.

Выпуск альманахов далеко превзошел их среднее ежегодное число во второй половине XIX в.: в 1855—1900 гг. вышло 973 названия, в 1900—1917 гг. — 1103 названия¹⁰. Форма коллективного сборника отличалась гибкостью те-

---

* В капиталистических странах выходило много больше периодических изданий, чем в России: в Германии и Франции — в 6 раз, в США — в 16 раз (Келен Т. Газета и журнал. Их прошлое и настоящее во всех странах мира. Пер. с нем. СПб., 1908, с. 151—153).

матики, могла целенаправленно представлять новые литературные течения. Издание альманаха облегчало трудности организационного и цензурного порядка и было доступнее, чем издание журнала. Альманахи как бы заменяли собой литературные отделы журналов.

Подсчет участников литературных сборников дает довольно полное представление о кадрах художественной литературы этого времени. По указателям О. Д. Голубевой и Н. П. Рогожина, в 1900—1911 гг. в 556 альманахах участвовали 3617 авторов; в 1912—1917 гг. в 547 альманахах — 3444 автора. Среди них находим и знаменитых писателей и поэтов, и начинающих, к которым еще придет слава, и неизвестных, пробующих силы в печати (в наш подсчет мы включили также имена умерших писателей и авторов переводных произведений).

Контингент писателей-публицистов разных специальностей может быть отчасти выяснен по содержанию «толстых» журналов. В этом отношении большую ценность представляет указатель Н. А. Ульянова, охватывающий статьи научных отделов крупнейших журналов либерального и демократического направлений за 1896—1910 гг. («Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Образование» и еще несколько удешенных цензурой).

Автор указателя подчеркнул особую функцию «толстой журналистики». В отличие от западных стран, где литература по всем общественным вопросам в изобилии наполняла книжный рынок, в России именно журнал, дешевый и доступный читателю, в большинстве еще «интеллигентному пролетарию», «до некоторой степени утоляет острую, особенно для провинции острую, потребность — следить за умственной жизнью всего человечества. . . Русская журналистика, за редкими исключениями, всегда была и остается до сих пор выше похвал, как руководительница чтением широкой массы интеллигенции»¹¹.

За десять лет (1896—1905) в указанных журналах опубликованы 5636 статей 1947 публицистов, литературных критиков и других специалистов. За следующие пять лет (1906—1910) — 2272 статьи 687 авторов. Многие имена повторяются, но можно считать, что общее число авторов приближается к 2500.

Эти подсчеты показывают, что работники пера уже составляли значительную профессиональную группу. По данным, приведенным на первом съезде издателей и кни-

гопродавцев, в 1909 г. имелось также около 10 тыс. переводчиков¹².

В журналах с либеральной и буржуазно-демократической окраской, привлекавшей массу подписчиков, обычно сосредоточивались наиболее квалифицированные и многочисленные литературные кадры. Так, в либерально-народническом «Русском богатстве», в начале 1900-х годов имевшем 11 тыс. подписчиков, в 1893—1911 гг. сотрудничало свыше 880 авторов. При этом значительно возросло число авторов публицистических и научных статей (до 400). В «Мире божьем», тяготевшем к легальному марксизму, в 1892—1901 гг. участвовало свыше 450 авторов, а в следующее пятилетие — до 280. Этот журнал, закрытый цензурой в 1907 г. и возобновившийся под названием «Современный мир», в 1909 г. имел 14,5 тыс. подписчиков. В либеральном журнале «Русская мысль» за 1900—1904 гг. печаталось 460 авторов. В биографическом списке сотрудников либеральной газеты «Русские ведомости», составленном к ее 50-летию (1863—1913), находим свыше 430 авторов, напечатавших в XX в. не менее двух статей)¹³.

В мире литературного труда было закономерно, что отвечавшие запросам широких кругов органы печати набирали большие тиражи и имели обильные авторские ресурсы. Журналы же замкнутых элитарных направлений, хотя и субсидируемые своими сторонниками, подписчиков имели мало и ограничивались самыми узкими авторскими коллективами. Так, журнал символистов «Весы» (1905—1917) в лучшие свои времена (1908 г.) набрал всего 1700 подписчиков, а его авторы, выдающиеся писатели и поэты, укрывали свою малочисленность множеством псевдонимов¹⁴.

Материальные условия литературного труда улучшились в связи с ростом массы читателей, их образовательного уровня, расширением рынка для литературной продукции. Реализовалась возможность не только безбедного существования на литературный заработок, но и быстрого выдвижения и признания талантов. Успех, завоеванный молодым Горьким, обеспечил его первым сборникам небывалые до того в книжной торговле тиражи. Повысился издательский спрос на литературную собственность. Сочинения Тургенева были проданы всего за 50 тыс. р. с рассрочкой, Салтыков-Щедрин при жизни не нашел покупателя на свои произведения, а в 90-х годах

издатель А. Ф. Маркс «перекупил» сочинения Гоголя и Лескова за 100 и 75 тыс. р., в 1899 г. закупил за 75 тыс. все написанное и еще не написанное Чеховым и в 1912 г. заплатил Леониду Андрееву 35 тыс. р. за издание его произведений приложением к «Ниве»¹⁵. Большие, хорошо поставленные капиталистические газеты давали выгодную работу многочисленным сотрудникам — публицистам, фельетонистам, обозревателям, критикам, «собственным корреспондентам», репортерам (из которых иногда вырабатывались хорошие писатели) и т. п. В то же время жестокая эксплуатация господствовала в провинциальной печати, где газетчики оставались литературным пролетариатом. В 90-х годах, отмечал П. П. Перцов, «газетчики висели, можно сказать, между небом и землей, не имея для себя определенного места в социальной классификации», целой пропастью отделенные от городского «общества».

В 1910 г. на Втором Всероссийском съезде писателей говорилось, что сотрудники провинциальной периодической прессы «являются народом кочевым», ведут «бродяжнический образ жизни» вследствие административных гонений, закрытия газет, редакционных конфликтов и т. п. Заработок выше 100 р. имела едва четвертая часть из них, шестая часть зарабатывала до 30 р., а основная масса — от 50 до 100 р. в месяц. 75% журналистов не имели постоянного заработка и жили только на гонорар¹⁶.

Своеобразным миром, принципиально отличающимся от буржуазной прессы, стала большевистская печать как неотъемлемая часть большой русской литературы. Начиная с первого номера «Искры» (декабрь 1900 г.) непрерывно выходили большевистские центральные газеты, а на их основе — провинциальные партийные издания в России. Нелегальные издания при первой возможности сменялись легальными.

С 1901 до ноября 1905 г. издавались за границей «Искра», «Вперед», «Пролетарий». С конца октября 1905 по июль 1906 г. выходили под разными названиями пять легальных большевистских газет, в том числе «Новая жизнь». Затем, вновь за границей, в 1906—1912 гг. печатались «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета», а с конца 1910 до июня 1914 г. в России выходили легальные газеты «Звезда» и «Правда», журналы «Мысль» и «Просвещение».

Большевистская печать существовала на взносы рабочих, на пожертвования сочувствующей революции интеллигенции, обслуживалась бесплатным трудом революционеров-профессионалов; лишь в редких случаях ее сотрудники получали ничтожный гонорар. В легальных условиях она подвергалась непрерывным конфискациям, приостановкам, запрещениям. Однако распространялась она огромными для своих материальных и полиграфических возможностей тиражами. «Новая жизнь» доводила свои тиражи до 80 тыс. экземпляров, газеты 1906 г. — до 50—100 тыс., отдельные номера «Звезды» — до 50—60 тыс., «Правда» — до 30—40 тыс., к началу 1914 г. — до 60 тыс., а 5 мая 1914 г. ее праздничный выпуск вышел 130-тысячным тиражом¹⁷.

В июне 1914 г. петербургская охранка констатировала, что большевистские органы печати «успели правильно организовать по всей империи массы революционно настроенного и недовольного существующим строем элемента, фактически выполнив этим самым функции преследуемых законами подпольных социалистических организаций и групп»¹⁸. Лучше не скажешь!

Литературные кадры большевистской печати создавались постепенно, их воспитывала принадлежность к революционной партийной организации. В. И. Ленин учил судить о литераторах — сотрудниках рабочей прессы — с политической точки зрения, «не с точки зрения стиля, остроумия, популяризаторского таланта данного писателя, а с точки зрения его направления в целом, с точки зрения того, *что* несет он своим учением в рабочие массы»¹⁹.

Маленькая группа публицистов, ведшая во главе с В. И. Лениным зарубежную газету «Вперед», состояла из 23 человек, ставших позже крупнейшими деятелями партии (в том числе В. В. Воровский, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, В. Д. Бонч-Бруевич и др.). С декабря 1900 по 1907 г. в большевистской печати работали 237 авторов, а к октябрю 1917 г. — свыше 760 редакторов и сотрудников 402 периодических изданий и 44 изданий большевистской профсоюзной печати. По биографическим сведениям, имеющимся о части из них (278 человек), большинство (205) родилось в 70—80-х годах, 57 были рабочими или вышли из рабочих; выходцев из крестьян, очевидно тоже рабочих, — 47. Об остальных 174 нет подобных сведений, но по литератур-

ной профессии (писатели, поэты, ученые) мы можем отнести их к интеллигенции²⁰.

Это — редкая возможность для анализа социальной среды революционной марксистской интеллигенции; как видим, очень значительная ее часть вышла из рабочих и крестьян и большинство получило жизненный опыт и идейно сформировалось в эпоху реакции 80—90-х годов, крушения народнических иллюзий, становления в России марксистской теории об исторической революционной роли рабочего класса.

Литературная жизнь дореволюционной России шла потоком сложных, противоречивых и борющихся течений, которые отражали новую тематику, новые интересы и вкусы, связанные с общественными потребностями современности. Печатное слово было острейшим оружием политических столкновений, кипящей политической борьбы. Размежевание общественно-литературных лагерей на рубеже столетий соответствовало в основном классовому делению общества капиталистической России. Поэтому среда работников литературного цеха не была и не могла быть однородной.

Литература была живым свидетельством того, как новые проблемы воспринимались и разрешались разными социальными слоями. Мужественно выступал Лев Толстой, осуждая русско-японскую войну, с огромной силой клеймя несправедливый строй и палачей народа — царское правительство, покрывшее виселицами Россию («Не могу молчать», 1908 г.). Бесстрашно поднимал голос В. Г. Короленко против расправ с крестьянами, истязаний политических заключенных, военного правосудия, превратившего смертную казнь в «бытовое явление». Набирал силу талант молодого Горького, обнажавшего отвратительный мир «мещан» — мелких собственников и деляческой интеллигенции; как и вся демократическая русская литература, он раскрывал духовное богатство людей из народа и впервые показывал стойкость и оптимизм революционных рабочих.

В то же время существовала продажная реакционная печать, пронизанная циничной социальной демагогией и неуважением к печатному слову, усердно служившая монархическому строю, — «Новое время» А. С. Суворина и другие подобные издания.

Вопрос о долге литературы перед обществом, о «пользе» творчества, о «должном и не должном в искусстве»,

как отмечал А. А. Блок, был «пробным камнем для художника современности». Блок писал: «Нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы»²¹.

В 1905 г. В. И. Ленин поставил перед социал-демократической партией задачу преобразования литературного дела, «испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией». «...Для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела». Он мечтал о «свободной литературе», которую будут привлекать «не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся»²².

Вопрос об общественном долге соединялся в сознании передовых писателей с борьбой за честь литературы, за литературную этику, за честность в своем профессиональном деле. За чистоту рядов деятелей литературы упорно боролись многие писатели XIX в., особенно Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев. Писательские объединения и организации XX в. постоянно стремились установить «суд чести» по делам литературы. В 1916 г. в Московском обществе деятелей периодической печати С. П. Мельгунов резко обличал проявления беспринципности в современном журнальном мире. О разложении, продажности, эксплуататорских основах реакционной печати писал также бывший сотрудник «Нового времени» Н. Снессарев и другие журналисты²³.

В отличие от немногочисленных центров литературной жизни XIX в. в XX в. появилось множество писательских кружков, широко отражавших борьбу разнообразных философских, эстетических, этических позиций, исканий и вкусов своего времени, — от демократических кружков писателей-самоучек до элитарных религиозно-философских собраний Д. С. Мережковского, Общества свободной эстетики В. Я. Брюсова и др. Литературные кружки и собрания прочно входили в быт, привлекая различные группы интеллигенции, превращаясь иногда в подобие общественных клубов. Наиболее известным стал Московский литературно-художественный кружок, утвержденный в феврале 1898 г. В 1901 г. он имел 234 действительных члена (в том числе 86 учредителей). Кружок был задуман как центр, «где бы могли чувствовать себя как

«дома» разбросанные по разным редакциям, театрам, консерваториям, студиям, частным кружкам, меблированным номерам и т. п. лица, представляющие в настоящее время литературу и искусство в Москве», — писал А. И. Сумбатов-Южин²⁴.

Кружок имел хорошую библиотеку. Он предоставлял свой особняк (Б. Дмитровка, 15) под заседания и собрания различных литературных и артистических групп. Так, в 1913—1914 гг. здесь собиралось до 30 обществ и учреждений: Общество свободной эстетики, «Литературная среда», Суриковский кружок, Общество деятелей периодической печати и литературы, комитеты по организации юбилеев «Русских ведомостей», Т. Г. Шевченко, А. А. Яблочкиной и многие другие.

Члены кружка делились на основную группу (почетных членов, действительных и кандидатов в действительные) и членов-соревнователей — из богатой буржуазии, плативших годовой взнос (25 р.); они не пользовались правом голоса, их привлекал игорный зал. Этот контингент, по словам В. В. Вересаева, приносил кружку необходимые средства, платя большие штрафы за ночную игру. К марту 1916 г. кружок объединял 790 человек. Почти половина основной группы — 226 из 464 человек — состояла из литераторов, ученых и журналистов. При кружке существовала комиссия по распределению пособий имени А. П. Чехова. В 1915/16 году она располагала суммой в 4700 р.²⁵

Одним из ранних творческих объединений писателей, выпускавших свои сборники и альманахи, был кружок, основанный в Москве поэтом И. З. Суриковым (1841—1880). В 70—80-х годах XIX в. его участники выпустили несколько сборников. В 1902 г. кружок получил устав под именем «Товарищеского кружка писателей из народа». Членами его были, как правило, крестьяне-самоучки. В 1905—1906 гг. существовало несколько подобных кружков, издававших сборники для читателей из народа, сборники революционной поэзии и т. п. Эти издания обычно преследовались цензурой. Так, сборник «Под красным знаменем» в 1907 г. был уничтожен по постановлению Московской судебной палаты, а его авторы В. Миляев, М. Леонов, Ф. Шкулев отбывали тюремное заключение.

И. А. Белоусов оставил около сорока литературных зарисовок членов Суриковского кружка. Почти у всех биография начиналась с трудового стажа, с мелкой служ-

бы, с попыток издавать газету, тотчас закрываемую цензурой.

Революционная эпоха выдвинула литераторов из рабочего класса. В биографических справках к сборнику «Революционная поэзия» фигурируют более 40 поэтов из рабочих. Некоторые суриковцы участвовали и в рабочей печати. Небольшая часть самоучек пробивалась в литературу — таланты, разбуженные революционной борьбой, подчас неотшлифованные, но своими темами, чувствами и убеждениями выражавшие духовный подъем народных масс. В 1913 г. были изданы «Басни» поэта-большевика Демьяна Бедного, а в следующем году — «Сборник пролетарских писателей»; из его 32 авторов 17 сотрудничали в «Звезде» и «Правде». В предисловии к сборнику М. Горький отмечал «рост интеллектуальных сил пролетариата»²⁶.

Среди творческих кружков, строившихся на основе товарищеской критики и помощи, объединявшихся известным единством литературных взглядов и общественных настроений, выдвинулся кружок, участники которого еще в 80-х годах посещали «субботники» у Д. И. и Е. Н. Тихомировых, известных педагогов и издателей, где писатели могли общаться с широким кругом интеллигенции разных профессий. Возобновленные в 1899 г. «среды» у Н. Д. Телешова привлекли много писателей демократического лагеря — это были М. Горький, Скиталец (С. Г. Петров), А. С. Серафимович, В. В. Вересаев, И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие — весь цвет русского литературного реализма. В 1901—1904 гг. они выпустили пять сборников.

Вскоре кружку «Среда» удалось обеспечить себе независимую издательскую базу — паевое товарищество «Знание». Созданное в 1898 г. сотрудниками книгоиздательства О. Н. Поповой, оно первоначально собиралось издавать популярные и переводные книги по разным отраслям знаний. Горький и К. П. Пятницкий реорганизовали издательство, оно стало выпускать серию сборников, имевших большой успех, выходивших очень крупными для того времени тиражами. Расцвет издательства «Знание» пришелся на 1904—1907 гг., когда появилась почти половина его выпусков. После поражения революции и отъезда Горького в Америку творческое содружество «знаньевцев» распалось, хотя сборники продолжали выходить до 1913 г. (всего вышло 40 выпусков).

Издательский опыт «Знания» был использован и другими писательскими группами, отходившими от демократического направления (альманах «Шиповник», 1907—1917, сборник «Земля», 1908—1917).

Силами участников прежней «Среды» и так называемой «Молодой среды» было создано «Книгоиздательство писателей» в Москве, которое имело свою типографию, издавало массу книг, дешевые серии. Новый альманах «Слово» под редакцией В. В. Вересаева заменил сборники «Знания» (в 1913—1918 гг. вышли 7 выпусков). И «Знание», и «Книгоиздательство писателей» противопоставляли методам капиталистической эксплуатации литературного труда свое отношение к авторам: платили повышенный гонорар, защищали их интересы, отчисляли часть прибылей на нужды культуры — Литературному фонду, женским вузам, Обществу учителей и учительниц, Обществу охраны народного здоровья и т. д.²⁷

От творческих объединений перейдем к другой форме организаций писателей, имевшим целью защиту их авторских прав и материальных интересов. Первое из таких профессиональных объединений возникло еще в 1870 г.

До 1882 г. авторы русских оригинальных пьес оплачивались много хуже, чем привилегированные переводчики иностранных пьес для императорских театров. Цензурный устав 1828 г. вообще обходил права драматургов на оплату их творчества провинциальными театрами. С тех давних времен русская драматургия сильно выросла, но монополия императорских театров держала писателей в кабальном положении. На именах известных драматургов наживались антрепренеры, не неся никакой ответственности за качество своих постановок.

Много сделал А. Н. Островский для защиты прав драматургов, которые, как и он сам, «написавший целый русский театр» (около 40 пьес), обречены были на «беспрерывный и торопливый труд», чтобы хоть количеством возместить невыгодность своей работы. По инициативе 80 учредителей во главе с А. Н. Островским в 1870 г. было создано Общество русских драматических писателей; в 1883 г. к нему присоединились оперные композиторы. Оно взяло на себя защиту авторских прав своих членов, спиравсь на статью 1684 Уложения о наказаниях, воспрещавшую публичные представления без согласия авторов пьес. Задача заключалась практически в учете постановок и в сборе отчислений, причем в первое время

приходилось даже привлекать к суду антрепренеров, не желавших платить. Была создана платная агентура общества, охватившая постепенно все провинциальные частные театры. Наконец, положением 1882 г. было узаконено поспектакльное вознаграждение авторов пьес с валового сбора.

Общество издавало списки своих членов и каталоги их пьес, таким путем реально охраняя их права. Собранные с частных театров отчисления в конце XIX в. составили свыше двух миллионов рублей. Часть средств шла на оплату агентов, на пособия и культурные цели — премии, юбилеи и т. п. В 1878 г. общество имело 180, а в 1914 г. — 1220 членов — авторов, композиторов, либреттистов, переводчиков, включая 334 наследника умерших членов²⁸.

Общество охраняло не только материальные, но и литературные права авторов. Т. Л. Щепкина-Куперник, сделавшая перевод «Сирано де Бержерака» Э. Ростана, обратилась в общество с протестом, когда эту пьесу собирався поставить театр Ф. Корша — под ее именем, но с сильно искаженным текстом. Постановка была запрещена, а на следующий год пьеса пошла в ее переводе²⁹.

В начале столетия из общества выделился Союз драматических и музыкальных писателей, включавший и пишущих на других языках (таких, однако, было очень мало). С 1906 по 1910 г. союз увеличил число своих членов с 228 до 508. В феврале 1906 и в апреле 1907 г. союз созвал два всероссийских съезда драматических и музыкальных писателей. Оба съезда требовали отмены театральной цензуры³⁰.

Иной характер имел Литературный фонд, основанный еще в 1859 г. Это была общественно-благотворительная организация, собиравшая и распределявшая средства для помощи «нуждающимся литераторам и ученым». Фонд не был профессиональной организацией. Его членами могли стать все желающие, уплатившие годовой взнос 10 р., а за единовременный взнос 100 р., получавшие звание пожизненного члена. Многие недостатки фонда, в основном неумение привлечь внимание широкого общества к активной помощи литераторам, вызывали их недовольство. Но все же в глазах общественности он представлял интересы русской литературы. Датский литературный критик Георг Брандес, приглашенный в 1887 г. прочесть лекции в Петербурге, называл Литературный фонд сою-

зом писателей в Петербурге. В правлении фонда перебивали, по выражению Н. И. Кареева, «многие нотабли русской литературы, публицистики и науки», в основном буржуазные либералы. Одной из задач фонда была также организация литературных юбилеев. «Цитадель радикализма, собственник сочинений Надсона», — замечал поэт О. Э. Мандельштам, — фонд «по природе своей был поминальным учреждением. Он читл»³¹.

В 50-летний юбилей Литературного фонда демократическая печать единодушно признала его общественные заслуги, отметив, что он был создан и поддерживался «исключительно усилиями самих же литературных деятелей», их жертвами и трудами. В этом учреждении «русская литература впервые осознала себя как единое целое, спаянное одинаковыми условиями общей профессии, — писал В. П. Кранихфельд. — Здесь впервые получила актуальное признание мысль, что литература — не только творчество, которому могут посвящать свои досуги обеспеченные люди, не только подвиг, на который обрекают себя люди исключительной воли, с полным сознанием приносимой ими жертвы, но что она прежде всего труд, необеспеченность которого требует защиты». Историк А. А. Корнилов выразил надежду, что пособия и пенсии Литературного фонда будут восприниматься не как негласное благодеяние, а как «общественное пособие за свои заслуги по праву», как воспринимается «пенсия за государственную службу»³².

Денежные средства Литературного фонда в XX в. возросли: капитал, образовавшийся из крупных пожертвований и от продажи изданий Фонда, к 1909 г. достигал 700 тыс. р. При нем в 1890 г. была основана касса взаимопомощи, в 1906 г. выделившаяся в самостоятельное учреждение с отделением в Москве. Однако число членов фонда значительно снизилось: в 1883 г. их было 781, а в 1915 г. — 440, причем остались почти одни петербуржцы³³.

Благотворительная помощь литераторам и ученым должна была также украсить фасад монархии: новый царь 13 января 1895 г. ассигновал 50 тыс. р. на ежегодную дотацию, которая распределялась без участия общественности, через администрацию Академии наук*.

---

* По отчету Министерства просвещения, за 1902 г. получили единовременные пособия (в среднем по 50 р.) 253 человека, рассро-

Но этот жест был воспринят как бестактная подачка, брошенная литературной среде: почти накануне, 8 января, писатели обратились к правительству с просьбой о пересмотре законов о печати.

На этом первом открытом политическом выступлении писательской общественности по важнейшему для нее профессиональному вопросу следует остановиться. Автором петиции царю, написанной в нарочито торжественном стиле, каким писались манифесты и рескрипты, был Н. К. Михайловский. В ней заявлялось, что единственная «профессия, стоящая вне правосудия, — это профессия литературная» и что литераторы просят принять русскую литературу под сень закона, «дабы ему лишь подчиненное и от непосредственного воздействия цензуры светской и духовной им же огражденное, русское печатное слово могло, в меру своих сил, послужить славе, величию и благоденствию России». Петицию подписали 78 человек. К ней прилагалась «Записка о пересмотре законов о печати», составленная юристами, историками, литературоведами, обстоятельно критиковавшая законодательство о печати с точки зрения его несоответствия праву: издательское право превращено в привилегию, разрешение на издание приобретает значение концессии, не определены права редакторов, не определены юридические пределы существующих взысканий-предостережений. Произвольно и в личных интересах определяются «вопросы государственной важности», запрещаемые к обсуждению. Наказания по делам печати накладываются в административном порядке, без предварительного расследования, без объяснений и защиты, помимо суда и т. д.

Поданное Николаю II «прошение» в соответствующих инстанциях было признано не заслуживающим внимания, и «уведомление» об этом «ходоку» от писателей профессору В. А. Бильбасову принес городовою. После этого число собранных подписей увеличилось до 114. Но документ был опубликован — в нелегальной печати и в «Кёнигсбергской газете» — только в 1898 г., а в России почти через 10 лет — в 1906 г.³⁴

Говоря об организациях, продолжавших борьбу за свободу печати, надо начать с Союза русских писателей, основанного в конце 1896 г. в форме разрешенного зако-

---

ченные пособия (в среднем по 200 р.) — 87, пенсии имени Николая II (примерно по 400 р.) — 47 человек.

ном Общества взаимопомощи при Русском литературном обществе. Это общество, возникшее в Петербурге еще в 1886 г., было замкнутым кружком, где собирались для чтения свежих новинок. «Никакой спайки между членами не было, — писал П. П. Гнедич, — никаких сборников общество не издавало»³⁵. Особенно непопулярным это общество стало после верноподданнического адреса Николаю II, где самозванно провозгласило себя «центром, объединяющим деятелей русской литературы», что вызвало протест Н. К. Михайловского, М. М. Филиппова и других писателей.

Характерно, что в это же время, в середине 90-х годов, появились статьи Л. А. Тихомирова и В. П. Мещерского, где под видом заботы о материальном обеспечении деятелей печати предлагалось организовать «сословие журналистов» с «надлежащей подготовкой к исполнению обязанностей журналиста». Этот проект правительственной регламентации и вступительного ценза для журналистов, как очевидно реакционный и вредный для «пишущей братии», тогда же осудил К. К. Арсеньев в «Вестнике Европы»³⁶.

Членами Союза взаимопомощи русских писателей могли быть без различия направлений все «заявившие себя трудами в области литературы, науки и периодической печати» и платившие членские взносы (10 р. в год). С 1896 по 1900 г. число его членов выросло вдвое: с 246 до 482. Среди них были не только писатели, но и профессора, адвокаты, педагоги. На выборных постах союза мы видим элиту буржуазно-демократической и либерально-народнической интеллигенции. Общие собрания союза отражали борьбу общественно-литературных направлений того времени. Так, в связи с острой журнальной полемикой в 1897 г. по поводу повести Чехова «Мужики», на которую либеральные народники нападали за критику «народнического понимания желательных порядков русской деревни», кандидатура А. П. Чехова в члены союза прошла только незначительным большинством голосов. Это заставило его воздержаться от вступления в союз³⁷.

Союз писателей немедленно принял на себя защиту профессионального дела литературы. В его устав были введены широкие цели: ходатайствовать о нуждах литературы, созывать деятелей печати и т. д. Решение этих задач поручалось выборным комиссиям. Проектировался

съезд писателей к столетию со дня рождения Пушкина, в 1899 г., но он не был разрешен. Взамен него было организовано общее собрание, начавшееся 10 ноября 1900 г. и посвященное нуждам провинциальной и столичной печати. Было подготовлено до 20 докладов и сообщений, рассчитанных на несколько дней. Среди докладчиков были публицисты, юристы, библиографы, статистики и т. д., в том числе Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, В. В. Беренштам, Д. А. Клеменц, В. П. Кранихфельд, П. Н. Милюков, В. А. Мякотин, Н. А. Рубакин, М. М. Филиппов и др.

Вопрос о защите литературного труда от коммерческой эксплуатации подымался, как мы знаем, в демократической публицистике еще во второй половине XIX в. В Союзе писателей над этим вопросом работала подкомиссия по урегулированию писательского труда. Она предлагала учредить посредническое бюро для разбора экономических конфликтов между издателями и редакторами и их сотрудниками. Ставилась также широкая задача — собрать сведения о существующих в порядке обычного права нормах литературных отношений, чтобы в дальнейшем кодифицировать их.

Особое значение имела юридическая комиссия. В. Г. Короленко возглавлял группу писателей и юристов, которые выработали коллективный доклад «О нуждах печати» (Короленко писал раздел о положении провинциальной печати). Этот доклад был единогласно одобрен общим собранием Союза писателей и 24 апреля 1898 г. представлен министру внутренних дел. Писатели ходатайствовали об ускорении пересмотра законодательства о печати (вопрос об этом уже больше года стоял на очереди в Комитете министров) и о некоторых конкретных мерах, касавшихся бесправного положения периодических изданий³⁸.

Это выступление Союза писателей также не имело практических последствий, но было как бы очередным шагом в борьбе за свободу печати, развернувшейся в 1905 г.

Коллективные выступления писателей, какими бы скромными они ни казались в исторической ретроспективе, становились частью поднимавшегося демократического движения, проходили одновременно с резкими протестами общественности против реакционных газет, реакционных театральных постановок и т. п. Так, 1 декабря

1900 г. юбилейное торжество харьковской газеты «Южный край» вызвало уличную демонстрацию, которая была стекла и бросала камни, крича: «Долой продажную прессу!» Накануне 25-летия «Нового времени» в феврале 1901 г. петербургская полиция разогнала враждебную демонстрацию у здания редакции. В сентябре 1904 г. произошла бурная демонстрация в Кишиневе против редактора газеты «Бессарабец» антисемита Крушевана и т. д.³⁹

Старая мечта писателей-демократов Салтыкова, Елисеева и других о создании организации, охраняющей чистоту писательского коллектива, была как бы реализована в суде чести при Союзе писателей. Суд чести, выбираемый ежегодно в составе семи членов и двух кандидатов, был призван рассматривать конфликты, связанные с вопросами профессионального достоинства писателей, и исключать из союза нарушителей этических норм. «Непременным членом» суда чести был К. К. Арсеньев, постоянно выбирались В. Г. Короленко и В. А. Манасенин, членами были также А. С. Фаминцын, В. Д. Спасович и др. Одним из дел был суд над А. С. Сувориным за его статьи в «Новом времени» в феврале — марте 1899 г., где на студентов взваливалась вся вина за их забастовки. Статьи вызвали бурю негодования в обществе. Однако суд чести не считал возможным судить писателя «за мнения», не признал его статьи «бесчестным поступком» и осудил Суворина лишь за литературные «приемы». Революционно-демократический подход к оценке реакционного мировоззрения был чужд правовым навыкам литераторов либерального лагеря. Этот суд вызвал большие толки в обществе, недовольство в студенческой среде и в широких кругах интеллигенции⁴⁰.

Первый Союз писателей, как ни коротко было его существование, оставил след в культурной жизни. Он принимал участие в чествовании памяти писателей и ученых, в том числе Белинского и Адама Мицкевича, в организации столетнего юбилея со дня рождения актера П. С. Мочалова, заботился о памятниках на могилах писателей. Союз издавал свой «Ежегодник».

Но первое же выступление союза с политическим протестом вызвало в накалявшейся атмосфере предреволюционных лет его немедленное закрытие. Это был протест против зверского избиения казаками студенческой демонстрации на Казанской площади 4 марта 1901 г. Члены Союза писателей, пытавшиеся остановить казаков, были

арестованы, Н. Ф. Анненского избили. Тотчас же было составлено письмо в редакции столичных газет, где описывалась расправа с безоружной толпой, с женщинами и с публикой, «умолявшей прекратить избиение». Возмущенные авторы письма заявляли, что писатели «давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события» и что они делают попытку «хотя бы огласить факт». Однако ни одна газета не напечатала этого письма. Тогда его стали распространять для сбора новых подписей; к 5 марта к первым 46 прибавились 23 подписи.

9 марта 1901 г. общее собрание членов Союза писателей единогласно приняло обращение к министру внутренних дел. В нем был почти дословно использован текст письма. Союз напоминал также Сипягину о своем докладе «О нуждах печати», представленном его предшественнику.

На это обращение, подписанное 155 писателями, министр ответил высылкой из Петербурга членов союза Н. Ф. Анненского, В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова и П. Б. Струве и закрытием Союза взаимопомощи русских писателей. В годы реакции общественное поведение смеленного властью первого Союза писателей облекалось ореолом борца. Союз, писал А. В. Пешехонов, «сам пошел навстречу смерти, когда этого потребовало достоинство печати и ее представителей»⁴¹.

По примеру Союза писателей прогрессивная печать ответила коллективным протестом по поводу расправы полиции и жандармов над демонстрацией петербургских студентов 28 ноября 1904 г. Протест подписали 113 литераторов от имени многих газет и журналов, в том числе «Русского богатства», «Мира божьего», «Образования», «Сына отечества», «Нашей жизни», «Руси», «Права». Но он был опубликован только в зарубежной «Искре» (№ 81)⁴².

Требование свободы печати в конце 1904 — начале 1905 г. превратилось в один из основных лозунгов буржуазно-демократической революции. Правительство было вынуждено обещать пересмотр законов о печати и в феврале 1905 г. создало для этой цели Особое совещание. Это вызвало оживление либеральных иллюзий в части творческой интеллигенции и появление новых записок и заявлений. Среди них были: записка «О нуждах печати» от совещания 14 редакций оппозиционных журналов и

газет (опубликована в газете «Право», 1905, № 6); записка «О свободе печати», составленная академиками А. А. Шахматовым и А. С. Лаппо-Данилевским и принятая общим собранием Академии наук 12 марта 1905 г.; записка, выработанная комиссией Московского литературно-художественного кружка под председательством журналиста В. М. Гольцева и представленная в апреле 1905 г. В этой записке протест против произвола цензуры в области литературы, театра и живописи опирался на тщательно подобранные факты. Записка была издана без названия, на правах рукописи, и разослана в редакции и общественные учреждения (Московский литературно-художественный кружок. М., 1905, 56 с.).

События 1905 г. резко размежевали либеральное и революционно-демократическое направления в мире работников литературы. Политические противоречия привели к выделению из Союза российских писателей, созданного в 1905 г., более радикального Союза журналистов. Начало Союзу писателей было положено на съезде 150 столичных и провинциальных журналистов в Петербурге 3—4 марта 1905 г. Съезд под председательством В. Г. Короленко принял обычные для этого периода резолюции о созыве Учредительного собрания, обеспечении политических свобод, амнистии политическим заключенным, о передаче земли трудящемуся крестьянству и т. п. Однако журналисты социал-демократы (31 человек) покинули съезд и создали устав Союза журналистов-марксистов⁴³.

Идейные разногласия еще ярче обнаружались на делегатском съезде (5—8 апреля 1905 г. в Петербурге), где и был основан Союз писателей. На съезде были 110 представителей газетных и журнальных редакций и литературных организаций и 30 особо приглашенных деятелей. Если по политическим требованиям, достаточно радикальным для того момента (включавшим кроме немедленного созыва Учредительного собрания со всеми демократическими условиями выборов еще избирательное право для женщин, равноправие всех народностей и право на территориальную автономию некоторых из них), и в резолюциях по поводу положения Финляндии, по еврейскому вопросу, по вопросу о языке украинской прессы было достигнуто единство, то по социально-экономическим проблемам — о 8-часовом рабочем дне, по аграрному вопросу — разногласия оказались столь непримиримыми, что

эти вопросы не были включены в платформу создаваемого союза⁴⁴.

Как сообщалось в информации «От бюро Союза российских писателей», 74 делегата апрельского съезда (из 101) образовали Союз российских писателей на основе принятой политической платформы. Центральное бюро союза из 10 членов и 5 кандидатов состояло почти сплошь (за исключением трех членов из провинции) из влиятельных петербургских журналистов — либеральных народников и кадетов (Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, М. М. Винавер, П. Н. Милуков, И. В. Гессен и др.), которые должны были представлять Союз писателей в Союзе союзов. Здесь оно оказалось среди самых пассивных.

Но 27 членов съезда отказались от вступления в Союз российских писателей. По инициативе петербургских журналистов сразу после апрельского съезда началась подготовка организации Союза сотрудников периодических изданий, стоявшего на более демократических позициях. 15 мая 1905 г. общее собрание 120 сотрудников петербургских газет утвердило устав нового союза. Его целью объявлялось поддержание на должной высоте нравственного и духовного уровня сотрудников периодических изданий и защита их материальных и общественных интересов. При этом одной из ближайших целей ставилась «борьба с капиталистическим принципом организации печати, объединяющая деятелей пера со всеми другими тружениками печатного дела». Членами союза могли быть по избранию общего собрания «сотрудники всех периодических изданий, не позорящие себя недостойною литературною деятельностью, как-то: проповедью религиозной или национальной нетерпимости, человеконенавистничеством», и не участвующие в изданиях подобного направления⁴⁵. Такие же союзы появились в Москве, Одессе, Тифлисе, Харькове.

Цензурный режим царизма был опрокинут в 1905 г. не петициями интеллигенции, не юридическими обвинениями, а прямым напором революционных рабочих. В освобождении литературы от цензуры явочным порядком активно участвовали журналисты демократического лагеря. Во время Октябрьской стачки петербургский Союз тружеников печатного дела (журналистов) помогал фактическому высвобождению от цензуры газет и журналов. 30 октября 1905 г. общее собрание журналистов

(свыше 2000 человек) решило распространить свободу печати и на непериодические издания. 31 октября журналисты явились на собрание уполномоченных от 58 петербургских книгоиздательств. Туда же пришли депутаты от Союза рабочих печатного дела, которые требовали, чтобы издательства присоединились к их решению игнорировать цензуру, угрожая издателям активным и пассивным бойкотом. Был учрежден Союз книгоиздателей для борьбы за свободу печати, и решено немедленно «игнорировать действующий цензурный устав», бойкотировать типографии, продолжающие сношения с цензурой, и т. д. Практическими действиями должно было руководить бюро, выбранное журналистами из представителей прогрессивных журналов («Русское богатство», «Мир божий») и книгоиздательств «Труд» (С. А. Скирмунта, поддерживавшего большевиков), «Знание», «Общественная польза», «Право», «Молот» и др. В конце 1905 г. петербургский Союз журналистов имел 220 членов⁴⁶.

Несмотря на завоеванную революцией 1905 г. отмену предварительной цензуры (25 ноября 1905 г. для периодических, а 20 апреля 1906 г. и для непериодических изданий) и отмену административных кар за литературные произведения, фактически преследования не прекращались как в формах судебной процедуры, так и откровенно административными мерами. Ежегодно издавались списки книг, брошюр и номеров периодических изданий, подвергшихся судебным взысканиям. С конца 1905 по апрель 1914 г. количество их превысило 3400 названий⁴⁷.

«Обезвреживание» литературы включало и наказание ее деятелей. С 17 октября 1905 по 1 января 1907 г. были посажены в тюрьмы, подвергнуты штрафам и другим взысканиям 607 редакторов и издателей. За первое полугодие 1907 г. привлечены к ответственности 400 редакторов и авторов, в 1907—1909 гг. осужден 241 редактор и т. д. Особое внимание цензура уделяла большевистской печати: «Звезда» за свои 34 номера в 1910 г. подвергалась 11 раз конфискации и 6 раз штрафам на сумму 2650 р.; «Правда» в 1912—1914 гг. 127 раз подвергалась аресту, 29 раз — штрафу. Редакторы ее непрерывно сидели в тюрьмах. Восемь раз газета закрывалась и возобновлялась под новыми названиями⁴⁸.

Эти факты борьбы русской литературы и публицистики с царской цензурой красноречиво показывают, в каких условиях литературные кадры неотступно выполняли свое

профессиональное дело. Почти всегда цензурная кара падала на смелое, новое, нужное обществу слово. Вспомним историю конфискации романа «Мать» Горького в сборниках «Знание»; несмотря на всемирную славу, переведенный на многие языки, этот роман долго не мог вновь появиться в России.

Журналисты оставались наиболее активной когортой, стремившейся к защите прав литературных работников. В 1907 г. было утверждено в Москве Общество деятелей периодической печати и литературы. Его возглавлял П. Д. Боборыкин, в правление входили Ю. А. Бунин, И. И. Попов, Н. А. Скворцов, А. И. Сумбатов-Южин, И. А. Белоусов. Устав общества имел четкий профессиональный характер, сближавший его с первым Союзом русских писателей. Он определял цели общества: «Объединение деятелей периодической печати и литературы для защиты их профессиональных, этических и материальных интересов»; выработка нормального договора, нормального вознаграждения; создание примирительных камер, бюро справок по спросу и предложению литературного труда; организация касс, клубов, курсов; издательская деятельность; наконец, учреждение суда чести. Председателями суда чести избирались С. А. Муромцев и Ф. А. Головин — председатели разогнанных правительством I и II Государственных дум.

В члены общества не допускались сотрудники монархических изданий. Кроме литераторов общество включало профессоров, адвокатов. В 1915 г. оно насчитывало 553 члена⁴⁹. Почетным членом был избран Горький. С января 1914 по март 1915 г. Московское общество журналистов издавало первый профессиональный орган — «Журналист» (под редакцией В. М. Фриче). Он давал информацию о событиях в мире русской и зарубежной печати, о третейских судах между журналистами, сообщал о преследованиях печати и т. д. Однако первый год журнал имел всего 250 подписчиков, а в 1915-м — всего 80. Профессиональные интересы литературного мира отступили на задний план в годы войны, краха царизма и приближавшейся народной революции. Но именно журналисты в своем большинстве приняли на себя жестокие преследования царской цензуры. Прогрессивная журналистика, подвергавшаяся особо сильным преследованиям царизма, объективно сыграла свою революционную функцию эпохи.

После Октябрьской революции, в августе 1918 г., был организован Всероссийский союз журналистов. В него вступил В. И. Ленин. На Первый съезд союза в Москве 13—16 ноября 1918 г. собралось 106 делегатов, в большинстве коммунисты. Советская печать стала могучей силой социалистического общества. В 1959 г. был создан Союз журналистов СССР, охвативший работников не только печати, но и радиовещания, телевидения и других органов информации. В 1977 г. в нем состояло свыше 63 тыс. членов⁵⁰.

Возвращаясь к дореволюционным попыткам профессионального объединения писателей, отметим деятельность Петербургского литературного общества, созданного в 1907 г. В этот период быстрого расширения разнообразных форм литературного труда насущным вопросом, интересовавшим писателей, стал вопрос о демократической реформе авторского права. Еще в апреле 1895 г. Первый съезд русских деятелей печатного дела призывал Русское литературное общество, Русское музыкальное общество и Общество поощрения художеств включиться в борьбу за новый закон об авторском праве, нормы которого определялись давно устаревшим цензурным уставом. Россия не входила в международный союз защиты авторского права на литературные и художественные произведения (Бернская конвенция 1886 г., дополненная и пересмотренная в 1896 и 1908 гг.), не имела и частных конвенций. Спор о положительных и отрицательных сторонах участия русской литературы в международных конвенциях не раз поднимался в публицистике.

Петербургское литературное общество выступило с критикой законопроекта об авторском праве, внесенного в Государственную думу в 1908 г. Комиссия из видных публицистов и литературоведов опубликовала доклад, отразивший взгляды передовой общественности. Существовавшие длительные сроки посмертного авторского права признавались вредной для национальной культуры монополией. То же мнение обосновал А. Ф. Кони, указав, что в настоящих условиях книги лучших русских писателей недоступны по дороговизне для демократических читателей. Однако закон 20 марта 1910 г. утвердил прежние сроки посмертного авторского права: для писателей — 50 лет, для повременных изданий и альманахов — 25 лет со дня издания, для писем — 50 лет после смерти адресата и т. д.⁵¹

В 1908 г. Петербургское литературное общество приняло участие в съезде представителей печати для чествования 80-летия Л. Н. Толстого. Толстой отказался от юбилея, но собравшиеся литераторы, представлявшие более 30 издательств, все же провели свой съезд (22—25 июня). К. К. Арсеньев сделал доклад об основах литературного суда чести. Попытка поднять вопрос о создании в Петербурге музея имени Толстого не имела практических результатов. Условия ожесточенной политической реакции сделали работу съезда бесцветной, и, как отзывался А. В. Пешехонов, отношения его с полицией были «самые предупредительные»⁵².

Петербургское литературное общество участвовало в созыве второго съезда (22—28 апреля 1910 г. в Петербурге), с тех пор приняв название Всероссийское литературное общество. Правительство сразу исключило из программы съезда писателей вопросы о правовом положении печати. Поэтому проведение съезда в глазах либеральной и народнической публицистики выглядело как компромисс с реакцией и вызывало резкое осуждение. Писатели отказывались от участия в нем, в том числе и Л. Н. Толстой.

Однако на съезд все же записались 317 представителей редакций, обществ и учреждений; посещали его около 180 человек. В докладах обсуждались преимущественно профессиональные литературно-издательские вопросы, было выпущено 10 номеров «Вестника Второго всероссийского съезда писателей»⁵³.

В 1910 г. созданная Петербургским литературным обществом комиссия издала «Проект устава Всероссийского общества писателей», повторявший неоднократно высказанные прежде положения. Но вместо суда чести предлагались обычные законные формы третейского суда, который должен был разбирать конкретные дела: о плагиате, контрафакции, клевете, а также «все противное чести писателя»⁵⁴. Инструкция профессиональному суду Литературного общества обсуждалась еще в марте 1914 г. на чрезвычайном собрании общества под председательством Л. И. Лутугина.

Всероссийское литературное общество готовило также третий съезд писателей, приурочив его к 12 октября 1914 г., к столетию со дня рождения Лермонтова, с обширной программой о нуждах литературы, о правовом положении печати, о литературных организациях, о дра-

матической цензуре, о статистике печати, а также о литературной этике и достоинстве печати. Но перед войной общество было закрыто.

По своему составу Литературное общество было вершущей столичной буржуазно-демократической интеллигенции. Большая часть его членов принадлежала к профессиональным литераторам, но были в нем также адвокаты, историки, литературоведы, некоторые старые революционеры (В. И. Засулич, Н. А. Морозов и др.). К февралю 1914 г. общество насчитывало 518 членов. Оно оставило след в культурной жизни столицы, организовав более 30 публичных заседаний, где читались доклады о Н. П. Огареве, Н. Г. Помяловском, В. М. Гаршине, К. Д. Бальмонте, Ф. К. Сологубе, Л. Н. Андрееве, о символизме и акмеизме, обсуждалась новая книга В. Я. Богучарского (Б. Базилевского) «Активное народничество семидесятых годов»; Л. Н. Клейнборт выступил с темой «Горький и читатель», К. И. Чуковский читал о Джеке Лондоне, П. Е. Щеголев сообщал новые материалы о дуэли и смерти Пушкина⁵⁵.

Много было попыток создания профессиональных литературных объединений, но ни одна не осуществилась. Вдумываясь в причины этого, В. В. Воровский видел их в борьбе идейных и моральных противоречий. «Литературная деятельность, — писал Воровский, — не является простым способом добывания хлеба, как большинство профессий. Даже если сам литератор смотрит на нее исключительно с денежной стороны, она сохраняет, в силу своего громадного общественного значения, все-таки характер идейной деятельности». И поэтому оказывалось невозможным объединение на почве профессиональных, то есть в основном материальных, интересов тех писателей, которые выше этих интересов ставили возможность работать ради своих убеждений, «согласно своему пониманию общественной пользы и вреда», и тех, кто циничной литературной демагогией прикрывал отсутствие политических убеждений, погоню за наживой и карьерой⁵⁶.

Профессиональное объединение деятелей литературы стало возможным только после Октябрьской революции на идейной основе общей борьбы за победу социалистического строя. Союз советских писателей, основанный в 1932 г., имел 2500 членов. В 1980 г. он объединял более 8000 профессионалов всех жанров, в том числе 4318 писателей Российской Федерации⁵⁷.

5. ХУДОЖНИКИ

Формирование художников в профессиональную группу интеллигенции имело в России свои исторические особенности. Это был процесс освобождения творческих сил народа от полукрепостнической организации художественной школы. Академия художеств, созданная в 1758 г., прошла долгий путь от школы-мастерской, готовившей кадры для государственных учреждений, до высшей художественной школы. Рядом с ней возникали и развивались другие, более независимые, выдающиеся рассадники художественного образования.

Как и первые непривилегированные технические учебные заведения, Академия художеств предназначалась для обучения неимущих, разночинцев, «третьего рода людей». Учебная система академии пережила разные этапы. После первого набора учащихся (из московских студентов и солдатских детей) в академии была применена педагогическая система И. И. Бецкого, который 30 лет был ее директором: при академии было основано воспитательное училище, принимавшее мальчиков всякого звания в возрасте 5—6 лет; из них после долгого обучения выходили ремесленники узких художественно-технических специальностей. Эта система не способствовала развитию искусства, хотя в академии выросло несколько крупных талантов и часть из них стала ее преподавателями. В первой половине XIX в. был ликвидирован интернат для малолетних, повышен возраст учащихся и стало возможным расширение общеобразовательной программы. После введения устава 1859 г. обязательная, хотя и элементарная общеобразовательная программа первоначально стала трудным барьером для учащихся. Количество учеников академии за пятилетие (1862—1867) снизилось с 600 до 200, а через 15 лет, к 1883 г., поднялось только до

380 человек¹. Обязательный курс наук постепенно расширялся. Наконец, новый устав 1893 г. преобразовал это профессиональное учебное заведение в высшую художественную школу.

При господствовавшем в крепостническом обществе представлении, что художественные специальности имеют прежде всего практическое назначение, учащиеся художественных школ вербовались преимущественно из низших сословий. В Академию художеств запрещалось принимать детей крепостных, но постоянное подтверждение этого запрета показывает, что он не соблюдался. В XIX в. директор А. Н. Оленин удалил половину учеников, оказавшихся крепостными. Причиной этого кроме соображений сословного неравенства было и то, что художник-крепостной не имел возможности использовать даваемые окончанием курса академии привилегии. Свой аттестат и медали он мог получить только после его освобождения помещиком, то есть не мог реализовать свои профессиональные права. Но в частные школы детей крепостных принимали. Их учил, например, А. Г. Венецианов.

В Арзамасской школе А. В. Ступина, существовавшей с начала XIX в. по 1861 г., из 115 известных нам имен учившихся в ней художников 53 были крепостными или вольноотпущенными². Московское училище живописи и ваяния также принимало крепостных, но брало с помещиков обязательство отпустить на волю художника, заслужившего награды.

В XVIII — первой половине XIX в. выдвинулись крупные таланты из народной среды: архитекторы В. И. Баженов, И. Е. Старов, А. Д. Захаров, А. Н. Воронихин; скульпторы Ф. И. Шубин, М. И. Козловский; живописцы С. Ф. Щедрин, А. П. Лосенко, О. А. Кипренский, Андрей Иванов и многие другие. Художник С. К. Зарянка в 1856 г. отмечал, что доступность Московского училища живописи «ученикам из беднейших сословий» являлась «прекрасным преимуществом училища», «потому что при господствующем в современном обществе взгляде на искусство достаточные родители, которым открыты другие пути к образованию детей, едва ли решатся дать им исключительно художественное образование»³.

«Взгляд на искусство», о котором писал Зарянка, — это очень живучий предрассудок, выражавший презрение к труду. Известный скульптор-медальер граф Ф. П. Тол-

стой вспоминал, какое единодушное осуждение родных и близких вызвало его стремление стать профессиональным художником. «Все говорили, будто бы я унизил себя до такой степени, что наносу бесчестье не только своей фамилии, но и всему дворянскому сословию». Даже в более позднюю эпоху были живы эти крепостнические предрассудки. Так, М. А. Врубель, сын полковника, не мог жениться на девушке из дворянской семьи, где его принимали как равного, «но идти дальше — родниться с ним не могли»⁴.

Когда появился циркуляр министра народного просвещения Делянова об очищении гимназий от «кухаркиных детей» (так окрестила печать этот нежелательный элемент), В. В. Стасов доказывал, что именно из низших слоев народа выходили и будут всегда выходить самые лучшие художники. Он писал: «Все у нас, кто только был получше, все почти без исключения рождались в бедных, несчастных, задавленных нуждой и крайностью семьях», но это «нисколько не мешало проявлению дарований, талантов, иногда гениальности»⁵. Еще как мешало!

Большая тяга к искусству «вольноприходящих людей всякого звания» ярко обнаруживалась, когда им давался свободный доступ к учению. Открытое при Академии художеств в конце XVIII — начале XIX в. рисовальное училище привлекло много народу. Некоторое время в нем учился крепостной В. А. Тропинин, лишь много позже отпущенный на волю. В 70-х годах XIX в. много учащихся посещало бесплатный рисовальный класс при Петербургской бирже, где преподавали ученики Академии художеств. Часть из них пробивалась к дальнейшему учению.

Академия художеств была подчинена чиновникам Министерства двора. Президентами академии с 40-х годов XIX в. неизменно были члены императорской фамилии: зять Николая I герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1843—1852) и его вдова Мария Николаевна (1852—1876), затем сын Александра II — великий князь Владимир (1876—1909) и, наконец, до 1917 г. — его вдова Мария Павловна. Хозяева академии меньше всего ценили самобытные таланты. Нередко вкусы невежественных царей и царедворцев унижали лучших мастеров. Николай I уволил из Академии художеств живописца А. И. Иванова, скульптора С. С. Пименова, архитектора А. А. Ми-

хайлова; художник А. И. Егоров за не понравившиеся царю образа был уволен с выговором и даже со взысканием денег⁶.

Цари бесцеремонно вмешивались в дело присвоения художникам академических званий, понижая или повышая их по своему усмотрению, снимали с экспозиции картины (например, В. Г. Перова, Н. Н. Ге и др.), запрещали их репродукцию, меняли названия. За критику системы образования в академии был в 1878 г. уволен преподаватель истории искусств А. В. Прахов. В 1883 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой угрожал печати карой за «дальнейшие нападки» на академию, и т. д.

Известно враждебное отношение правящих кругов к историческим сериям всемирно признанного В. В. Верещагина. Александр II был «возмущен» картиной «Забывтый» из Туркестанской серии, а туркестанский правитель К. П. Кауфман обозвал художника клеветником. Не выдержав морального давления, Верещагин в припадке нервного пароксизма сжег три картины из этой серии. «Забывтый» был запрещен для репродукции свыше 20 лет. Серия картин «Война 1812 г.» вызвала страшные нападки реакционных кругов, Николай II тормозил ее приобретение для Русского музея и отказался заказать продолжение серии, ее вторую, «русскую» часть⁷.

Как и в других технических учебных заведениях, первоначально предназначавшихся для детей непривилегированных сословий, в Академии художеств существовала поощрительная система, втягивавшая демократическую массу учащихся в систему чиновничьих привилегий. Художественное мастерство оценивалось присуждением медалей разного достоинства, дававших право на звание. Система эта менялась и дополнялась. Сначала успешное окончание академии давало звание художника и первый офицерский чин XIV класса при вступлении на государственную службу. С 1830-х годов были установлены новые звания — некласного и класного художника; последнее давало право на чин, а первое освобождало от податного состояния. С 1859 г. класные художники были разделены на три степени, дававшие право на чины X, XII и XIV классов. Звания академика и профессора Академии художеств давали чины IX и VIII классов и право на личное дворянство. Звания класного художника I-й степени, академика и профессора Академии художеств приравнивались в гражданской службе к ученым степе-

ням лекаря, магистра и доктора. Эти сословные и чиновные градации легко размывались в среде художников, живших не на чиновные оклады, а на трудовой заработок.

В России, превращавшейся в буржуазную страну, национальное искусство быстро развивалось, оно было признано за границей, крупные таланты прокладывали себе путь без всяких казенных званий. Громоздкая бюрократическая машина Академии художеств становилась тормозом в искусстве, символом отсталости. Академия существовала как бы в другом, искусственном мире, мимо которого бесследно проходили глубокие общественные конфликты — падение крепостного права, национальные восстания, завоевательные войны, героическая борьба революционеров против царизма, поднимающееся движение рабочих.

Стоит только представить набор сюжетов, из года в год десятками навязываемых академией своим ученикам, чтобы понять ее омертвляющее действие на искусство. Неизбежными были библейско-евангельские сюжеты. Еще в 1892 г. предлагался «Всемирный потоп», в 1890 г. — «Исцеление хромого апостолом Петром». Репину и Поленову в 1876 г. достался сюжет «Христос воскрешает дочь Иаира», Поленову в 1879 г. — «Блудница перед Христом». Неизбежны были сюжеты из античной мифологии и эпопеи Гомера. В 1881 г. давался тенденциозный аллегорический сюжет «Вулкан приковывает Прометея к скале Кавказа в присутствии Силы и Власти», в 1887 г. — «Старец Приам умоляет Ахиллеса выдать ему тело Гектора» и т. д. Летописно-историческая тематика «обновлялась» такими заданиями, как «Св. Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву» (1881), «Митрополит посвящает Иоанна Грозного в схиму» (1887) и т. д. Отворачиваясь от действительности, от реального, академия насаждала фальшь в понимании искусства как украшения, идеализации и тем самым стандартизации образа.

Задания архитектурных проектов по самой практической сути этой области искусства стояли ближе к нуждам жизни. Кроме обычных проектов частных домов, усадеб, дворцов, соборов, церквей, монастырей, кладбищ и т. п. появляются задания по строительству учебных заведений (иногда вполне конкретных), научно-просветительных учреждений (публичная библиотека для столи-

цы — 1854 г., картинная галерея — 1875 г., музей для художественно-ремесленных произведений со школой при нем — 1878 г., военно-исторический музей — 1896 г.), а также зрелищных предприятий (театральные и концертные здания и залы, выставочные помещения, народный театр и столовая — 1885 г., народный дом — 1898 г. и т. п.). Изменяются проекты административных и общественных зданий: вместо домов губернаторов, дворянских собраний требуются здания городской думы в столице, Государственного совета (1914 г.), Государственной думы (1910 г.) и даже — чрезвычайно характерный для исторической обстановки объект — «зал для народных собраний» (1906 г.). Проекты отзываются на судебную реформу: «здание для гласного судопроизводства» (1864 г.), окружной суд, тюрьмы.

Становятся необходимыми «торговые центры» — базары, рынки, гостинные дворы, торговые дома, а также гостиницы, курорты, биржа с пакгаузами, таможней и гаванью (1860 г.), биржа на площади (1892 г.) и т. д. Живая жизнь общества видна из этих архитектурных заданий. Поэтому в среде художников-архитекторов такого острого конфликта с академической рутинной не было.

Новый устав 1893 г. ввел в Академию художеств некоторые назревшие перемены. Хотя академия неизменно оставалась в ведении Министерства двора, но к административной власти над искусством допускались и художники — действительные члены академии. Профессора получили ранг VI класса, то есть право на потомственное дворянство. Учебная часть отделялась от административной, художественное училище стало высшим учебным заведением. Учащиеся (теперь допускались и женщины) не только должны были иметь среднее образование — это было обязательным еще с 1880 г., — но и обладать известной профессиональной подготовкой. Одни вербовались преимущественно из окончивших академические училища в провинции и Московское училище, а другие должны были держать экзамен по рисованию. С этим расчетом из учебной системы были выключены подготовительные рисовальные классы. Научный курс был ограничен несколькими необходимыми дисциплинами, а главное внимание переносилось на подготовку мастерства художника. Ученики сами выбирали себе мастерскую руководителя. Художники выполняли картину или скульптуру на само-

стоятельно заявленную тему, архитекторы выбирали проект из заданной программы. За принятую работу присуждались звания художника и художника-архитектора, дававшие при поступлении на службу право на чин X класса.

Корифеи передвижников — И. Е. Репин, В. Д. Поленов и другие — теперь принимали горячее участие в реформе Академии художеств. Репин видел настоятельную нужду дать возможность учиться «русской молодежи художников...» Он писал В. В. Стасову: «Разве есть возможность частными средствами удовлетворить эту национальную потребность гиганта-страны?» При всех недостатках и казенном духе академической системы в ней всегда были выдающиеся преподаватели, притягивавшие студентов, создававшие атмосферу товарищеского культурного общения. Сплоченной семьей жили ученики школы-мастерской П. П. Чистякова, открывшейся в 1879 г. П. П. Чистяков постоянно заботился о приискании работы для студентов. С. Т. Коненков вспоминал о «традиционном гостеприимстве Васильевского острова» — обычае, который допускал студентов по субботам посещать квартиры-мастерские профессоров и действительных членов Академии⁸. На такие творческие вечера собирались и у других художников. В доме В. Д. Поленова в Москве в 1884—1892 гг. регулярно сходились молодые живописцы на рисовальные и акварельные вечера. Из мастерских академии выходили талантливые художники, искавшие новые средства выразительности и новые формы искусства.

Еще в крепостной России сложились общественные организации, помогавшие художникам и содействовавшие развитию национального искусства. В 1820 г. было основано в Петербурге Общество поощрения художников (с 1882 г. оно называлось Обществом поощрения художеств). Как полагалось, его опекали члены царского дома. Заслугой общества была посылка «пенсионеров» — способных молодых художников — за границу. Общество помогало А. Г. Венецианову содержать почти всех его учеников, в том числе крестьян и крепостных, отправило в Италию молодого Карла Брюллова, не получившего поддержки в Академии художеств. Оно практиковало и другие разнообразные формы помощи художникам — лотереи, конкурсы на премии, на заказы, на назначение стипендий, выставки, аукционы, а также давало

пособия нуждающимся. К концу 1912 г. общество имело 78 действительных членов и 126 членов-соучастников.

Еще в 1857 г. в ведение Общества поощрения художников перешла промышленно-художественная школа, основанная в 1839 г. министром финансов Е. Ф. Канкриним. В начале XX в. эта школа под руководством Н. К. Рериха, ее директора с 1906 г., преобразилась, сделавшись одним из самых крупных и демократических учебных заведений. В нее принимались студенты, ремесленники, рабочая молодежь, матросы, солдаты, крестьяне. Школа имела пять пригородных отделов, декоративно-малярные мастерские, воскресные классы. В 1911/12 г. в школе учились 855 платных и 188 бесплатных учеников обоего пола, в пригородных отделах — 369, в мастерских — 99. Общее число учащихся превышало 1500⁹.

Московское художественное общество, основанное в 1843 г., состояло из меценатов, которые поддерживали Московское училище живописи и пользовались правом направлять в него учеников по своему выбору и за свой счет. Немноголюдное по составу, это общество в 1895/96 учебном году содержало 63 учеников Московского училища¹⁰. В него входили Мамонтовы, Морозовы, фон Мекки, Третьяковы, Юсуповы и другие московские богачи. На проценты с капитала, пожертвованного П. М. Третьяковым Московскому училищу, лучшие ученики посылались за границу (в том числе С. Т. Коненков в 1896 г.). На средства Третьякова ученики могли совершать и поездки по России.

Следует сказать, что и многие художники бескорыстно помогали товарищам по искусству. Так, А. К. Бегров, академик живописи, пожертвовал 63,9 тыс. р. для помощи бедным художникам, их вдовам и сиротам. В. В. Верещагин щедро раздавал деньги на земские школы, на женские медицинские курсы, на бесплатную музыкальную школу, на рисовальные классы и т. п. А. И. Куинджи дарил Академии художеств и другим учреждениям крупные средства на поощрительные премии художникам. Эти примеры можно умножить.

Среди организаций, поддерживавших развитие искусства, большая роль принадлежала Московскому обществу любителей художеств, основанному в 1860 г. и существовавшему до 1917 г. Его возглавляли известные коллекционеры и искусствоведы. Это был своего рода открытый платный клуб, привлекавший на еженедельные ве-

чера творческую интеллигенцию. Художники могли вместо членского взноса дарить свои произведения — таким путем создавалась постоянная выставка общества, имевшая большое значение в культурной жизни Москвы.

Постоянная экспозиция существовала до 1893 г., а с 1880 до 1913 г. устраивались и периодические выставки. По инициативе общества был созван в Москве первый съезд художников (23 апреля — 1 мая 1894 г.), после передачи городу Третьяковской галереи. Среди его организаторов были В. Д. Поленов, В. Е. Маковский, В. А. Савицкий и другие художники. Съезд должен был напомнить обществу о необходимости поддерживать искусство — этому была посвящена речь Н. Н. Ге, рассказавшего о тяжелой судьбе многих русских художников. Был прочтен доклад «О некоторых новых направлениях в науке об искусстве». Доказывалась необходимость расширения эстетических элементов в общем образовании. Был поставлен вопрос об охране законом гибнущих памятников древнерусского художественного творчества¹¹. Съезд собрал свыше 700 участников, но художников среди них было всего около 30%, и профессиональные вопросы на съезде не поднимались.

Еще в крепостной России ощущалась нужда в художественно-технических школах. Они возникают во второй четверти XIX в. одновременно с первыми училищами, выпускавшими мастеров для развивающихся отраслей промышленности, — Практическим технологическим институтом в Петербурге и Московским техническим училищем. Выше была упомянута промышленно-художественная школа, отданная Обществу поощрения художников. В Москве в 1828 г. была основана школа графа С. Г. Строганова, находившаяся в ведении Министерства финансов и в 1843 г. принятая в казну. Она готовила рисовальщиков для текстильной промышленности, постепенно расширялась и в конце XIX — начале XX в. была преобразована в «императорское» Строгановское центральное художественно-промышленное училище. Это было хорошо поставленное среднеспециальное учебное заведение из двух ступеней: пятиклассная школа 2-го разряда давала звание ученого рисовальщика, а продолжавшие учение в трехклассной школе 1-го разряда выпускались со званием художника по прикладному искусству. Стаж практической работы давал и тем и другим личное почетное гражданство. Училище имело также

художественно-промышленные мастерские, обучавшие подмастерьев, которые после практического стажа приобретали звание мастеров.

Во второй половине 70-х годов подобное учебное заведение было основано в Петербурге бароном А. Л. Штиглицем — Центральное училище технического рисования. Оно готовило «ученых рисовальщиков» для промышленности, а также учителей рисования. В отличие от Строгановского училища училище Штиглица имело меценатский характер — плата за учение была здесь очень низка — 12 р. в год. За время своего существования (по 1914 г.) Строгановское училище выпустило 2057 человек, а училище Штиглица — 301¹².

По другой линии пошло развитие Московского училища живописи и ваяния. С середины XIX в. оно стало вторым выдающимся центром художественной жизни страны, хотя постоянно было ограничиваемо в правах и не допускалось к статусу высшей школы. Начало ему было положено в 1832 г. открытием художественных классов (по почину нескольких художников, в том числе Е. И. Маковского) на средства московских меценатов. Одновременно с оформлением Московского художественного общества в 1843 г. эти классы получили устав Училища живописи и ваяния. В 1866 г. к нему была присоединена старая московская архитектурная школа. Как уже сказано, в училище устойчиво преобладали непривигированные элементы, «беднейшие сословия». Так, за 18 лет (1839—1856) в нем учились 426 человек, из которых 51% составляли дети мещан и цеховых, 16,4% — крестьяне, 10% — из купечества, 12% — из штаб- и обер-офицерских детей и т. д. В 1915/16 учебном году здесь было 512 учащихся (422 мужчины и 90 женщин), среди них 23% из мещан и цеховых, 32,7% из крестьян, 9% из детей чиновников, 5,6% из детей интеллигенции (врачей, учителей, архитекторов и художников)¹³.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества с 1865 г. имело право давать своим ученикам звания неклассного художника и классного художника 3-й степени. Присвоение более высоких званий оставалось прерогативой Академии художеств. Сохраняя известную независимость, училище в 70-х годах заполнило свой преподавательский состав художниками-передвижниками, а во главе его долго стоял В. Г. Перов. С 1871 г. в нем установилось совместное обучение. Число слушателей достигало

300 человек (почти половина на архитектурном отделении), кроме того, насчитывалось до 100 «вольных посетителей» в год. В 1885 г. программа научных дисциплин была сильно расширена¹⁴.

Московское училище воспитало крупнейшие таланты и пользовалось большой популярностью. Но по новому уставу 1896 г. оно подверглось многим ограничениям: из состава слушателей были удалены женщины и «посторонние», научно-методическая часть поставлена в зависимость от Академии художеств; во главе Московского художественного общества был поставлен известный реакционер московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

В 1908 г. директор училища Н. Н. Львов выдвинул проект его реорганизации в высшее, с правами Академии художеств. Этот проект вызвал резкое осуждение художественной общественности. А. Н. Бенуа писал, что училище «сорок лет со времени Перова» давало «все свежее, все выдающееся в области художественного творчества» и будет «сплошной ужас», если оно превратится в учебное заведение для приобретения прав, которые обычно привлекают только лишний балласт слушателей. То же мнение высказал Н. К. Рерих. В. И. Зарубин, секретарь Общества поощрения художеств, назвал диплом академии «жалкой, ничего не стоящей бумажкой», потому что академия, «поглощая уйму денег, никаких мер для обеспечения своих бывших воспитанников не принимает»¹⁵. В 1912 г. началась подготовка к передаче Московского училища из Министерства двора в Министерство торговли и промышленности, то есть к превращению его в среднее специальное учебное заведение промышленного назначения.

В формировании кадров художников большое значение имели также частные художественные школы. У истока таких школ стоит русский самородок А. Г. Венецианов, ставший профессиональным художником и обучивший около 70 учеников, которых он содержал на свой счет.

Из первых частных школ выделяется упомянутая выше школа А. В. Ступина в Арзамасе. Ступин был воспитанником Академии художеств, потом, как многие другие, зарабатывал росписью помещичьих домов и церквей. Из своих учеников он создал школу, которая просуществовала свыше 50 лет. В 1809 г. академия приняла шко-

лу под свое покровительство, а ему дала звание академика, «яко первого заводителя дела еще необыкновенного». В школе Ступина до его смерти в 1861 г. училось свыше 150 человек, из которых получили звания 18, стали учителями рисования 24, а трое завели свои рисовальные школы в Пензе и соседних городах.

Частные школы и школы провинциальных художественных обществ открылись: в 60-х годах — в Одессе, Вильно, Харькове; в 70-х годах — в Тифлисе и Риге; в 90-х годах — в Воронеже, Ростове, Казани, Пензе (в 1897 г. на завещанные пензенским губернатором Н. Д. Селиверстовым 450 тыс. р.); в 1901 г. — в Киеве. Большая их часть находилась в ведении Академии художеств (то есть Министерства двора), остальные субсидировались ею. Эти школы после разных преобразований становились смешанными среднеучебными заведениями с общеобразовательной программой шестиклассного реального училища. Они выпускали учителей рисования и черчения разных градаций. Одесское и Казанское училища имели архитектурные отделения, готовившие к поступлению в академию, а Казанское могло давать звание помощника архитектора¹⁶.

Количество художественных школ, конечно, не исчерпывается этим списком. Были школы художников, например Н. И. Мурашко в Киеве для детей и взрослых, учебные мастерские И. К. Айвазовского в Феодосии (с 1865 г.), Тенишевская студия в Петербурге (1894—1904), школа К. Ф. Юона в Москве (1900—1917), Е. Н. Званцевой в Москве и Петербурге (1899—1916), школа С. Т. Коненкова и В. Н. Машкова в Москве и многие другие, связанные с борьбой различных направлений в русском искусстве. С художественными течениями эпохи были связаны программы Женских курсов высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас, основанных в 1906 г. Все это свидетельствует о большой потребности в художественном и художественно-техническом образовании.

Попытаемся определить, хотя бы очень приблизительно, численность работников изобразительных искусств в России. Конечно, не поддаются учету ни мастера народного творчества, ни художники-любители. Мы можем использовать только один признак — наличие профессионального звания, обычно соединенного с соответствующим обучением, хотя условность его очевидна; за его пределами

останется гораздо больше не имевших звания, не окончивших обучения и самоучек. Основным источником для нас является список русских художников, составленный С. Н. Кондаковым к 150-летию Академии художеств. Выделив лиц, получивших звания, и учитывая дату только первого звания, чтобы избежать повторений, мы распределили их по периодам, соответствующим внутренней истории академии и изменениям ее устава.

Художники, получившие звания за 1767—1914 гг. *

Даты	Звания	Живописцы**	Скульпторы и медальеры**	Архитекторы	Всего**
1767—1830	Художник (с аттестатом)	489	134	257	880
1831—1859	Свободный и неклас- сный, художник	829/14	79	490	1398/14
	Классный художник	139/2	28	140	307/2
1860—1893	Свободный и неклас- сный художник	182/2	19/3	191	392/5
	Классный художник 1, 2 и 3-й степени	320/3	—	310	630/3
1894—1914	Художник	272/23	26/4	255	553/27***
Всего		2231/44	286/7	1643	4160/51

* Юбилейный справочник Академии художеств. 1764—1914. Сост. С. Н. Кондаков. II. Часть биографическая. СПб., [1915].

** В числителе — мужчины, в знаменателе — женщины.

*** Среди них значительное количество выпускников Московского училища живописи, ваяния и зодчества, которое по уставу 1896 г. получило право самостоятельно присуждать звание художника. Только за 1909—1914 гг. училище выпустило: живописцев — 81/4, скульпторов — 4/2 (ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 3, д. 63).

Список Кондакова содержит также лиц, бесспорно принадлежавших к художественным профессиям, но не имевших формальных званий. К ним относились многие выдающиеся деятели искусства.

Даты	Живописцы	Скульпторы	Архитекторы
1767—1759	107/8	15	26
1860—1914	76/7	6	7
Всего	183/15	21	33

Включая их в общие итоги, насчитываем: живописцев — 2438/59, скульпторов — 307/7, архитекторов — 1676, а всего 4421/66. Эти итоги, примерно, соответствуют общему количеству выпускников Академии художеств.

Художников, имеющих звание академика, мы выделяем в особую таблицу. Некоторые из них получили это звание без предварительных ступеней.

Даты	Живописцы	Скульпторы	Архитекторы
1767—1859	304	59/1	241
1860—1914	191	32	137
Всего	495	91/1	378

Художников было мало в России. Но далеко не все труженики этой профессии могли найти себе творческую работу. Художники-педагоги, работавшие в художественных училищах, исчислялись немногими десятками. По повышенным в 1902 г. штатам Академии художеств из 22 профессоров руководители мастерских получали в год по 2400 р., профессора искусств — по 2000 р. Преподаватели (в 1914 г. их было 17) получали от 400 до 2800 р.¹⁷ В провинциальных училищах ведомства Министерства двора (в том числе в Московском училище живописи, ваяния и зодчества) преподаватели художественных предметов получали 1200 р. и квартиру.

Широким спросом пользовались учителя рисования. С 70-х годов рисование было перворазрядным предметом в реальных училищах, преподавалось также в учительских институтах и семинариях, а также в промышленно-

технических средних и низших школах. Квалификация учителей рисования имела градации для средних, высших начальных и низших школ. Получали они меньше, чем преподаватели общеобразовательных предметов, но пользовались служебными правами. Академия художеств имела с 1879 г. особые курсы для педагогической подготовки учителей рисования, но выпускала их очень мало, причем курсы не были обязательными ни для окончивших академию со званием, ни даже для окончивших натурный класс, если они шли на должность учителя. Основную массу учителей готовили академические художественные училища в Казани, Пензе, Одессе и центральные училища технического рисования Штиглица и Строгановское.

В. Э. Борисов-Мусатов, находившийся в крайней нужде, писал в 1904 г.: «Но лучше иметь копию за гроши, чем иметь жалкое положение учителя рисования»¹⁸.

Об оплате учителей рисования можно судить по многочисленным заявкам из провинции в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1900-х годах. В высших начальных училищах предлагался первоначальный оклад 500 р. в год, с такой же пенсией по выслуге 25 лет. В женские гимназии приглашались учительницы на 600—720 р. Учительская семинария в Александровском заводе Забайкальской области предлагала учителю графических искусств 950 р. в год с квартирой, прибавляя, что жизнь недорогая, «служба привилегированная» и т. д.

Провинция предъявляла спрос также на дешевых архитекторов. Минская епархия приглашала православного архитектора на оклад 967 р. Нерчинская каторга предлагала 1600 р. и квартиру; городские управления могли платить 800—720 р., добавляя, что проекты частных построек дадут еще около 800 р. в год. Уездная земская управа хотела иметь техника за 1500 р., и т. д.¹⁹

Какие же средства существования находили художники, не имевшие служебных должностей? Профессия художника в России не была престижной, не обеспечивала средствами даже выдающиеся таланты. Еще в 60-х годах XIX в. И. Н. Крамского волновал вопрос об излишке художников, ненужных обществу и поэтому неспособных прокормить себя. Он объяснял это тем, что зачастую учились искусству люди, ему внутренне чуждые, привлекаемые чинами, привилегиями и т. д., тогда как следует идти в художники только по действительному

призванию. Художник — это «часть нации, свободно и по влечению поставившая себе задачу удовлетворение эстетических потребностей своего народа». С другой стороны, Крамской, вождь передвижников, резко осуждал систему академической выучки, калечащей действительные таланты и истощающей силы молодого художника. В. В. Стасов писал тогда же: «Потребность в искусстве просто ничтожна у нас... надо удивляться, как у наших молодых живописцев хватает мужества и твердости на то, чтобы продолжать свое неблагодарное занятие... — против потока всеобщего холода и апатии»²⁰.

В конце XIX в. вице-президент Академии художеств И. И. Толстой просил увеличить ассигнования на академию, но получил ответ от министра финансов Витте, что «Россия еще не нуждается в искусстве, что нужды академии не так важны, что можно с ними подождать и что есть более важные вопросы». «В правящих кругах русских художников третировали как низших существ», — с горечью вспоминал скульптор И. Я. Гинцбург. Безысходная, «лютая» бедность сопровождала годы учения и молодость очень многих художников. Отец скульптора С. Д. Меркурова предостерегал сына: «Не вздумай стать художником, художники живут на четвертом этаже и их хоронят на общественный счет»²¹.

В 1912 г. на Всероссийском съезде художников отмечалось: «Духовное рабство все еще держит в своих когтях русского художника, и потому для масс, для народа он чужой и недоступный, он лишь или чиновник художественного департамента, или разночинец, многолетняя деятельность которого не дает ему никаких прав и не признается государством»²².

Наиболее доступным для начинающего художника заработком были заказы на церковную живопись. Многие начинали с ремесленного труда в мастерских провинциальных богомазов. Крупные заказы распределяла Академия художеств. Над росписями Казанского, Исаакиевского, Владимирского (в Киеве) соборов, храма Христа Спасителя в Москве, храма «на крови» в Петербурге, над реставрацией древних фресок в Кирилловской церкви и Софийском соборе в Киеве и другими заказами работали крупнейшие художники — В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, М. А. Врубель, Г. Г. Семирадский, И. Н. Крамской, В. И. Суриков и многие другие. К. А. Коровин и В. А. Серов писали картину для церкви при фабрике Третьяко-

вых. В Московское училище живописи поступали заказы на иконы, иконостасы, церковные картины, в том числе для воинских частей.

Религиозная живопись, связанная церковными канонами, не только не удовлетворяла художников-творцов, которые брались за нее из нужды, но и плохо компенсировала их труд. Молодой Врубель во Владимирском соборе зарабатывал 150—200 р. в месяц. Нестеров там же получал примерно по 150 р. за образ для иконостаса. Он всегда боялся, что многие годы, проведенные на подмостках, превратят его в ремесленника²³.

Распространенным источником заработка было также писание портретов. Эта работа давала возможность проявления творческой индивидуальности и зоркости художника. Многие портреты заказывали общественные организации (например, портреты М. Н. Ермоловой и Ф. И. Шаляпина Серов написал для Московского литературно-художественного кружка). П. М. Третьяков систематически заказывал портреты выдающихся писателей, ученых, художников, композиторов. Картина И. Е. Репина «Заседание Государственного совета» — правдивый групповой портрет высшей бюрократии царизма.

Но портретные заказы из богатой буржуазной и аристократической среды, выполняемые для заработка, мешали творческим замыслам. В. В. Верещагин не писал портретов. И. Н. Крамской, заваленный такими заказами и не имевший материальной возможности отказываться от них, с отвращением писал П. М. Третьякову в 1883 г.: «Я себя продаю: кто купит?.. Я только хочу один год художественной жизни, чтобы не быть вынужденным бегать за хлебом, только это»²⁴. Крамской зарабатывал 12 тыс. р. в год, но эта сумма целиком шла на квартиру (200 р. в месяц), учебе детей и пр. и не оставляла возможности отдаться собственной «художественной жизни». Что же сказать о рядовых бедствующих художниках, хватавшихся за любые заказы?

Обычным источником заработка для тех, кто писал по творческим побуждениям, были выставки с входной платой и с продажей картин. Первоначально это была форма учебного конкурса, показа новых ученических работ, но постепенно они стали важнейшей формой интенсивной художественной жизни страны, ареной борьбы за новые направления в искусстве. На выставках демонстри-

ровались картины различных творческих объединений, которых особенно много появилось на рубеже столетий.

Вышедшая в 1863 г. из Академии художеств группа создала Петербургскую артель художников, получившую свой устав в 1865 г. Они поселились вместе, жили бытовой коммуналь, распределяли заказы по артельному принципу. В 1870 г. артель преобразовалась в Товарищество художников передвижных выставок, в которое члены принимались по избраннию. К концу столетия из 60 членов товарищества в нем оставалось 42. На выставки допускались также экспоненты из близких по творческому направлению художников. Товарищество существовало до 1923 г. Передвижники выполнили огромное культурное дело организацией своих выставок в провинции. По подсчету Г. Г. Мясоедова, за 25 лет со времени основания товарищества его члены написали свыше 3500 картин; значительная часть из них была продана на общую сумму свыше миллиона рублей. Продажа ежегодно давала художникам до 60 тыс. р.²⁵

С 1880 до 1913 г. периодические выставки устраивало Московское общество любителей художеств. До появления новейших художественных объединений эти выставки давали возможность выдвинуться молодым талантам, в частности А. Васнецову, Левитану, Головину, Коровину, Серову, Остроухову. Позже их значение снизилось. Так, в 1903 г. на выставке общества было продано картин на 6 тыс., а одновременно на выставке «36» — более чем на 20 тыс.²⁶

На выставках Академии художеств за десятилетие 1884—1894 было представлено более 4000 произведений. Петербургское общество художников в 1893—1896 гг. выставило свыше 800 произведений. Академия и Петербургское общество объединяли представителей так называемого «академического салона». Но с 1897 г. характер выставок Академии художеств изменился: на «весенних выставках» жюри выбиралось теперь самими экспонентами — это дало широкий доступ на них молодым талантам, выросшим в мастерских Репина, Куинджи и других мастеров²⁷.

Устраиваются персональные выставки картин Н. Н. Ге (1871 и 1882 гг.), К. А. Трутовского (1893), юбилейная выставка к столетию со дня рождения К. П. Брюллова (1899). В 1880 г. в Обществе поощрения художеств была выставлена единственная картина — «Лунная ночь

на Днепре» А. И. Куинджи, имевшая огромный успех у многочисленных посетителей.

Новую форму персональных выставок ввел в практику В. В. Верещагин, художник огромной творческой энергии, проповедник идеи о преступности войн. Он устраивал выставки написанных им больших серий картин. Начиная с первой такой выставки в Лондоне в 1873 г. он организовал 66 выставок — 21 в России и 45 в Западной Европе, в США, на Филиппинах и на Кубе, в Японии. Картины его продавались с аукциона, многие были раскуплены за границей, хотя он стремился сохранить целостность своих серий для России. Верещагин много тратил на великолепное оформление своих выставок и устанавливал минимальную входную плату, чтоб сделать их доступными для самых широких слоев. «Едва ли история искусства знает второй подобный пример кипучей деятельности художника по пропаганде своих произведений», — отмечал биограф художника²⁸.

Как использовались произведения художников? Их покупали богатые любители, коллекционеры. Известны крупные частные коллекции, расплывшиеся после смерти их владельцев. Больших художественных музеев в России до конца XIX в. не существовало, кроме великолепного Эрмитажа, собственности русских монархов, где преобладало западноевропейское искусство. Эрмитаж стал доступен более широкому кругу посетителей в 1865 г. В Москве первый художественный музей появился в составе перевезенного из Петербурга в 1862 г. Румянцевского музея, имевшего картинную галерею.

Но в это же время в русской провинции развиваются искусствоведческие кружки, общества любителей изящных искусств (в Одессе, Риге, Киеве, Харькове, Юрьеве), подготовлявшие почву для организации местных художественных музеев. С конца 70-х годов входят в быт выставки произведений местных художников, картин и предметов прикладного искусства частных владельцев. По инициативе и с активной помощью художников создаются художественные музеи, иногда как отделы местных городских музеев. К началу века художественные музеи имелись уже в Риге, Феодосии (картинная галерея Айвазовского, завещанная им городу), Юрьеве, Саратове (Радищевский музей — на основе прекрасной коллекции, собранной художником А. П. Боголюбовым и в 1885 г. переданной им городу), Казани, Нижнем Новгороде (в ре-

ставрированной башне кремля), Пензе, Самаре, Одессе, Киеве, Таганроге. С начала века до 1917 г. открылись музеи в Екатериннодаре, Острогжске, Херсоне, Николаеве, Рязани и других городах, художественные отделы при шести местных музеях и готовилась организация художественных музеев еще в шести городах²⁹.

На этом фоне возрастающего общественного интереса к национальному искусству глубже воспринимается своеобразная роль П. М. Третьякова, его стремление к тому, чтобы сокровища русского искусства стали доступны широким слоям общества. П. М. Третьяков, московский фабрикант, не получивший образования, но глубоко преданный искусству, более 30 лет собирал картины русских художников, пользуясь помощью и советами крупнейших передвижников. Он открыл бесплатный доступ в свою галерею в 1881 г. В 1892 г., после смерти С. М. Третьякова, собиравшего западную живопись и завещавшего ее городу, коллекции обоих братьев вместе с домом галереи были переданы П. М. Третьяковым городу Москве. В это время в Третьяковской галерее имелось около 2000 картин. Посещаемость галереи быстро росла и к 1890 г. превысила 50 тыс. человек, догнав Эрмитаж³⁰.

П. М. Третьяков не только материально поддерживал русское искусство, но и повысил его общественный престиж. Попасть в Третьяковскую галерею стало почетной оценкой творчества художника.

Открытие Русского музея в Петербурге в 1898 г. было ускорено передачей Третьяковской галереи Москве. Александр III покупал картины русских художников, иногда конкурируя с Третьяковым, имея замысел создания национального музея русской живописи. Кроме того, предполагалось создание нового отдела — русской этнографии, который должен был дополнить Этнографический музей народов мира Академии наук, и памятного зала Александра III. На их организацию тогда же были выделены крупные средства, и начато строительство нового здания вместо прежних строений, входивших в ансамбль К. Росси. Этнографический музей открылся только в 1923 г. Художественный отдел Русского музея получил произведения русского искусства из Эрмитажа, из музея Академии художеств и частично из загородных царских дворцов, но в нем долго царила запущенность и его экспозиция была бессистемной, случайной. Лишь в 1909 г. усилиями художника П. И. Нерадовского он стал превра-

щаться в подлинный музей истории русского искусства, начиная от древней иконописи³¹. Накануне Октябрьской революции Русский музей посещало до 200 тыс. человек в год.

Отметим также, что в XX в. накапливались частные коллекции произведений нового западноевропейского искусства (С. И. Щукина и И. А. Морозова), позже обращенные в государственные музеи, и что ознакомлению русского общества с этим искусством способствовали выставки, устраивавшиеся в конце XIX — начале XX в. деятелями «Мира искусства». Нужно также упомянуть об открытии в Москве прекрасного художественно-просветительного Музея изящных искусств (в 1912 г.), первоначально бывшего собранием слепков с памятников античности, средневековья и Возрождения (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). Создание этого музея во многом обязано московскому профессору И. В. Цветаеву, который сумел привлечь к материальной поддержке музея широкую общественность.

Таким образом, произведения русского и в известной степени мирового искусства постепенно становились достоянием все более широких слоев русского общества, хотя нельзя еще сказать — народных масс.

В конце XIX — начале XX в. подъем общей культуры вместе с социально-экономическим развитием страны, модернизация быта, обострение общественных противоречий в области эстетики — все это создавало условия для перелома в творческих формах русской литературы, искусства, театра. Расширялся диапазон художественных специальностей, укреплялся синтез изобразительных искусств с литературой и театром, развивалось искусствоведение. Новые широкие области работы стимулировали творчество художников.

Наряду со станковой живописью блестящий подъем переживала графика. Искусство гравюры, которое в XVIII — XIX вв. использовалось в области книжной графики и репродукции художественных произведений*, а позже было вытеснено различными формами печати, теперь возрождается как самостоятельная форма живописи

---

* В упомянутом справочнике С. Н. Кондакова названы более ста граверов и офортисов, выпущенных Академией художеств до середины XIX в.

си в работах В. В. Матэ, А. П. Остроумовой-Лебедевой и др. С 90-х годов начинается поворот в области художественной книжной иллюстрации, с привлечением к этой работе крупнейших художников. Врубель и другие писали иллюстрации к сочинениям Лермонтова, изданным П. П. Кончаловским в 1891 г.; лучшие художники иллюстрировали юбилейное издание Пушкина 1899 г. Книжная графика высоко поднялась усилиями А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинского, И. Я. Билибина, Г. И. Нарбута, С. В. Чехонина и других художников³².

Пышный расцвет пережило искусство карикатуры, в том числе и политической, в работах Е. Е. Лансере, А. А. Радакова, Н. Э. Радлова, В. Н. Дени, Н. В. Ремизова, Д. С. Моора, В. В. Лебедева и многих других. В 1905 г. художники-сатирики были ведущей силой во множестве бесцензурных сатирических изданий, порожденных революционной эпохой. Молодые художники работали в журналах «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Некоторые из них стали видными сотрудниками советской печати и книжной графики³³.

Театральная декорация еще в начале XIX в. принадлежала к передовым видам изобразительного искусства. Однако широко расцветшее в оперных и балетных постановках, позже оно приобрело помпезный штамп, стало эпигонским. Драматический театр довольствовался стандартными типовыми декорациями. Во второй половине XIX в. декорационная живопись оперно-балетного театра переживала упадок, над ней работали второстепенные мастера. В драматическом реалистическом театре шли поиски новых декорационных решений, развивалось стремление к исторической и бытовой достоверности. Но подготовка специалистов сильно отставала.

В Академии художеств много лет учил декорационному искусству всех желающих из учеников и вольнослушателей, причем безвозмездно, М. А. Шишков, но в 1881 г. число его учеников было урезано до десяти. Хотя художников, способных стать сотворцами режиссерского замысла, было немного, роль их в становлении новых форм театра приобретала все большее значение. В начале 90-х годов Шишков ушел из академии, уведя своих учеников на работу в театр. В конце XIX — начале XX в. насчитывалось около 55 художников профессионалов театрально-декорационного искусства³⁴.

Новая эпоха в развитии декорационной живописи на-

чалась с деятельности Мамонтовского кружка художников, Мамонтовского частного театра в Москве и Художественного театра. К. А. Коровин, А. Я. Головин, Л. С. Бакст, А. Н. Бенуа и другие художники в 1900-х годах сделали театральную живопись явлением мировой культуры.

К концу XIX — началу XX в. относится интенсивный подъем искусствоведения. Появляются журналы «Художественные сокровища России» под редакцией А. Н. Бенуа и «Искусство и художественная промышленность», которым руководил В. В. Стасов. По-новому оценивается художественное значение древней русской иконы и мастерство иконописцев (в числе первых — И. С. Остроухов). Изучается старинное русское зодчество, развиваются реставрационные работы. Заново «открывается» красота и гармония русского классицизма XVIII — начала XIX в.

А. Н. Бенуа, С. К. Маковский, И. Э. Грабарь и другие пишут исторические исследования, критические статьи, биографии, издают журналы «Старые годы», «Аполлон». Появляются издательства, широко знакомящие с произведениями русского и мирового искусства. Отметим скромное издательство при Евгеньевской общине сестер милосердия, существовавшее с 1896 г., а с 1902 г. получившее известную самостоятельность на принципе «без привлечения посредников и капиталистов». Оно ставило задачу популяризации произведений искусства, издавало путеводители по музеям, каталоги выставок, эстампы, виды и памятки Петербурга и т. д., а также почтовые открытки с репродукцией художественных произведений, в том числе художников «Мира искусства». До 1921 г. было издано 6400 таких репродукций тиражом свыше 30 млн. экземпляров³⁵.

В 1912—1913 гг. в Петербурге открылся на частные средства графа В. П. Зубова Институт истории искусств, задуманный как научно-исследовательское и вместе с тем высшее учебное заведение с четырьмя факультетами. В нем читали лекции молодые литераторы и искусствоведы всех специальностей. В первый прием было записано, за недостатком мест, всего 300 слушателей. После Октябрьской революции институт был передан В. П. Зубовым в систему Наркомпроса³⁶.

Уже в XIX в. талантливые художники все глубже осознавали свое профессиональное дело как необходимый

обществу элемент национальной культуры. Выработывался новый тип художника, гордого своим трудом, убежденного в его общественной ценности. Разночинцы сословного общества, художники не склонны были гнущаясь перед прихотями власти и капризами заказчиков.

Одним из первых художников нового типа был К. П. Брюллов. «По существу, только начиная с Брюллова, профессия художника стала пользоваться в России подлинным признанием, уважением, интересом», — пишет Н. М. Молева. Свободный артист, «исполненный чувства собственного достоинства, которое порождалось пониманием того, что искусство так же значительно и велико, как любой вид общественной, политической или научной деятельности», независимо державшийся с царем Николаем I, — в этом выражалось «происходившее в русском искусстве тех лет отделение мастера-исполнителя от мастера-творца»³⁷.

Выход из академии в 1863 г. группы ее учеников, которые, не получив ответа на свою просьбу позволить им свободный выбор сюжета, отказались от участия в конкурсе на большую золотую медаль, вполне соответствовал духу той эпохи. Этот акт, требовавший гражданского мужества, дополняет характеристику нового типа художника чертами гражданственности, борьбы за демократическое искусство.

В 1874 г. В. В. Верещагин публично отказался от присужденного ему академией звания академика (он не имел даже низших званий). Реакционная пресса начала травить его, а цензуре было приказано охранять от порицаний и насмешек Академию художеств. Крамской писал Третьякову, что Верещагин сделал «только то, что мы все знаем, думаем и даже, может быть, желаем; но у нас не хватает смелости, характера, а иногда и честности поступать так же»³⁸.

Необычным было поведение в академии А. И. Куинджи. «Куинджи почитался как академический домовый, — вспоминал С. Т. Коненков, — потому что он всегда в нужный момент оказывался там, где следовало вступить за свободу и независимость студентов, и в отстаивании интересов молодых художников был неукротим»³⁹. Во время конфликта студентов с ректором в феврале 1897 г. Куинджи защищал исключенных студентов и был отстранен от руководства пейзажной мастерской. Своих учеников, покинувших академию, он сам повез за границу.

Скромный и молчаливый В. А. Серов, гордость и совесть русского искусства, не смог оставаться в Академии художеств, президент которой, великий князь Владимир Александрович, командуя Петербургским военным округом, нес ответственность за расстрел рабочих 9 января 1905 г. Серов и Поленов отказались от высшего административного звания действительного члена академии. В начале 1909 г. Серов вышел и из состава профессоров Московского училища, когда его попечитель московский генерал-губернатор С. К. Гершельман не допустил к занятиям в училище талантливого скульптора А. С. Голубкину по формальной причине, но фактически потому, что в 1907 г. она была под судом за активную помощь революционному подполью⁴⁰.

Русское искусство развивалось не только в борьбе с рутинной академических учреждений, но и в поисках новых творческих путей. Передвижники высоко подняли искусство жанра, сумев выразить в нем демократические идеи и эмоции, порой даже сильнее, чем подцензурная литература. Но выростали новые художники, и они находили новые выразительные средства художественного языка. Этапами нового направления стали первые произведения В. А. Серова («Девушка с персиками», «Девушка, освещенная солнцем») для конца 80-х годов, «Демон» М. А. Врубеля для 90-х годов, «Водоем» В. Э. Борисова-Мусатова для 900-х, «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина для следующего десятилетия⁴¹.

Уже в 1890 г. экспоненты передвижных выставок (В. А. Серов, К. А. Коровин, И. И. Левитан, А. Е. Архипов, Л. О. Пастернак и другие) высказали свое недовольство «узкостью требований», «условной рутинной, передвижниками устанавливаемой». Но новому направлению предстояла еще долгая борьба с сопротивлением непонимания. Об этом свидетельствуют трудное начало деятельности К. А. Коровина, постоянная недооценка творчества И. И. Левитана, картина Ф. А. Малявина «Смех», отвергнутая Академией художеств в конкурсе на золотую медаль (получившая затем золотую медаль на Всемирной парижской выставке), и т. д. В 1902 г. роспись церкви в Саратове, сделанная молодыми художниками П. В. Кузнецовым, П. С. Уткиным и К. С. Петровым-Водкиным, отошедшими от ремесленного шаблона, была признана «кощунственной», нехудожественной и безжалостно уничтожена⁴².

Упорное непризнание и недооценку пришлось вынести М. А. Врубелю, картины которого браковали заказчики, Академия художеств (панно для Нижегородской выставки 1896 г.); его картину «Демон поверженный» в 1902 г. не хотел купить комитет Третьяковской галереи. В день похорон Врубеля А. Н. Бенуа писал, что будущие поколения станут оглядываться на последние десятилетия XIX в. как на «эпоху Врубеля»⁴³.

Общественное значение творчества этих новых художников очень велико. Они отражали свою эпоху, окружающий социальный мир и людей своей среды так же остро и по-новому, как когда-то передвижники пореформенную Россию. М. С. Сарьян ставил портреты Серова как художественные произведения рядом с лучшими произведениями Горького, Чехова и других крупнейших писателей современности. В. Я. Брюсов писал: «Портреты Серова почти всегда — суд над современниками, тем более страшный, что мастерство художника делает этот суд безапелляционным». Эти портреты сохранят будущим поколениям «всю безотрадную правду о людях нашего времени»⁴⁴.

Новые художники расширили задачи искусства своим стремлением передать гармоничное совершенство человека. К. С. Петров-Водкин, З. Е. Серебрякова, Ф. А. Малявин, К. Ф. Юон, Б. М. Кустодиев в жизнерадостных, духовно здоровых, полных нравственной силы образах поэтизировали людей из народа. «Культура — защита жизни, — говорил К. А. Коровин, — искусство — прославление жизни»⁴⁵.

С. А. Коровин, С. В. Иванов, Н. А. Касаткин, А. Е. Архипов и другие живописцы расширяли демократические традиции, изображая жизнь крестьян, переселенцев, арестантов, внося новые черты в образы рабочих. Как передвижники, оставившие истории портреты современных писателей, композиторов, ученых, в которых они видели лучшие силы нации (характерно, что Репин отговорил Третьякова заказывать портрет реакционного публициста М. Н. Каткова), так и новые художники создали свою галерею людей русской культуры, включавшую также актеров, певцов, художников, композиторов, — обобщающий образ прогрессивной интеллигенции предреволюционной России.

С конца XIX в. в среде художников стали складываться новые организации и объединения. В 1893 г. Московское товарищество художников объединило талантлив-

вую молодежь, противопоставившую свои выставки «одряхлевшим и развалившимся» передвижникам и выставкам Академии художеств. Затем наиболее значительными творческими объединениями стали «Мир искусства» и Союз русских художников. Художественная жизнь в России начала XX в. была наполнена борьбой вновь возникавших самых разнообразных эстетических направлений⁴⁶.

В. Н. Петров характеризует «Мир искусства» в широком аспекте, как «историю сложного культурно-эстетического движения», захватившего ряд смежных сфер культуры и оказавшего значительное влияние на русскую архитектуру, скульптуру, поэзию, балет и оперный театр, а также на художественную критику и науку об искусстве. «Мир искусства», пишет Н. П. Лапшина, «в огромной степени способствовал поднятию общей художественной культуры во всех областях творчества, и парадоксальным плодом этого было то, что «мирискусников» как художников начали быстро обгонять «новые силы»⁴⁷.

В декабре 1903 г. творческие кружки художников основали Союз художников. За время своего существования (1904—1923) союз объединял 88 членов — художников, скульпторов и архитекторов — и 93 экспонентов, допускаясь на его выставки⁴⁸. Но профессионального объединения у художников не было.

Более интенсивно складывались организационные и профессиональные объединения архитекторов. Уже в 1867 г. возникло Московское архитектурное общество, а в 1871 г. — Петербургское общество архитекторов. Из последнего в 1901 г. выделилось Общество взаимопомощи архитекторов-художников, облегчавшее молодым специалистам поиски работы. В 1904 г. появилось Общество архитекторов-художников из окончивших Академию художеств. Выпускники Института гражданских инженеров, который дал стране немало талантливых строителей, в 1894 г. организовали Общество гражданских инженеров.

В конце 1902 — начале 1903 г. Москва увидела выставку архитектуры и художественной промышленности «нового стиля», где центральное место занимали произведения архитекторов И. А. Фомина, Ф. О. Шехтеля, художников К. А. Коровина и А. Я. Головина, свидетельствовавшие об эстетической близости новых течений живописи и архитектуры. В 1911 г. по инициативе возро-

дившейся группы «Мир искусства» и Комиссии по истории старого Петербурга была устроена выставка исторической архитектуры.

Для начала столетия характерны искания в области современного архитектурного стиля, использования новых форм декоративно-монументального искусства, новой строительной техники. В Петербурге, Москве и других городах строились оригинально выполненные особняки, вокзалы, гостиницы, общественные здания. Архитектурные общества организовали уже три съезда — в 1892, 1895 и 1900 гг., а в 1911 и 1913 гг. — еще два. На эти съезды допускались члены архитектурных обществ, архитекторы и инженеры, представители правительственных и общественных учреждений и ученые, занимавшиеся вопросами гражданского строительства. Участники съездов платили по 10 р., что отчасти показывает материальную обеспеченность этой профессиональной группы. Характерно, что предложенный на первом съезде проект устава кассы взаимовспоможения русских зодчих не был принят.

Съезды происходили в торжественной обстановке, под почетным председательством «августейших» президентов Академии художеств (как и съезды художников). В Москве участникам показывали памятники старинной архитектуры и наиболее значительные образцы современного строительства. На первом «съезде русских зодчих» в Петербурге в декабре 1892 г. присутствовали 219 членов и 44 делегата от 40 учреждений. На втором съезде в Москве в феврале 1895 г. было 363 члена и 123 делегата от 66 учреждений. На пятом съезде в Москве (в декабре 1913 г.), проходившем под председательством выдающегося архитектора-новатора Ф. О. Шехтеля, присутствовали 618 человек. Съезды носили деловой характер, их интересовали вопросы строительной техники, строительного законодательства и т. п. Обсуждалось также отношение к памятникам древнего зодчества и истории⁴⁹.

Каково было общественное лицо передовых представителей художественной интеллигенции? Оно раскрывалось в творчестве лучших художников, осмыслявшем противоречия окружающей их жизни, утверждавшем любовь к человеку и ненависть к угнетателям народа. Некоторые художники близко стояли к практической революционной деятельности — Н. А. Касаткин, С. М. Волнухин, С. В. Иванов и др. А. С. Голубкина была связана с боль-

шевиками, распространяла листовки, вылепила для Московского комитета РСДРП бюст Карла Маркса — первый в России художественный портрет пролетарского вождя. Была связь с революционным подпольем. Так, в Петербурге появилась прокламация «Союза свободных художников», призывавшая принять участие в демонстрации 3 марта 1902 г. В. И. Ленин счел ее «интересной» и поместил в «Искре» (№ 22, 1902) под заголовком «Художники в борьбе за свободу».

Однако в революционном 1905 году художники не смогли выступить как сплоченная организация, хотя отдельные группы и пытались заявить о своих взглядах. Политическое сознание массы художников отставало от темпа революционных событий. В канун нового 1905 года группа членов Союза русских художников осудила «попечительный гнет» над искусством (это прямо относилось к Академии художеств) и присоединилась к робким земским резолюциям⁵⁰. Художники, члены Московского литературно-художественного кружка, наравне с представителями литературы и театра, а также историками и юристами участвовали в комиссии, составившей в феврале — апреле 1905 г. записку — протест против действий цензуры. Раздел записки, касавшийся произвола цензуры в области живописи, фактов запрещения и снятия картин, был подписан И. С. Остроуховым и В. А. Серовым.

В газете «Право» 8 мая 1905 г. появилось заявление, подписанное 113 деятелями изобразительных искусств. Они указывали на «опасность» затягивания политических реформ и присоединяли свой «горячий голос к общему хору» «искренней, мужественной интеллигенции», за обновление государственного строя и созыв народного представительства. Это было в дни, когда уже прошли съезды ведущих демократических групп интеллигенции и формировался Союз союзов. Но только в ноябре 1905 г. был поставлен вопрос о необходимости организации Всероссийского союза «деятелей изящных искусств» во имя общих профессиональных интересов и «интересов того искусства, которому каждый служит». Такое заявление за подписью более 50 деятелей культуры появилось в «Русском слове» 12 ноября 1905 г. Вопрос этот продолжал дебатироваться в Московском литературном кружке еще весной 1906 г.⁵¹

4 декабря 1905 г., то есть накануне вооруженного восстания рабочих в Москве, в разгар революционных собы-

тий, петербургские художники заявили об организации всероссийского профессионально-политического Союза художников. Фактически этим дело ограничилось, хотя номинально союз тогда же был принят в Петербургский отдел Союза союзов.

Общественные стремления передовой части художников выясняются в их декларации о целях и задачах союза. Стоя на общей платформе тогдашних буржуазно-либеральных организаций интеллигенции, требовавших созыва Учредительного собрания, союз выдвигал и профессиональную программу. В ней провозглашалась борьба за полную свободу искусства и превращение его в достояние всего народа. Она касалась прежде всего художественного образования — требовала его децентрализации, всеобщего обязательного обучения графической грамоте, автономного устройства художественных школ за счет государства, освобождения искусства от бюрократического и цензурного гнета. Программа выражала также протест против монопольного положения Академии художеств, требовала ее демократизации, предлагала учредить в ней выборный совет из представителей всех художественных обществ и союзов и ликвидировать привилегии, связанные с академическим дипломом. Предлагалось превратить академию в высший художественный центр, ведающий всеми государственными мероприятиями по постройке монументов, храмов, художественных зданий и т. д.⁵²

Однако профессиональное объединение художников так и не возникло ни в 1905—1906 гг., ни позже, отчасти из-за индивидуальных условий работы, а также вследствие постоянной зависимости художников от любительских обществ. На II съезде художников были поставлены доклады М. Г. Малышева об их ущербном правовом положении, материальной неустроенности и о полном равнодушии Академии художеств к судьбам своих воспитанников. Но остается фактом, что художники не имели «ни пенсионной, ни ссудо-сберегательной, ни страховой и никакой другой организации»⁵³.

Второй всероссийский съезд художников и любителей состоялся в Петербурге 27 декабря 1911—14 января 1912 г. В нем участвовали 1200 человек, среди них представители 77 учреждений и организаций (в том числе от 30 организаций художников). Среди занятий его восьми секций отметим вопросы об архитектурном и художе-

ственном облике городов (одновременно этой проблемой занимались и съезды архитекторов) и о необходимости охраны художественной старины. Художники требовали обязательного привлечения их к участию в работе городских управлений по художественному убранству городов. Признавалось желательным возрождение монументальной скульптуры. Ставился вопрос о представительстве от профессиональных художников в Государственной думе для внесения соответствующих законопроектов.

Говорилось также о необходимости расширения сети художественных школ, повышения уровня эстетического развития общества — охвата провинции передвижными выставками, привлечения квалифицированных сил к руководству провинциальными музеями. Особенно отмечалась неполноценность образования, которое получали художники, необходимость для них хорошо знать и лично видеть все богатство русского искусства, общаться с историками, археологами, пользоваться специально издаваемой искусствоведческой литературой и т. д. Съезд утвердил наконец основные положения устава Всероссийского союза взаимопомощи и взаимозащиты русских художников.

Так передовая художественная общественность выразила свое понимание задач развития своего профессионального дела — повышения национальной культуры.

Октябрьская революция изменила положение художников в нашей стране. Их трудом и творчеством перестали располагать собственники и частные заказчики. Наследие искусства стало доступным для народных масс. Расцвела монументальная живопись и скульптура. Новые творения запечатлели революционную тематику, жизнь и труд народа, внесли огромный вклад в воспитание общества. Художники и архитекторы создали свои профессиональные творческие союзы. В них состоят, по избранию, около половины профессиональных работников искусств. В 1977 г. в Союзе художников СССР насчитывалось более 15 тыс. членов.

6. АКТЕРЫ. МУЗЫКАНТЫ

История профессионального театра в России, развитие театрального искусства как части национальной культуры, жизнь и творчество многочисленных талантливых деятелей сцены хорошо исследованы в нашей литературе. В этой широкой области мы выделяем вопросы, касающиеся работников сцены как профессионального слоя, — их рекрутирование, социальное, правовое и материальное положение, профессиональную подготовку, условия труда, общественные и профессиональные связи.

Работники сцены, первоначально попросту ремесленники развлекательных профессий, смогли подняться до уровня представителей высокого искусства человековедения, воспитателей человеческих общественных эмоций. Мы попытаемся проследить постепенный, начавшийся еще в прошлом столетии процесс формирования деятелей сцены в профессиональную группу интеллигенции.

При возникновении театра в России содержавший его царский двор мало ценил национальные традиции. Основные средства тратились на иностранные труппы, обслуживавшие узкую верхушку общества. Для них и для гастролеров позже было предназначено специальное здание (Михайловский театр в Петербурге). Одним из первых театров с русской труппой был Общедоступный Российский театр в Петербурге, где с 1756 г. выступала ярославская труппа, выращенная замечательным самородком сценического искусства Ф. Г. Волковым. В 1767 г. драматическая труппа Российского театра включала 12 актеров и 7 актрис. Директором и ведущим драматургом театра был А. П. Сумароков.

Оказавшись в ведении придворной конторы, Российский театр занял последнее место по числу актеров и по бюджетным средствам — после итальянской оперы,

французского театра, придворного балета и придворных музыкантов. Пренебрежительная недооценка русского драматического театра и исключительное внимание к пышным зрелищным постановкам балетных и оперных спектаклей стали постоянной тенденцией почти до конца XIX в. Школа, основанная в Петербурге в 1738 г. и обучавшая малолетних детей «подлого звания» балетному искусству (с 1783 г. здесь учили также декламации, музыке и «акции»), выпускала пополнения для театральных трупп, примерно по три человека в год. Артистов балета готовила также Московская театральная школа, основанная в 1809 г.; детей, неспособных к балету, там обучали другим видам театрального дела, даже декорационной живописи, и поощряли их наградами при выпуске¹.

В 1829 г. в Петербургском театральном училище подготовка артистов для драмы, оперы и оркестра была обособлена от балета. Это было шагом вперед, хотя общеобразовательная часть здесь была поставлена очень плохо. Заведовавшие театральными школами чиновники плохо разбирались в способностях учеников. Знаменитая В. Н. Асенкова не сразу была допущена к выпуску «за неспособностью» (1829). А. Е. Мартынова первоначально учили театральной живописи, а П. В. Васильев в 1850 г. был выпущен из Московского театрального училища фигурантом в балетную труппу. Таких примеров немало.

В начале XIX в. русский драматический театр еще стоял по своему положению в дворянском обществе на низкой ступени. Дворянам, знавшим французский язык, писал Ф. Вигель, «было бы стыдно, если б их увидели в русском театре, он был оставлен толпе приезжих помещиков, купцов и разночинцев»².

Но потребность в русском театре существовала, и ее удовлетворяли крепостные театры. Со второй половины XVIII до 40-х годов XIX в. в России одновременно работало свыше 170 таких театров. Это были не только театры в усадьбах богатых помещиков. По сведениям, сохранившимся о 155 крепостных театрах, две трети из них были доходными предприятиями городского типа, причем больше всего их было в столицах: 53 в Москве и 27 в Петербурге. В Казани, когда там открылся университет, помещик П. П. Есипов выстроил доходный театр, где играли 6 его крепостных актеров, специально обученных в Петербурге, и 4 наемных актера. Подобные

коммерческие заведения имелись в Нижнем Новгороде и Орле³.

В 40-х годах XIX в. крепостной театр был вытеснен новыми императорскими театрами в столицах и частной антрепризой в провинции. Но для развития русского театра, несомненно, имели большое значение остатки крепостных трупп, в которых проявлялись артистические таланты народа. Крепостные актеры обладали и некоторой специальной подготовкой, иногда полученной от профессиональных актеров. Их охотно покупали и целыми труппами, и «поодиночке» администрация императорских театров и провинциальные антрепренеры. С 1828 г. покупка крепостных для императорских театров была отменена⁴.

Бывшие крепостные актеры и их дети составляли известную часть актерских кадров почти до конца XIX в. Дочерью крепостной актрисы была Надежда Михайловна Медведева, обучившая многих крупных актеров. Приемной дочерью крепостной певицы была Пелагея Стрепетова. Из крепостных были Л. П. Косицкая, для которой А. Н. Островский написал роль Катерины в «Грозе», М. Г. Ленская и ее брат П. Г. Протасов, прослуживший на сцене 50 лет (умер в 1905 г.); Е. А. Иванова, купленная антрепренером у матери И. С. Тургенева, выступала в почти столетнем возрасте (1900 г.) в водевиле «Бедовая бабушка»⁵.

Общее представление о составе императорских трупп дают биографические сведения о выпускниках Петербургского театрального училища. До 1783 г. происхождение учащихся не фиксировалось, потому что «лицедейство считалось самым позорным занятием» и абсолютное большинство воспитанников было крепостными. Но за период с конца XVIII до начала XX в. 732 выпускника, о которых имеются данные, распределяются по происхождению следующим образом (таблица на с. 181).

Мы видим здесь прежде всего неимущую среду, связанную с обслуживанием двора. Ближе к концу XIX в. в школу отдают детей более высокие категории: режиссеры, педагоги Театрального училища, балетмейстеры, композиторы.

«Низкое» происхождение актеров (из крепостных, из податных сословий) играло решающую роль в определении их служебных прав и «окладов». С 1817 г. все артисты и «служители» театрального ведомства долж-

**Происхождение выпускников
Петербургского театрального училища ***

	Мужчины	Женщины	Всего	В % к общему числу
Дети				
артистэв	61	132	193	26,7
мещан	53	106	159	21,6
чиновников	33	82	115	15,6
рабочих и крестьян	38	55	93	12,6
незаконно- рожденные	71	101	172	23,5
Всего . . .	256	476	732	100,0

* 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. Материалы по истории русского балета, т. II. Л., 1939.

ны были числиться «единственно при императорской службе», то есть они исключались из податных сословий. Но за это они обязывались выслужить при театре не менее 10 лет под угрозой обращения их «в первобытное состояние».

В глазах начальства любой актер был человеком низшего сословия. За сценические заслуги актеры могли награждаться только медалями, как непривилегированное сословие. Ордена им давались не за сценическую, а за административную или педагогическую деятельность. Если они имели ордена до поступления на сцену, то обязывались их не надевать. Артисты первого разряда могли на общих основаниях просить о причислении их после 10 лет «беспорочной и усердной службы» к сословию личных, а после 15 лет такой службы — потомственных почетных граждан. В 1907 г., однако, в этом было отказано Ф. И. Шаляпину. Но было у актера и реальное право — на пенсию по выслуге лет, как у каждого государственного чиновника, и надежда на эту пенсию заставляла его покорно тянуть свою ляжку⁶.

Оклады артистам императорских театров назначались по званию, полученному при выпуске из театральной школы. «Место, указанное артисту при выпуске, — вспоминала балерина Е. О. Вазем, — закреплялось на всю его службу. В виде исключения солистки (то есть

первые танцовщицы) могли попасть в балерины. Но корифеи и корифейки, танцовщики первого ряда кордебалета и кордебалет были обречены на свое амплуа навсегда». Фигурант, писал П. А. Каратыгин, «как автомат, осужден допрыгивать свой век, при всевозможных лишениях, до скудного своего пенсионера».

Первоклассный русский балет, неотъемлемый элемент «барской культуры», держался на труде полуграмотных, полуголодных людей. Некоторые директора балетного училища в крепостное время были всерьез убеждены, что лучшая карьера для танцовщицы — пойти на содержание. Сословный предрассудок против актерской профессии глубокими корнями уходил в крепостной строй. В 1810 г. Академия художеств отказала актеру-живописцу в звании академика, найдя, что «неприлично быть актеру членом академии и не было такого примера»⁷.

Актрисы должны были оставлять сцену, выходя замуж за офицера. Поступление на сцену сопровождалось тяжелыми семейными конфликтами. В. Н. Давыдов взял себе это чужое имя, так как его отец, отставной полковник Н. Горелов, был полон негодования, что его фамилия появится на афишах. Крепостнический предрассудок прочно держался и в дворянских, и в мещанских кругах капиталистической России. Если не говорить о знаменитостях, писал Н. И. Собольчиков-Самарин, в глазах огромного большинства «общества» и сытых благополучных обывателей человек, посвятивший себя сцене, стоял на низшей ступени падения. «Разве можно было пригласить «отщепенца» в приличный «благородный» семейный дом? Никогда». Его приглашали в ресторан, на вечеринку, но не как равноправного, не как гостя, а как развлекателя. Аристократические круги, чуждавшиеся трудовой интеллигенции, переносили это отношение и на художественную интеллигенцию. Даже в XX в. директор императорских театров В. А. Теляковский писал: «На артистов, художников и музыкантов начали смотреть как на докторов, священников, инженеров или начальников станций, которые случайно могут быть иногда и полезны, но по миновении в этих лицах надобности и уплаты соответствующего гонорара двери знатных домов для них остаются закрытыми»⁸.

С развитием национальной культуры, и особенно ее демократических элементов, с появлением в русской

драматургии пьес Грибоедова, Гоголя, Островского, с огромным подъемом интереса к театру, который вызвали статьи Белинского, Герцена, русское драматическое искусство также встало на новую дорогу. Театр стал своеобразной ареной общественной борьбы, выражая своими средствами настроения, переживания, идейные искания передового общества. В творчестве великих актеров М. С. Щепкина, А. Е. Мартынова, П. В. Васильева пробили дорогу принципы естественности, правды, внимания к духовной жизни простого человека. Появляется новое отношение общества к актеру — деятелю духовной культуры. Передовые актеры органически сливаются со средой литературной интеллигенции.

Небывалой, противоречащей всему крепостному быту становится прижизненная слава А. Е. Мартынова. Он внес в репертуар Александринского театра (который до того было принято считать театром плохого вкуса, для необразованной публики) пьесы Островского, Тургенева, Писемского, Сухово-Кобылина. На его гастролях в Москве еще в 1846 г. публика осыпала сцену букетами, а сам он впервые в истории казенного театра получил драгоценный подарок от зрителей — не от царя. Больного Мартынова перед отъездом его за границу в 1859 г. с энтузиазмом чествовали петербургские писатели; Тургенев и Салтыков увенчали его лавровым венком. Островский благодарил актера за то, что он помогает писателям «отстаивать самостоятельность русской сцены». Умершего Мартынова с почетом везли через всю Россию и торжественно хоронили⁹.

Новым отношением к театру в переломный период развития русской культуры можно объяснить большой прилив сил к актерской профессии, начавшийся в 70-х годах. На характере этого своеобразного массового движения «на театральные подмостки» стоит остановиться. Современники оценивали его большей частью отрицательно, связывая с ним падение профессионального уровня актерского мастерства. Театральный деятель Д. Д. Коровяков объяснял этот поток изменением общественно-бытовых условий в России после падения крепостного права и обострением борьбы за существование. Актерский путь, по его мнению, казался людям наиболее легким, не требующим предварительного труда, и на него ринулись все неудачники, вся толпа дилетантствующей «квазинтеллигенции», недоучившихся, невежественных

людей. А. Н. Островский также низко ценил провинциальные труппы 80-х годов. Сравнивая их с немногочисленными труппами дореформенного периода, он резко осуждал, за малым исключением, провинциальных актеров, как «сброд всякого праздного народа», ищущий на сцене «последнего прибежища», «рая для лентяев и тунеядцев». Еще резче отзывался Б. А. Горин-Горяинов. «Сцена для буйных недорослей из дворян являлась своего рода отдушиной, — писал этот выдающийся актер. — Она служила одним из средств проявить себя»¹⁰.

Суровые отзывы, понятные в устах современников, болевших душой за театр, содержали немало горькой правды: в 70-х годах сцену захлестнула мода на оперетту, широко распахнувшую двери театров для «дилетантского нашествия» и сильно понизившую уровень сцены. Но все же нельзя не видеть, что в основе прилива новых, пусть неквалифицированных, сил в театр лежал подъем культурных потребностей разных слоев пореформенного общества. Не только экономическая неустроенность и надежда на легкую жизнь гнали людей в актеры. Начиная утверждаться и новое отношение к театру, взгляд на актера как представителя благородной профессии, профессии интеллектуального труда. Это новое самосознание актера отразилось в образах, созданных Островским, Чеховым.

Что влекло актеров в провинциальный театр? Даже тех, кто учился в театральные казенные школы и, казалось бы, имел в перспективе некоторое благополучие в качестве артиста императорских театров?

Дело в том, что императорские театры, оставлявшие для себя молодых актеров, не давали им возможности творческого развития. В переполненных труппах, в полной власти бюрократической машины, управлявшей театром, в обстановке конкуренции и зачастую завистливых интриг молодой актер мог годами дожидаться подходящей роли, талант его растрачивался впустую. Такие актеры, как М. И. Писарев, П. А. Стрепетова, В. Ф. Комиссаржевская и многие другие, не могли добиться ролей, соответствующих их творческим данным. Великий актер К. А. Варламов, сорок лет служивший в Александринке, безжалостно эксплуатировался в ничтожных пьесах. В провинции же молодые актеры прежде всего получали возможность много играть, обогащаться на практике, на примере хороших гастролеров, под руко-

водством опытных режиссеров — профессии, впервые приобретающей творческий характер в лице немногих преданных театральному делу антрепренеров.

И вовсе не «рай для тунеядцев» сулил театр новым пришельцам, а голодную бродячую жизнь, наполненную непрерывным трудом за кусок хлеба. Описаниями бедствий провинциальных трупп полны мемуары актеров. Среди этих, казалось бы, невыносимых страданий и унижений выковывались стойкие характеры актеров-труженников, всю жизнь отдававших театру. Без массы «плохих», «рутинных» актеров не могли бы существовать провинциальные театры. Эти актеры проторили дорогу для более профессионально подготовленных и образованных элементов и внесли свою долю в преобразование разноликой и разрозненной массы актеров в одну из групп профессиональной интеллигенции.

Путь в театр для мальчишки, увлеченного увиденной труппой, шел обычно через роли статистов в балаганах, на открытых сценах и т. д. Затем он находил антрепренера-работодателя, эксплуатировавшего его за гроши. И. Н. Перестягани приравнивал судьбу актера к положению ломовой лошади. «Хочешь быть сытым, одетым? — трудись. А перспектив никаких», — писал он. — «Провинциальные актеры тянули свою лямку годами, переезжая из города в город каждый сезон. Невозможно сосчитать, сколько талантливых, даровитых людей погибло так, работая без отдыха из-за хлеба насущного, теряя день ото дня увлечение работой, становясь «полезностями» (термин для квалификации третьестепенных актеров), «актерами с репертуаром», застывшими в рамках «любовников», «фатов», «комиков», «резонеров» и т. д. Правда, бывали среди них счастливы, удерживавшиеся по несколько сезонов в таких крупных городах, как Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Одесса, где не было такой гонки новых пьес»¹¹.

Что представляли собой провинциальные театры в России? Здесь существовали разнообразные условия для работы актеров и различные типы организации театрального дела. По расчетам драматурга А. И. Пальма, в 70-х годах среди провинциальных театров были крупные (их было около 10%), с валовым сбором до 10—15 тыс. р. в месяц. В них играли большие труппы, по 50 и более человек. В средних театрах, дававших минимальный валовой сбор — 4 тыс. р. в месяц, работали

труппы по 30—40 человек (таких было до 30%). Остальные 60% театров — это амбары, саран, экзерциргаузы, превращенные в «храм муз» и сдававшиеся задешево в аренду городскими думами. В 1893 г. среди 127 провинциальных городских театров было 6 оперных, 24 опереточных и 97 драматических¹².

В 1899 г. провинциальный актер мог найти себе работу в 2134 «увеселительных заведениях» России. Среди них было всего 216 театров, из которых 189 в Европейской России, 32 концертных зала, 42 цирка, 768 клубов, 248 драматических, литературных, музыкальных, певческих и иных обществ, 266 военных и 4 морских собраний, 192 садовые эстрады и т. д.¹³

Особое место занимали, конечно, театры нескольких крупных городов, где театральные здания были выстроены городскими управлениями, заботившимися о культурном облике своего города и сдававшими их, часто на льготных условиях, надежным антрепренерам. Контроль над антрепризой поручался комиссии городской думы, которая ставила требования, обеспечивавшие наибольшую посещаемость театра.

Одним из лучших считался театр в Казани, где играли многие великие русские артисты. Здесь начальство относилось к труппе предупредительно, на спектаклях присутствовали представители власти и ректор университета — все «завязтые театралы». За кулисами для них было устроено отдельное фойе: антрепренер П. М. Медведев поощрял общение актеров с людьми другого круга как хорошее средство их культурного воспитания¹⁴. Требовательная театральная публика была и в Саратове, где также имелся хороший городской театр. Драматическая и оперная труппы делили свой сезон между этими двумя городами.

Великолепный городской театр Одессы держал на годовом жалованье оркестр и оперный хор, участвовавшие в спектаклях антрепризы. Постоянный русский оперный театр был построен в 1867 г. в Киеве. Он ставил новые русские оперы, одним из первых в провинции в декабре 1884 г. поставил «Евгения Онегина». Взыскательные зрители имелись также в Нижнем Новгороде, Харькове, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Тифлисе и других городах, где выросли новые и новые театры.

Главная роль в организации и развитии провинциальной сцены принадлежала театральным антрепризам,

Кроме множества антрепренеров — эксплуататоров коммерческого типа, не оставивших следа в жизни театра, были энтузиасты сценического искусства, способные к педагогической и режиссерской творческой работе. Назовем К. Н. Алябьева (1857—1930), образованного купца, создавшего кружок любителей театра, под псевдонимом Незлобина державшего антрепризу в Вильне, Риге, Москве и других городах. Известен антрепренер-самоучка М. М. Бородай, фанатически преданный театру. Он руководил товариществом актеров, работавших в Казани, Саратове, Харькове, Екатеринославе. Антрепризы М. Л. Кропивницкого, М. П. Старицкого, П. К. Саксаганского, И. К. Карпенко-Карого, М. К. Садовского из любительских кружков создали национальный украинский реалистический театр, выступавший, несмотря на преследование украинского языка, по всей России, на Кавказе, в Прибалтике.

Многие антрепризы были творческой школой для начинающих актеров и центрами развития режиссуры. В 50—60-х годах XIX в. славилась постоянная труппа актера и режиссера Н. К. Милославского (Фриденберга), работавшая в Казани, Киеве, позже в Одессе. С 60-х годов началась знаменитая антрепренерская деятельность П. М. Медведева (1837—1906), воспитанника Московской театральной школы. Как и Милославский, он стремился улучшить положение своих актеров. «Умел требовать, умел и ценить», — вспоминала о нем М. Г. Савина, одна из плеяды выросших в его труппах блестящих актеров (в их числе были В. Н. Давыдов, П. А. Стрепетова и многие другие), позже перешедших на столичные сцены. Медведев работал подолгу во многих городах. На свои средства он благоустроивал здания городских театров, например в Орле, в Астрахани, особенно в Казани. С 90-х годов Медведев работал в Александринском театре. Актеры считали верхом благополучия попасть в дело таких «китов театральных предприятий», как Медведев в Казани, Милославский в Одессе, Н. Н. Дюков в Харькове, где они были материально обеспечены и работали в окружении талантливых товарищей. В этих труппах «изгонялась пошлость», изживалась прежде господствовавшая в провинции мелодрама.

В 80-х годах было уже немало антрепренеров из актеров, новаторов в режиссерском деле. Одним из них был Н. Н. Синельников (1855—1939). Он высоко поднял

театр в Ростове-на-Дону, затем более 10 лет (до 1910 г.) был режиссером в Московском театре Ф. А. Корша, где создал прекрасную труппу. Освободившись от «каторжного» контракта у Корша, он отказался от приглашений в императорские театры и взял антрепризу в Харьковском городском театре. Здесь он подобрал творческий коллектив из выпускников частной драматической школы, «своеобразный театр-университет»¹⁵.

Выдающимся режиссером был актер Н. И. Соболев-Самарин (1868—1945), самоучка, человек большой культуры, педагог и автор популярных инсценировок. Знаменитый антрепренер Н. Н. Соловцов в 1899 г. построил в Киеве постоянный драматический театр («Соловцов»), где были созданы редкие условия для развития актерских талантов.

Для русского театра имела немаловажное значение чуткость хорошей провинциальной антрепризы к новым явлениям современной драматургии. Историк театра И. А. Крути отмечает, что постановка первых пьес А. П. Чехова в провинции опережала столичную сцену. «Иванов» в первый раз был сыгран в Саратове в 1887 г. До первого представления «Дяди Вани» в Художественном театре в октябре 1899 г. эта пьеса успела обойти сцены не только Петербурга, но и Харькова, Одессы, Киева, Нижнего Новгорода, Тифлиса, Саратова и др. В 1896 г. «Чайка» шла, кроме Петербурга, в Киеве, Астрахани, Таганроге, опередив ее премьеру в Москве¹⁶.

Творческие искания провинциального театра предопределили огромное влияние на него новых методов Художественного театра.

Однако подавляющее большинство актеров в поисках работы оказывалось в кабале у случайных людей, смотревших на антрепризу как на средство легкой наживы, без знаний и опыта быстро прогоравших и не плативших своей труппе. Или же антрепризу вели дельцы, ставившие дело прочно, но заинтересованные только в прибыли и выжимавшие все силы из бесправного актера.

Горькие последствия хищнической антрепризы приводили к попыткам вести дело в новой форме актерских товариществ; не случайно зарождение их относится к 60-м годам, когда идеи бытовой коммуны и производственной артели увлекали демократическую интеллигенцию. Эту форму организации внедряли и передовые антрепренеры. Так, П. М. Медведев в сезон 1862/63 г.

создал актерскую бытовую коммуну в Пензе, но она продержалась недолго. Идею актерских товариществ усердно пропагандировал Н. Н. Синельников; один из лучших организованных им коллективов был в Новочеркасске, где играла В. Ф. Комиссаржевская.

Принцип актерского товарищества состоял в том, что часть труппы, на которой лежало вспомогательное и рабочее обслуживание сцены (оркестр, хористы, танцоры, декоратор, машинист сцены, администраторы и пр.), получала обычное твердое жалованье. Оставшаяся же часть дохода распределялась по паям (маркам), количество которых на каждого из ведущих актеров обуславливалось заранее. Таким образом, актеры были материально заинтересованы в успехе спектакля, но при плохих сборах неудача отзывалась именно на них. Такая организация практиковалась и при гастрольных поездках. В 1893 г. около 90% трупп, работавших в провинциальных городах, были организованы по принципу «товариществ»¹⁷.

Материальное обеспечение большинства провинциальных актеров было недостаточным и неустойчивым, зависело от многих случайностей. Но по сравнению с актерами казенной сцены актеры равного таланта и популярности в провинции зарабатывали больше. Так же и в соперничестве с молодежью из театральных школ: на казенной сцене актеры из провинции имели преимущества — им платили не менее 1800—1200 р. в год, а молодежь первые три сезона получала минимальный оклад — 600 р.¹⁸ Правда, оклады прославленных премьеров и премьерш императорских театров были высоки, достигая максимума в 12 тыс. р. (М. Г. Савина, Ф. И. Шаляпин), но таких были единицы.

Провинциальный театр, заставляя актера играть много и разнообразно, если не губил его способности условиями божемной неустроенной жизни, то давал ему большой опыт, закалку, привычку к труду и быстрому освоению ролей, предоставлял больше свободы и простора для развития дарования. «Столичный театр в своем огромном художественном росте во многом обязан провинциальному», — писал Н. И. Соболевский-Самарин. Не говоря о великих строителях русского театра Ф. Волкове и М. Щепкине, «разве не из провинции пришли на столичную сцену Савина, Стрепетова, Комиссаржевская, Корчагина-Александровская, Блюменталь-Тамари-

на, Ленский, Давыдов, Варламов, Далматов, Горев, Садовский, Писарев, Леонидов, Качалов, Тарханов, Степан Кузнецов и бесконечное множество других больших мастеров театра»¹⁹.

Начинающие провинциальные актеры учились только в театре, в процессе ежедневной сценической работы — с выходов, с участия в толпе, работая под наблюдением старших товарищей. В Орле в конце 60-х годов антрепренер А. А. Красовский по мере надобности своих актеров к учителям пения и танцев, а военным упражнениям их учил фельдфебель вместе с солдатами²⁰. Провинциальный актер был поставлен в необходимость переиграть большой репертуар. Актер «с готовым репертуаром» ценился много выше на рынке актерского труда. Темпы подготовки новых пьес в провинции, где требовалось удержать внимание ограниченного контингента зрителей, были совсем иные, нежели в столичных театрах.

Так, за сезон 1896/97 г. в Александринском театре среди 90 постановок было 27 премьер, в московском Малом при 83 постановках — 23, в петербургском Мариинском из 43 опер и балетов — только 2, в московском Большом из 40—4 премьеры. В провинции же новые спектакли могли иногда ставиться 4 раза в неделю. М. Г. Савина в возрасте 15—20 лет сыграла около 150 ролей, после чего была принята в 1874 г. на Александринскую сцену; В. Ф. Комиссаржевская за пять месяцев сезона 1893/94 г. в провинциальной труппе Синельникова исполнила 60 ролей. В Московском театре Корша Синельников вынужден был ставить премьеры каждую неделю; он учил актеров профессиональному мастерству в условиях образцовой для сценического труда дисциплины²¹.

Нельзя не отметить такого источника пополнения молодых актерских кадров, как любительские кружки. Они получили широкое распространение и в провинции, и в столицах. Это было, несомненно, симптомом нового времени — возможностью для «маленьких людей» прикоснуться к сфере искусства. В Петербургских клубах — Купеческом, Молодцовском (приказчиков), Немецком, клубе художников (здесь режиссером был актер Александринского театра Н. Ф. Сазонов), Дворянском собрании и других уже в 70-х годах могли выступать театральные коллективы полупрофессионального типа, а также

актеры провинции на пути к дебюту в императорских театрах.

Специфическим для Петербурга явлением, вспоминал Б. А. Горин-Горяинов, для которого клубная сцена была единственной практической школой, было наличие многочисленных кадров клубных полуактеров-полулюбителей, иногда очень талантливых. Эта рать в основном и составляла «ядро клубных сцен» и покрывала спрос на артистические ансамбли со стороны всевозможных клубов и пригородных театриков. В случае нехватки актеров в резерве были еще выбитые из колеи актеры-неудачники, ожидавшие «ангажемента» на своеобразной бирже вокруг театральной библиотеки (эта биржа существовала вплоть до Октябрьской революции)²². С любительских и клубных сцен вышли П. П. Гайдебуров, В. И. Качалов, А. П. Ленский, К. А. Варламов, А. И. Сумбатов-Южин, Н. Н. Ходотов и многие другие таланты.

Частные сцены, не подлежавшие контролю цензуры, могли знакомить своих зрителей с пьесами, запрещенными или разрешенными только для императорских театров. Обходя цензуру, любительская сцена вместе с тем разрушала монополию императорских театров. Уже в 70-х годах в Петербурге существовало около 25 клубных и пригородных сцен, на которые эта монополия не распространялась, а в 1882 г. она была отменена²³.

Среди других театральных подмостков, дававших молодым актерам возможность практики, надо отметить различные «народные театры». Они возникали по инициативе демократической общественности как просветительские учреждения для широких масс. В конце 1902 г. имелось 102 таких театра, в 1909-м — около 400. Петербургский Народный дом Николая II был крупным театральным предприятием, имевшим массу дешевых мест.

Появились также театры обществ народных развлечений, иногда основанные фабрикантами (в Петербурге выделялся Василеостровский театр). Устраивались спектакли для рабочих при чайных, столовых и т. п. Несмотря на строгие ограничения репертуара, все эти просветительские организации выходили из рамок дозволенных для народных театров пьес и так или иначе приобщали зрителей к театральному искусству, давали актерам возможность ставить русскую классику. А. П. Ленский систематически посылал своих учеников

на бесплатные выступления перед рабочими — зрителями Москвы и Подмосковья. Он «видел в чутком и непосредственном народном зрителе превосходную аудиторию» для молодых актеров²⁴.

В этих условиях нарастала противоположность между массой профессионально плохо обученных актеров самоучек, с шаблонными подражательными приемами игры, и актерами творческого склада. Эта противоположность, сознававшаяся в театральной среде как наличие «актеров» и «неактеров», переживалась болезненно. Ослабить ее могло только широкое распространение театрального образования. Такая задача ставилась всеми передовыми деятелями сцены.

Попытаемся выяснить возможности и масштабы театрального образования в России. Основным рассадником этого образования были, как мы знаем, казенные театральные школы. Если в первой трети XIX в. небалетным специальностям кое-как обучали случайных учеников, не оказавших способностей к танцам, то с 1832 г., когда драматическое искусство в Петербургском театральном училище стал преподавать П. А. Каратыгин, дело пошло серьезнее и число выпускников драматического отделения значительно повысилось. Выпуск по оперному отделению сначала тоже поднялся, но затем, в 60—70-х годах, сошел на нет, очевидно в связи с открытием в 1862 г. Петербургской консерватории.

Об организации музыкального образования, в том числе о русских консерваториях, будет сказано ниже.

С 1801 по 1879 г. (когда были закрыты небалетные отделения) Петербургское театральное училище выпустило в балет 685 человек (189 мужчин и 496 женщин), в драму (306), в оперу (187) и музыкантов (131) — почти столько же. За 1880—1918 гг. училище подготовило еще 482 балетных артиста (177 мужчин и 305 женщин)²⁵. Подготовка остальных театральных специалистов пошла иным путем.

Реформа в преподавании драматического искусства, над разработкой которой много потрудились передовая театральная общественность во главе с А. Н. Островским, создала (по положению 1888 г.) драматические курсы при обоих столичных театральных училищах. (Еще до того в Московском театральном училище возникали специальные драматические классы; их вели И. В. Самарин и Г. Н. Федотова, подготовившие талант-

ливую молодежь.) Эти курсы по существу были высшей школой. Они принимали молодежь со средним образованием, их программы включали научные дисциплины, для преподавания которых привлекались университетские ученые — историки, литературоведы, искусствоведы. Третий год обучения посвящался актерской технике и подготовке экзаменационного спектакля. Драматическое искусство преподавали лучшие представители актерской интеллигенции — в Петербурге В. Н. Давыдов, в Москве А. П. Ленский. Учащиеся могли бесплатно посещать все театры и гастролы, выступали на клубных сценах, вели студенческие кружки и т. д. Курсы в Петербурге за 25 лет (до 1913 г.) выпустили 260 человек из 472 поступивших. Московские курсы, тесно связанные с Малым театром (к 1908 г. до 60% его труппы составляли выпускники курсов), признавались «рассадником сценических деятелей по всей России». С 1895 до 1906 г. курсы выпустили 99 актеров (47 женщин и 52 мужчины). Однако в 1908 г. Министерство двора закрыло Московское театральное училище²⁶.

Правящие круги упорно не признавали необходимость высшего образования в области театрального искусства. Выпускники балетного отделения получали жалкие права окончивших народные или городские училища Министерства просвещения. Окончившие драматические курсы получали отсрочку по военной повинности, какую давала средняя школа. Успешно окончившие получали звание свободного художника (неклассного) и исключались из податных состояний, но окончившие «удовлетворительно» имели только свидетельства, а не аттестаты; заслужить аттестат они могли известным стажем «безупречной сценической деятельности». В головах чиновников актерская профессия никак не совмещалась с категорией высшего образования. В 1913 г. директору императорских театров Теляковскому было вразумительно разъяснено, что Петербургские драматические курсы являются лишь средним учебным заведением, таковым они и останутся.

В воспитании и поддержке молодых актерских кадров неocenимую роль сыграла артистическая общественность. Среди первых организаций творческой интеллигенции, ставивших задачу выдвижения молодых актеров, был Московский артистический кружок (1865—1883), основанный А. Н. Островским, Н. Г. Рубинштейн-

ном и П. М. Садовским. Кружок организовал дебюты молодых актеров, имел свою опереточную труппу, выступавшую в театре «Эрмитаж». С 1879 г. при артистическом кружке была создана частная театральная школа, которую вел драматург и композитор Г. Н. Новосельский, а затем П. Д. Боборыкин; историю театра читал Алексей Николаевич Веселовский.

В 70-х годах возникло много частных театральных школ — оперно-драматические курсы Д. М. Леоновой, драматическая школа В. В. Самойловой и др. В Петербурге в 1883—1888 гг. существовали драматические курсы Общества любителей сценического искусства. Душой этого начинания был Д. Д. Коровяков, известный в свое время теоретик театра и театральный критик. Программа курсов была близка к программе будущих драматических курсов театральных училищ, охватывая теорию, историю и практику театрального искусства и общеобразовательные гуманитарные дисциплины. Здесь преподавали актеры Александринского и Мариинского театров, читали лекции П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, П. П. Гнедич.

В 1883 г. Музыкально-драматическое училище Филармонического общества в Москве открыло свое драматическое отделение, где начали преподавать актеры Малого театра. В 90-х годах Вл. И. Немирович-Данченко вырастил здесь даровитых актеров, отобранных в первый состав труппы Московского Художественного театра. В 1888 г., одновременно с реформой театральных школ, в Москве возникло независимое Общество искусства и литературы, сыгравшее очень большую роль в развитии новых методов сценического мастерства. Возглавляла его группа художественной интеллигенции, в том числе К. С. Станиславский, режиссер А. Ф. Федотов, художник Ф. Л. Сологуб. Главное внимание было обращено на драматический кружок общества; в нем также было подготовлено несколько первых актеров Художественного театра. Некоторое время при кружке работала и оперно-драматическая школа, которую вел Ф. П. Комиссаржевский.

При всем обилии театральных школ они не удовлетворяли передовых деятелей театра. Вл. И. Немирович-Данченко в 1898 г. так определял основной недостаток системы театрального образования: школа, «давая своим питомцам художественный фундамент, по самим

своим задачам не может выпустить из своих стен опытных актеров». Они из школы идут или в императорский театр, где в силу обстоятельств обречены на бездеятельность, или в провинцию, где им «приходится бороться с невежественной рутинной и часто гибнуть в этой борьбе»²⁷.

Передовая актерская общественность видела выход в создании театральных курсов при самих театрах, где опытные режиссеры могли использовать творческую энергию молодежи одновременно с ее общеобразовательной подготовкой. По этому пути пошел Московский Художественный театр, создав свою школу. Для поступления в нее не требовалось ни специального, ни общего образования, на вступительных экзаменах выявлялись только способности. Среди молодежи, приехавшей из провинции держать экзамены, были «рабочий с завода, певчий из церковного хора, бурлак с Волги». «Была некая ожесточенность, истовость в том, как они работали, как готовились к урокам». Старшие актеры учили их культуре внешнего поведения. В молодых учениках Художественного театра М. Горький видел людей, которым «предстоит стать в будущем подлинно революционной интеллигенцией»²⁸. Развитием этого метода была и первая студия МХТ под руководством Л. А. Сулержицкого (оформленная в 1912 г.), где учащиеся занимали переходное положение между «сотрудниками» и актерами труппы.

В XX в. вновь появляется много частных театральных школ и студий, в том числе актера МХТ А. И. Адашева, актрисы МХТ С. В. Халютиной, драматическое училище актера Александринского театра Н. Н. Ходотова, мастерская драмы Н. В. Петрова, школа-студия при Литературно-художественном обществе в Петербурге (связанная с театром А. С. Суворина), экспериментально-учебная мастерская В. Э. Мейерхольда и др. Частная театральная школа, отмечал в 1915 г. А. А. Наровский, «получила права гражданства в сценическом мире, дала сцене многих интеллигентных и несколько талантливых деятелей»²⁹.

Еще в 1900 г. артист Ю. Э. Озаровский выдвинул идею создания драматического института как высшего учебного заведения. Он писал: «Единственное средство для поднятия нашего драматического искусства есть общая и специальная школа»³⁰. Но полноправная высшая

театральная школа стала возможной только после Октябрьской революции.

Теперь попытаемся выяснить вопрос о численности профессиональных актеров в России. Конечно, речь может идти лишь о некоторых предварительных соображениях, потому что учета актеров не велось. Списки, составлявшиеся Российским театральным обществом, носили случайный служебный характер, а Словарь современных деятелей сцены, выпускавшийся журналом «Театр и искусство», был далеко не полным и прекратился на первых шагах.

Имеются сведения об отдельных театрах. Начиная со штатов 1766 г. придворного ведомства, когда на «российский театр» полагалось 137 человек (в том числе 74 музыканта, 42 — в балете и 21 актер), в XVIII столетии в составе императорских театров перебивало 259 оркестрантов, 147 балетных артистов разных категорий и 81 актер³¹.

В Малом театре, основанном в 1824 г., до 1917 г. одновременно работало 604 актера (289 женщин и 315 мужчин). В конце 60-х годов он имел труппу из 70 человек. В 80—90-х годах она обновилась за счет 70 выпускников театральной школы. В 1909 г. было проведено новое обновление труппы. В 1917 г. она состояла из 83 человек, включая режиссеров³².

Александринский театр, основанный в 1832 г., к началу 60-х годов располагал труппой из 121 человека, в числе которых было более 90 актеров. К началу XX в. в труппе около 60% актеров получили специальную подготовку в театральных училищах, на курсах и т. п. Состав этого «театра прославленных мастеров» оставался в пределах около 100 человек все последующие годы. В Варшавском «правительственном театре» русские труппы — драматическая, оперная и опереточная — имели в сезоне 1899/1900 г. 103 актера (не считая балетной труппы и оркестра)³³.

С 90-х годов в «Ежегоднике императорских театров» публиковались списки театрального персонала. В сезон 1891/92 г. в них работали (не считая руководящего и подсобного персонала) 1236 человек, в сезон 1911/12 г. — 1114. Основную массу составляли оркестранты, балет и хор в оперных труппах, 20—25% — драматические актеры и певцы оперных трупп (в эти сезоны соответственно 276 и 289 человек).

Артистический персонал императорских театров

Сезон	Драматические труппы	Оперные труппы		Балетные труппы	Оркестровые музыканты	Всего
		Солисты	Хор			
1891/92	192	84	249	349	361	1 236
1911/12	167	122	219	341	265	1 114

В балете преобладали женщины, в оркестре были только мужчины (кроме арфисток).

Основные кадры драматических и оперных актеров были разбросаны по провинции в частных труппах, а с 80-х годов они заполнили и новые столичные сцены. Драматург А. И. Пальм в конце 70-х годов насчитывал около 3000 провинциальных актеров, из них больше половины в мелких антрепризах³⁴. Для приличной драматической труппы достаточно было одного-двух десятков актеров на первые роли, остальные исполняли вторые и подсобные роли. Оперная труппа нуждалась также в хористах и оркестре.

Приведем несколько примеров. Украинская труппа М. Л. Кропивницкого в 1885 г. имела 10—15 актеров, входивших в «товарищество на паях» (в том числе 2—4 пары танцоров), хор из 30—35 голосов и в оркестре 13—14 музыкантов. В Московском театре Ф. А. Корша труппа состояла примерно из 20 человек. Суворинский театр в Петербурге имел 15 главных актеров и 30 с лишком остальных исполнителей. Московский Художественный театр, в котором с 1898 по 1916 г. одновременно работали 434 актера, обходился труппой и вспомогательным составом от 26 до 41 человека³⁵.

В дополнение к этим отрывочным сведениям, дающим представление о численности театральных трупп различного типа, добавим, что в 1914 г. при посредстве Русского театрального общества 98 антрепренеров заключили с артистами 1612 договоров. Договоры были и индивидуальные, и групповые, охватывавшие иногда свыше 50 человек, очевидно с оркестровыми, хоровыми и балетными коллективами³⁶. Эти сведения не касаются многочисленных актерских «товариществ», обходившихся без антрепренеров. Два съезда «сценических деятелей» (в 1897 и 1901 гг.) также не проясняют вопроса о чис-

ленности актеров, поскольку участники съездов не были ничьими представителями.

В нашу задачу не входит ни история театра в России, ни анализ развития театрального искусства, но мы не можем не сказать о тех театрах, которые ставили себе задачу духовного формирования актера, воспитания в нем гражданского сознания. Таким был Московский Художественный театр, открывшийся в 1898 г. Основанный на средства Филармонического общества и капиталистов Морозовых, он скоро при содействии С. Т. Морозова перешел в руки актерского товарищества. Первоначальный замысел К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко создать общедоступный театр не мог осуществиться: дешевизна билетов неизменно вызывала цензурные ограничения, предназначенные для народных театров.

Художественный театр стал театром интеллигентного актера, интеллигентного режиссера — художников, сознательно строивших гармонически слаженный ансамбль. По существу он продолжал и развивал традицию русского реалистического театра, идеологами которого были М. С. Щепкин, А. П. Ленский, А. И. Сумбатов-Южин и др. Но он создавал актерам возможность тщательно и углубленно работать над развитием своего таланта. В договоре, составленном руководителями театра, осуждая некультурную и вредную внешнюю обстановку, которая обычно окружала актера в театре, они обязывались создать ему человеческие условия, «приличное помещение, приспособленное для интеллигентной работы» и т. д., обеспечив предпосылки для строгих требований актерского мастерства³⁷.

Во время гастролей Художественного театра в Европе в 1906 г., отмечал В. В. Шверубович, «удивление зрителей» вызывали его «высокая культура труда, прекрасное искусство, высота этики, великолепная дисциплина, умение себя держать». Современники считали Художественный театр, писал В. П. Кранихфельд, «интимным театром русской интеллигенции, которая на сцене... видит реализованными в живых образах свои сокровенные думы и настроения»³⁸.

Но значение Художественного театра гораздо шире. Его искания, постоянное стремление к новым формам творчества, высокие требования к задачам режиссуры оказали огромное воздействие на весь русский театр.

Демократическая гражданская направленность его репертуара — Чехов, Горький, Ибсен, Гауптман и другие — также стала новым этапом в развитии русского театра. Влияние Художественного театра на духовную жизнь общества углублялось и тем, что он многократно повторял свои спектакли, чего не могли себе позволить прежние театры. За 1898—1918 гг. театр показал всего 62 новые постановки, но они шли сотни раз. «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого (с 1898 г.) шел 913 раз, «На дне» М. Горького (с 1902 г.) — 1239 раз, «Синяя птица» М. Метерлинка (с 1908 г.) — 1216 раз, чеховские «Вишневый сад» (с 1904 г.) — 1190 раз, «Дядя Ваня» и «Три сестры» — по 316 и 299 раз и т. д.³⁹

Успех Художественного открыл путь многим новаторским формам сценического искусства. Утвердилось признание и понимание театра как «коллективного художника», писал К. С. Станиславский, «пользующегося одновременно творчеством всех без исключения искусств»⁴⁰.

Вместе с огромной новой ролью театрално-декорационного искусства выдвигается новая творческая роль режиссера. Профессия режиссера теперь требует умения видеть пьесу как эстетическое целое и воплотить свое видение новыми сценическими средствами. Путь режиссерских исканий начинает В. Э. Мейерхольд, оставивший глубокий след в сценическом искусстве, воспитавший блестящую плеяду режиссеров и актеров, работавших и в советском театре. В 1904—1908 гг. в Петербурге создала свой театр В. Ф. Комиссаржевская, начавшая с постановки пьес Горького, а затем пытавшаяся найти новые театральные формы для драматургии символистов (А. А. Блока, М. Метерлинка).

П. П. Гайдебуров и Н. Ф. Скарская — сестра В. Ф. Комиссаржевской — создают Общедоступный передвижной театр (1903—1914), обслуживавший демократического зрителя в Лиговском народном доме в Петербурге и посылавший передвижную труппу по России с репертуаром для интеллигенции. Поиски новых форм характеризуют и другие начинания этой эпохи: театр сатиры и пародии «Кривое зеркало» А. Р. Кугеля, Свободный театр К. А. Марджанова, Камерный театр А. Я. Таирова, Старинный театр Н. Н. Евреинова и, конечно, молодые студии МХТ, драматический кружок Е. Б. Вахтангова и др.

Новая эпоха вносит обновление в казенные театры.

Малый театр одним из первых творчески включается в эти перемены. Петербургские театры обновляют свое декорационное оформление, вводят новые методы режиссуры. Творческие силы оперы и балета получили счастливую возможность развернуться во всем блеске вне казенной сцены в антрепризе С. П. Дягилева. Его «русские сезоны» 1907—1914 гг. в Париже — великолепные постановки 10 опер и 22 балетов, в том числе «Бориса Годунова» М. Мусоргского с Шаляпиным, премьеры балетов И. Стравинского, — показали западноевропейскому зрителю Анну Павлову, Тамару Карсавину, Вацлава Нижинского и многих других. Спектакли шли в оформлении художников «Мира искусства» — Бакста, Бенуа, Головина, Билибина, Рериха, Добужинского. Они принесли триумфальный успех и мировое признание русскому искусству и ускорили «размораживание» рутинных традиций императорской оперно-балетной сцены⁴¹.

Театр постепенно приобретал все большую силу воздействия на широкие слои общества, хотя до Октябрьской революции он оставался малодоступным для народных масс. История театра отмечает его соучастие — в собственных специфических формах — в общественной жизни страны, борьбу за внедрение демократической драматургии, отражение реальных социальных характеров в сценических образах, созвучие настроений и идеалов, внушаемых театральным искусством, с запросами и проблемами, волновавшими передовую общественность. Но именно такое воздействие театра делало его постоянным объектом давления сверху и контроля, иногда превосходивших цензурный гнет над литературой.

В крепостное время от театра требовалось прославление монархии и «божьего промысла». В дальнейшем театральный репертуар постоянно отягощался все новыми запретами и ограничениями. Запрещались пьесы, касавшиеся династии Романовых. Из «Бориса Годунова»; поставленного в Александринском театре в 1870 г., изымались сцены, связанные с темой мятежа и восстания. Запрещалось изображение «народных древних вольностей». Не допускались критика и осмеивание чиновников, сатира на купечество, строго оберегался престиж дворян, тщательно вымарывалось все касающееся духовенства, отвергались пьесы, показывающие деятелей революционного движения, отражающие рабочий вопрос и эксплуатацию трудящихся, рабочее движение и про-

тест против существующего строя, аграрное движение, студенческие волнения и т. д.⁴² «Власть тьмы» Л. Н. Толстого то запрещалась по настоянию Победоносцева, (после генеральной репетиции в Александринском театре), то через несколько лет вновь разрешалась в изуродованном виде.

Но в борьбе цензуры и административного произвола против театра как носителя демократических идей своей эпохи театр часто был и наступающей стороной. Известным примером внецензурной переделки текста была постановка пьесы Лопе де Вега «Овечий источник» в Малом театре (1876 г.) в бенефис М. Н. Ермоловой. Внесенные в суфлерский экземпляр изменения усилили революционное звучание пьесы, после чего она была надолго запрещена. Главное управление по делам печати в 1906 г. отмечало, что метод обработки пьес, которым «умышленно придается тенденциозный характер», был очень распространен в театральной практике⁴³.

В ХХ в. связь театра с общественными настроениями делается как бы самоочевидной. Зрительный зал во многих случаях становился ареной для выражения бурных протестов или одобрений, выходящих за пределы театральной сферы. С галерки рассыпались революционные прокламации, публика чествовала авторов, подвергавшихся гонениям. В ноябре 1900 г. учащаяся молодежь организовала в Суворинском театре срыв постановки антисемитской пьесы «Контрабандисты»; в результате — побоище с полицией, арест сотен студентов и суд над зачинщиками.

Одним из проявлений нарастающего революционного подъема был неизменный громадный успех ранних пьес М. Горького — «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», которые, несмотря на все препятствия, упорно пробивались на сцену частных театров. На казенной сцене пьесы Горького запрещались вплоть до 1917 г. по прямому указанию Николая II, который в 1903 г. заявил: «Из театра публика выносит тяжелое впечатление — особенно трудноваримое для людей озлобленных и недвольных»⁴⁴.

Прямой политической демонстрацией было поведение публики на постановке «Кашея бессмертного» 27 марта 1905 г., выполненной бастующими учениками Петербургской консерватории в театре Комиссаржевской. Сбор предназначался в пользу жертв 9 Января. Передовое об-

щество выразило горячую поддержку любимому композитору, который только что был уволен дирекцией Русского музыкального общества из состава профессоров консерватории за защиту ее бастующих учеников. Спектакль превратился в небывалую овацию «по адресу Римского-Корсакова и против правительства»⁴⁵.

В годы первой русской революции многие театры отдавали свои сборы, а артисты выступали в концертах и на вечерах в пользу жертв полицейского произвола, рабочих, пострадавших от забастовок, студентов, безработных актеров и т. д. Во время всеобщей забастовки в октябре 1905 г. прекратили спектакли все петербургские частные театры и некоторые театры в провинции. В Мариинском театре начала забастовку балетная труппа. Но после жесткой обработки начальством артисты императорских театров остались лояльными.

Отдельные актеры были связаны с социал-демократической партией. М. Ф. Андреева считалась издательницей газеты «Новая жизнь», которая осенью 1905 г. стала органом большевиков. В. Ф. Комиссаржевская отдавала часть своих гастрольных сборов бакинской подпольной организации. Некоторые театры давали средства на помощь политическим заключенным Шлиссельбургской крепости. В квартире А. П. Ленского его сын, социал-демократ, устраивал нелегальные собрания и хранил подпольную типографию. Н. Н. Ходотов давал концерты в пользу социал-демократического подполья.

Обратимся теперь к попыткам организации и объединения работников театра. По сложившейся традиции актеры ежегодно съезжались «великим постом» в Москву на своеобразную «биржу труда», чтобы найти себе нового антрепренера. Здесь и возникла в 1876 г. первая актерская организация взаимопомощи, а в 1883 г. при участии М. Г. Савиной, В. Н. Давыдова и других было создано Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям. Справочно-статистическое бюро общества охватывало 150 городов и облегчало актерам поиски работы⁴⁶.

На этой базе в 1894 г. в Петербурге организовалось Русское театральное общество. Оно открыло убежище для престарелых сценических деятелей, а позже на средства, собранные актерами, выстроило для этой цели здание на Петровском острове. Был устроен детский приют и пансион для школьников. Но главной задачей РТО

признавалось содействие всестороннему развитию театрального дела в России. Общество находилось в ведении Министерства внутренних дел и в известной мере зависело от театральной дирекции. Возглавляла его до своей смерти М. Г. Савина.

Создание РТО было для своего времени крупным достижением театральной общественности. Оно стало профессиональным центром, к которому стекались все вопросы и конфликты театральной жизни всей России. Эта организация способствовала формированию русских актеров в профессиональную группу интеллигенции. «Я с гордостью принадлежу к тому поколению русских актеров, — писал И. Перестиани, — которое подняло свое звание на должную высоту и создало Русское театральное общество»⁴⁷.

К 1 января 1902 г. РТО объединяло кроме 23 почетных членов 3257 действительных членов. Среди них были и не принадлежавшие к актерской профессии, но и многие актеры оставались вне общества. Перед революцией 1917 г. количество членов РТО выросло до 6000⁴⁸.

Значительным этапом в профессиональной жизни русских актеров были созванные РТО в 1897 и 1901 гг. съезды сценических деятелей. Контингент их участников был очень широк, ими могли быть все желающие, уплатившие трехрублевый взнос (от него освобождались члены РТО). На первом съезде, по неполному списку, было 1075 участников, по другим сведениям — более 1300 актеров и актрис⁴⁹.

Первый Всероссийский съезд сценических деятелей собрался в марте 1897 г. в Московском Малом театре. Его почетная председательница старейшая актриса этого театра Н. М. Медведева выступила с эмоциональной речью о страданиях, лишениях и унижениях актера в русском обществе. Многие резолюции и ходатайства касались бесправного положения актеров (чего стоило, например, отношение к ним полиции, удерживавшей в течение всего театрального сезона паспорта актеров). Практическое значение получил выработанный съездом нормальный договор между актером и антрепренером, которые теперь выступали как равноправные стороны. Было предложено также разработать типовой договор для актерских товариществ. Докладчик М. М. Петипа считал полезным ввести эти товарищества в установленные законом положения об артелях, чтобы регулирова-

лось «социальное положение провинциальных артистов», так как теперь «несколько тысяч артистических деятелей не имеют определенного общественного положения в государстве»⁵⁰.

Первый съезд имел не столько практическое, сколько общественно-психологическое значение. Он повысил престиж профессии прежде всего в сознании самих актеров. На съезде актер «впервые столкнулся с настоящей общественностью», — писал Собольшиков-Самарин. — «Я, театральный бродяга, впервые почувствовал себя человеком и гражданином». Об этом сдвиге в общественном сознании актера писал также А. И. Южин, высказав мысли и чувства наиболее культурной и интеллигентной части актеров: «Театр все более и более становится частью тела современного общества, и такой частью, в которой проходят те же вены и артерии, переливается та же кровь, как и во всем теле. Пусть это будет только второстепенный орган, но это все-таки плоть от плоти и кровь от крови данного общества»⁵¹.

На съезде поднимался вопрос об организационном оформлении корпорации русских артистов. Знаменательно, что это стремление к профессиональному сплочению проявилось в актерской среде раньше, чем в других группах интеллигенции. Это объясняется условиями актерского труда, жестокой конкуренцией в борьбе за существование и отсутствием всяких формальных прав для своей защиты. Однако, как убедительно разъяснил Южин, корпоративная организация должна была иметь основу в профессиональной квалификации актерского труда, в известном цензе — критерии принадлежности к этой корпорации.

«Все несчастье русского актера, — писал Южин, — в том, что он везде, за исключением немногих, наперечет известных трупп, тонет в массе неактеров, может быть, гениальных людей, но не актеров... Раз актер — не актер, он не может требовать от актерского дела обеспечения». А. П. Ленский также выступал на съезде по этому для того времени больному и неразрешимому вопросу — о реально существовавшей и сравнительно крупной категории провинциальных актеров, игравших «нутром», отрицавших необходимость изучения сценического искусства и тем «грубо унижавших» свое дело. Актеры должны стоять по своему уровню если не выше, то никак не ниже общества, говорил Ленский, только

тогда театр будет в состоянии интересоваться собой общество⁵².

Передовая общественность высоко ценила великих актеров и их заслуги в истории русского театра. В 1888 г. Московское общество искусства и литературы отмечало столетие со дня рождения М. С. Щепкина, а в 1895 г. ему был поставлен памятник в Судже, первый памятник русскому актеру. В том же 1888 г. в фойе Александринского театра был открыт первый русский театральный музей из материалов, собранных известным актером-рассказчиком и писателем И. Ф. Горбуновым. После Октябрьской революции в Петрограде в 1919 г. был основан Театральный музей, в который передал свои коллекции выдающийся театровед Л. И. Жевержеев. В 1894 г. открылся частный театральный музей из коллекций, собранных фабрикантом А. А. Бахрушиным. Музей стал сокровищницей документальных материалов по истории русского театра. В 1913 г. Бахрушин передал его в ведение Академии наук⁵³. Систематически публиковались биографии выдающихся актеров в «Ежегоднике императорских театров». В 1899 г. состоялось юбилейное торжество в Ярославле — на родине Ф. Г. Волкова, основателя русского театра, и отмечено столетие со дня рождения П. С. Мочалова.

Речь А. И. Южина в Ярославле была панегириком русским провинциальным актерам, которые делают «свое большое культурное дело». Настанет время, предсказывал Южин, «когда русский актер, образованный и обеспеченный, чуткий и трудолюбивый, пробьет себе в обществе то место, на которое он имеет полное право по существу своего дела — место общественного и государственного слуги-деятеля⁵⁴.

Второй Всероссийский съезд сценических деятелей (6—23 марта 1901 г. в Москве) также ставил вопросы о необеспеченности актерских кадров и о недостатках театрального образования. Съезду был предложен проект устава Союза сценических деятелей — то есть актерской профессиональной организации. Этот шаг был симптомом назревавшего конфликта с руководством РТО.

Совет РТО, с 1904 г. «императорского общества» с президентом из царской семьи и «несменяемым» вице-президентом А. Е. Молчановым, открыто шел в русле политики Министерства двора и вносил бюрократиче-

ские методы в работу РТО. События 1905 г. сильно обострили этот конфликт.

Передовая общественность уже в феврале 1905 г. выступила с заявлениями о бесправии художественной интеллигенции, требуя изменения общественно-правового режима и создания условий для свободы творчества. Декларация московских музыкальных деятелей, подписанная С. И. Танеевым, С. В. Рахманиновым, Р. М. Глиэром и многими другими, была опубликована 2 февраля 1905 г. в газете «Наши дни». Записка «Нужды русского театра», выработанная на собраниях у артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова, подписанная актерами и драматургами, в том числе М. П. Садовским, В. Ф. Комиссаржевской, А. А. Яблочкиной, Е. П. Корчагиной-Александровской и другими, появилась 12 февраля в газете «Слово». Одновременно, в феврале — марте, как уже упоминалось, составила записку о произволе цензуры в области литературы и искусства комиссия Московского литературно-художественного кружка. Раздел о цензуре в театре подписали Станиславский и Качалов.

В марте 1905 г. шла открытая борьба между членами РТО, которые на годовом собрании в Петербурге и затем в Москве добивались пересмотра устава общества в демократическом духе и создания профессионального союза сценических деятелей, и советом РТО, всячески тормозившим эти стремления⁵⁵.

В ходе революционных событий в разных городах России многие актеры лишились работы. 13 июля 1905 г. РТО создало Комитет актерского спасения для «изучения» этого вопроса. Не дождавшись помощи от руководства РТО, в конце августа возник Комитет организаци самопомощи сценических деятелей. Борьба с советом РТО приняла резкие формы: комитет обвинял его в «уклонении от содействия», в «равнодушии к усилиям комитета откликнуться на жгучие нужды современной жизни» (письмо от 19 октября 1905 г. за подписью Комиссаржевской)⁵⁶.

После манифеста 17 октября 1905 г., впервые получив возможность собраться на политический митинг, петербургские актеры 20 октября приняли решение о создании Всероссийского политического союза сценических деятелей на обычной буржуазно-демократической платформе; резолюцию подписали свыше 80 и позже еще

40 человек. На втором митинге, 30 октября, была принята значительно более левая платформа и оформился профессиональный Союз сценических деятелей, немедленно вступивший в Союз союзов. Численность его составляла около 150 членов в Петербурге и столько же из других городов⁵⁷.

Платформа этого нового союза включала учреждение народной милиции, отдачу под суд всех агентов власти, виновных в организации еврейских погромов, и т. д. В резолюции заявлялось: «Как часть интеллигентного пролетариата, мы признаем себя не только профессиональными деятелями, испытывающими на себе гнет капитала, но и русскими гражданами, сознательно относящимися к осуществлению в нашем отечестве условий гражданской свободы»⁵⁸.

По уставу Всероссийского союза сценических деятелей, принятому в марте 1906 г., он формально еще числился при РТО, но считал себя автономным. Целью союза объявлялось поднятие театрального дела в России и улучшение положения сценических деятелей. (Сценическими деятелями считались все профессионально принадлежащие к театру и участвующие в сценической работе. В союз имели право вступать также драматические и театральные писатели.) Члены союза должны были состоять в его местных отделах; для них организовались страховые и пенсионные кассы. Члены-кандидаты становились действительными членами, приобретя профессиональный ценз (три зимних сезона, а для окончивших театральные школы — два сезона службы в театре). На 15 мая 1907 г. в Союзе сценических деятелей было около 600 членов (303 учредителя, 246 действительных и 42 кандидата)⁵⁹.

Союз сценических деятелей в 1907 г. выступил с критикой нормального договора, утвержденного РТО. В докладе С. А. Корсикова-Андреева совету РТО доказывалось, что этот договор является «свободой с веревкою на шее» и что к труду актера нельзя применить «чисто юридический взгляд на отношения личного найма». Артист опутан сетью вычетов за каждый проступок, его личная свобода ограничена «полицейско-казарменной зависимостью от предпринимателя», и т. д.⁶⁰

Либеральная газета «Русское слово» по поводу годовичного собрания Союза сценических деятелей в апреле 1907 г. отмечала его враждебное отношение к бюрократ-

там из РТО. «Собрание подчеркнуло, — писала газета, — несомненную трудность развития союза и борьбы с окружающими реакционными веяниями, которые так резко сказались в деятельности самого Театрального общества. Собрание решило не признавать нормальный договор Театрального общества, а поскорее озаботиться выработкой основного положения для «Товарищеского союзного договора». Собрание постановило распространить доклад о деморализующем влиянии на публику и самих тружеников сцены «фарсового репертуара», начинающего отравлять и провинцию. Было постановлено учредить собственное справочно-статистическое бюро и немедленно открыть кассы взаимопомощи при всех отделениях союза⁶¹.

5 октября 1907 г. чиновничьи силы, стоявшие за спиной Русского театрального общества, добились исключения Союза сценических деятелей из состава РТО⁶².

Всероссийский союз сценических деятелей продолжал энергичную работу. Он организовал под руководством В. И. Немировича-Данченко два съезда режиссеров. В первом (16—30 марта 1908 г. в Москве) приняли участие около 30 режиссеров и многие представители заинтересованных кругов. В центре внимания стояла проблема образовательного ценза и профессионального стажа для режиссерской работы. Отмечалась необходимость борьбы с «перепроизводством» актеров и очищения театра от «неинтеллигентной» массы актеров-ремесленников. На второй съезд режиссеров в Москве (март 1909 г.) были приглашены все русские, а также татарский и грузинский театры, Польское общество объединенных артистов Варшавы и др. Была показана большая выставка итогов режиссерской работы. Обсуждались вопросы режиссерского мастерства. В. И. Немирович-Данченко сделал доклад о правах режиссеров, К. С. Станиславский ознакомил коллег с основами своей творческой системы. Съезд избрал режиссерское бюро из 12 членов.

Эти факты показывают быстрое формирование профессионально-корпоративного единства деятелей нового, режиссерского театра. Советский театровед М. Н. Любомудров справедливо заключает, что «на небосводе русского театра родилось созвездие самобытных режиссерских талантов и индивидуальностей». Многие стали «звездами первой величины» и оставили глубокий след в истории мировой театральной культуры⁶³.

Союз сценических деятелей занимался также вопросами организации народного театра. В 1909—1910 гг. он оформил секцию содействия устройству деревенских и фабричных театров при Московском обществе народных университетов. Это было большим практическим достижением в деле помощи народным театрам. Секция привлекла к работе крупных художников во главе с В. Д. Поленовым. В 1915—1916 гг. в Москве был выстроен «Дом имени Поленова» — детище секции, который должен был стать «театральной лабораторией на всю Россию».

По инициативе секции, РТО и многих других общественных организаций был созван Всероссийский съезд деятелей народного театра (27 декабря 1915 — 5 января 1916 г. в Москве). Он собрал 365 участников от рабочих и крестьянских театров и культурно-просветительных учреждений. Они приняли резолюцию политического характера, предложенную рабочей группой, в состав которой входили и большевики. Съезд привлек внимание к положению театров угнетенных национальностей, подвергавшихся постоянным преследованиям, и высказался за полное равноправие всех народов России в области театрального искусства. Он потребовал отмены специальной цензуры для народных театров и ограждения их от произвола администрации⁶⁴.

Борьба за демократический театр, поднимающий культуру народа, воспитывающий гражданское сознание и высокие чувства зрителей, вопрос о достойном месте работников театрального искусства в рядах творческой интеллигенции страны смогли получить разрешение только после Октябрьской революции. Одним из первых театральных союзов стал профессиональный союз московских актеров. Русское театральное общество в 1932 г. стало всероссийским. Театральные общества пятнадцати советских республик в 1976 г. объединяли свыше 50 тыс. театральных работников, в том числе 28 тыс. в Российской Федерации.

Актерские и режиссерские силы Советского Союза сформировали новую кинематографию, оказавшую огромное идейное влияние на развитие мирового киноискусства. В 1957 г. был организован Союз кинематографистов СССР, объединявший в 1976 г. более 5200 творческих работников кино разных специальностей⁶⁵.

В комплексе сценических искусств музыка играет очень большую роль. Жизнь музыкального театра тесно

сплетается с другими сценическими формами, с искусством концертного исполнения. Артисты с музыкальным образованием занимали значительное место среди работников театра. Мы выделяем интересующие нас вопросы о профессиональных кадрах специалистов музыки и пения в особую тему, потому что их подготовка и условия труда имели свои своеобразные, специфические пути развития.

В отличие от театрального «ремесла» музыка всегда признавалась искусством, «благородным» занятием. Обучение музыке детей было распространено и в дворянской, и в буржуазной среде, в семьях духовенства и т. п. Множество церквей имели хоры певчих. Музыку и пение преподавали в женских гимназиях, епархиальных училищах. Как любители музыкой занимались многие студенты. В 30—40-х годах XIX в. в Училище правоведения, где учился будущий композитор А. Н. Серов, почти все воспитанники обучались игре на разных инструментах. В Московском и Петербургском университетах, в Петербургском технологическом институте имелись студенческие оркестры. Было распространено любительское концертное музицирование и квартетное музицирование. Это непрофессиональное музыкальное просвещение опиралось на «несметное количество учителей музыки», в том числе иностранцев. Давали уроки музыки и русские композиторы — А. А. Гурилев, А. Е. Варламов, М. А. Балакирев, братья Рубинштейны и многие другие.

В крепостной России музыкальная профессия не создавала никакого общественного положения. Один из журналов отмечал в конце 50-х годов XIX в.: «Многие ли наши композиторы и много ли получают за свои труды?.. Чиновник, доктор, офицер, купец может быть в то же время музыкантом; но музыкант по призванию, живущий только для музыки... такого класса людей у нас не существует... Давно уже надо было возвысить музыкальное искусство, поставить его в ряду изящных искусств и смотреть на него как на науку»⁶⁶.

В пореформенной России большая роль в развитии музыкального образования принадлежала творческому содружеству композиторов, которое В. В. Стасов назвал «Могучей кучкой» (М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Ц. А. Кюи, А. П. Бородин и др.). Их работа в области музыкального просвещения шла в духе революционно-демократических идей того времени. Они организовали

бесплатную музыкальную школу, существовавшую много лет.

Много сделали для музыкального просвещения кружки, собиравшиеся вокруг композиторов и музыковедов. Среди них выделялся кружок М. П. Беляева, сына богатого лесопромышленника, посвятившего всю свою энергию и средства развитию русской музыки. Ведущую роль в его художественно-просветительских начинаниях играли молодые композиторы Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов, позже А. К. Лядов. В 1885 г. Беляев основал нотоиздательскую фирму в Лейпциге, печатавшую произведения русских композиторов, в том же году учредил премию имени Глинки. Кружком устраивались «Русские симфонические концерты», «Русские квартетные вечера», конкурсы на лучшие произведения камерного жанра. Вечера у Беляева начались с 80-х годов. После его смерти в 1903 г. кружок организовал Общество имени М. П. Беляева⁶⁷.

Музыкальная жизнь России выдвигала также любителей, самоотверженно служивших распространению новой русской музыки. М. С. Керзина и ее муж, юрист А. М. Керзин, создали в Москве кружок, который готовил для публичного исполнения творения Ц. А. Кюи, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, А. С. Аренского, М. П. Мусоргского, С. И. Танеева, А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, К. П. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера. С 1896 по 1910 г. кружок Керзиных устроил 100 концертов, большей частью бесплатных, постепенно расширяя количество слушателей, из маленьких залов перейдя в Колонный зал Дворянского собрания⁶⁸.

Музыковеды А. П. Нурок и В. Ф. Нувель организовали в начале XX в. «Вечера современной музыки», знакомившие слушателей с произведениями И. Ф. Стравинского, С. С. Прокофьева, Н. Я. Мясковского. До 1912 г. они устроили 56 камерных концертов⁶⁹.

Возникшее в 1859 г. Русское музыкальное общество также было детищем общественности и несомненным проявлением культурно-просветительских демократических идей 60-х годов в области образования. Сразу же оно открыло бесплатные классы пения и «элементарный класс теории музыки». Созданное в 1860 г. Московское отделение РМО также начало с бесплатных классов хорового пения, с элементарного музыкального класса с платой 1 р. в месяц, устраивало общедоступные народ-

ные концерты с дешевыми билетами, вскоре использовав для этого огромное здание Манежа, где могло поместиться 10—12 тыс. слушателей.

Успех первых опытов музыкального просвещения дал возможность пойти дальше. Были открыты консерватории (в Петербурге 20 сентября 1862 г. и в Москве 1 сентября 1866 г.) — профессиональные учебные заведения, положившие начало распространению музыкальных училищ и школ. Во главе музыкального образования стояли преданные этому делу А. Г. Рубинштейн, К. Ю. Давыдов, Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов в Петербургской консерватории, Н. Г. Рубинштейн, С. И. Танеев, П. И. Чайковский, М. М. Ипполитов-Иванов в Московской консерватории и другие высокоталантливые люди.

Русское музыкальное общество было полезной для своего времени организационной формой, узаконившей инициативу открытия частных музыкальных учебных заведений. Но оно не было собственно организацией музыкантов. Это был скорее аристократический платный клуб любителей музыки.

В 1861 г. РМО имело 550 членов. Во главе его номинально стояли, как полагалось для «украшения» фасада культуры царской России, члены семьи Романовых (великая княгиня Елена Павловна, великий князь Константин Николаевич, затем его вдова и др.). Консерватории и музыкальные училища РМО находились в ведении Министерства внутренних дел. Главная дирекция РМО, созданная в 1865 г., была связана с Министерством двора и стала бюрократической инстанцией, контролировавшей развитие музыкального искусства⁷⁰.

Петербургская и Московская консерватории ставили практическую цель подготовки кадров для развивающегося театра, причем не только музыкантов, но и драматических и оперных артистов. Постепенно они повышали и общеобразовательный уровень своих воспитанников, от которых первоначально не требовалось ничего, кроме подходящего возраста, знания грамоты и нот. Так как далеко не все учащиеся намеревались стать профессионалами, учебная система больше требовала от способных, включая их в ограниченный контингент с меньшей платой за обучение, давая им стипендии, а наиболее одаренных обучая бесплатно. Сверхкомплектные, принимаемые в неограниченном количестве за высокую пла-

ту, давали консерваториям необходимые средства для поддержания их бюджета и повышения оплаты педагогов.

Общеобразовательные классы, обязательные для получения диплома, были доведены в Петербургской консерватории к 1882 г. до программы шестиклассного реального училища. В Московской консерватории они стояли на более высоком уровне: 6-й и 7-й годы обучения посвящались лекциям по всеобщей литературе, истории культуры, истории музыки и т. д. С 1886 г. были введены приемные экзамены по всем специальным и обязательным предметам. Среди учащихся преобладали разночинцы — дети купцов, мелких дворян, священников, военных, в небольшом количестве дети крестьян и ремесленников.

Первые уставы столичных консерваторий давали выпускникам в зависимости от успехов диплом на звание свободного художника или аттестат. Комитет министров, обсуждавший устав Петербургской консерватории, настаивал, чтобы звание свободного художника присваивалось «с самой строгою разборчивостью», подчеркивая цель правительства — «постоянно ограничивать способы приобретения прав почетного гражданина»⁷¹. Звание свободного художника давало личное почетное гражданство, освобождение от рекрутчины и податей и право жительства, но не давало права на чин при вступлении на государственную службу. Надо признать такой социальный статус музыкальной профессии для того времени (первые пореформенные годы) достаточно высоким. В те годы, например, успешно окончивший курс Петербургского технологического института инженер со званием технолога 1-го разряда тоже приобретал личное почетное гражданство.

В 1878 г. столичные консерватории получили статус высшего учебного заведения. При этом значительно увеличивались требования и сроки обучения в инструментальных классах. Новый устав не отразился на правах выпускников. Только в декабре 1902 г. окончившим курс консерваторий и музыкальных училищ РМО были предоставлены права государственной службы. Но положение преподавателей было повышено: им присваивалось за выслугу лет звание профессора, они признавались состоящими на государственной службе с правом на награды и пенсии. Совет профессоров мог награждать вы-

дающихся артистов званием почетного члена консерватории.

16 октября 1905 г. министр внутренних дел утвердил автономию консерваторий. Художественный совет получил право избирать директора на трехлетний срок из среды профессоров (его должен был утверждать председатель главной дирекции РМО) и право руководить учебной жизнью. Директором Петербургской консерватории был избран А. К. Глазунов, и в нее были возвращены уволенный Н. А. Римский-Корсаков и ушедшие вслед за ним профессора.

Несмотря на известную неполноценность общеобразовательной подготовки, отмечавшуюся главным образом у воспитанников Петербургской консерватории (многие из которых восполняли свой культурный уровень самообразованием), консерватории выпускали высококвалифицированных специалистов. Устав определял их как «оркестровых исполнителей, виртуозов на инструментах, концертных певцов, драматических и оперных артистов, капельмейстеров, композиторов и учителей музыки». Н. А. Римский-Корсаков делил учащихся на две категории: людей со средними способностями, из которых выходили кадры «художников музыкального ремесла» — вокалисты и оркестранты на вторые партии или пианисты-ансамблисты; в них в первую очередь тогда нуждалась музыкальная культура страны. Другая категория — люди с выдающимися исполнительскими или композиторскими способностями — «художники музыкального искусства»: концертные виртуозы, солисты — певцы и инструменталисты, концертмейстеры в оркестрах, композиторы, дирижеры; они должны были пройти повышенную дополнительную программу обучения на принципе добровольности⁷².

Воспитанники консерваторий способствовали расширению музыкально-вокальных кадров. Они создали местные отделения РМО и музыкальные училища в Казани, Тифлисе, Калуге, Тамбове, Харькове, Риге, Вильно и других городах. Особую активность проявляли отделения РМО в Киеве, Одессе и Саратове, где были основаны три новые консерватории с правами высших музыкальных учебных заведений. Музыкальный институт существовал в Варшаве. Дипломы и аттестаты этих заведений давали право на должность учителя музыки, музыканта в императорских столичных и Варшавском

театрах, в военных оркестрах и церковных хорах и т. п. Перед революцией 1917 г. в системе РМО имелось 53 местных отделения, 5 консерваторий, 25 музыкальных училищ и 23 музыкальные школы⁷³.

Существовало также немало хороших частных курсов. В Петербурге — Музыкально-вокальные и драматические курсы Б. В. Поллака и Музыкально-драматические курсы Е. П. Рапгофа (с 80-х годов). В Москве — музыкальная школа П. А. Шостаковского (с 1878 г.), преобразованная позже в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, в 1886 г. получившее права высшего учебного заведения. С середины 90-х годов в Москве славилась музыкальная школа Гнесиных (с 1953 г. — Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных). Пению учили также Придворная певческая капелла и Московское синодальное училище церковного пения, основанное в 1886 г., — выдающиеся школы хорового мастерства.

Деятели музыкальной культуры постоянно стремились приобщить к искусству широкие слои населения. Еще в 70-х годах Московская консерватория организовала хоровые классы в городских училищах и оказывала помощь Русскому хоровому обществу (1878—1915), которым руководили А. С. Аренский и М. М. Ипполитов-Иванов. Осенью 1906 г. по инициативе Е. Э. Линевой в Москве была создана Народная консерватория в качестве автономной «музыкальной секции» Московского общества народных университетов. Многих привлекали ее хоровые классы; в 1907 г. в них училось свыше 600 человек, среди них конторщики, студенты, приказчики, фабричные рабочие и мастеровые. Около 50 учеников было в классах сольного пения⁷⁴. В 1910 г. М. Е. Пятницкий основал народный хор, с большим успехом выступавший в концертах.

Обратимся теперь к численности музыкальных кадров. Число учащихся консерваторий непрерывно росло. В Петербурге в год открытия было 179 человек, в 1887/88 г. — 620, в 1907/08 г. — 1378, к 1917 г. — 2509 человек. В Москве в первом году было 150 человек, в 1880/81 г. — 386, в 1904/05 г. — 626 человек. Петербургская консерватория с 1865 по 1912 г. выпустила 2013 музыкантов (в том числе 1425 с дипломами), а всего до 1917 г. — около 2500. Московскую консерваторию с 1870 по 1900 г. окончили 500 человек, из них 139 с медалью.

Больше всего было пианистов. Только за 1906—1907 гг. профессора подготовили: К. П. Игумнов — 87 пианистов, А. Б. Гольденвейзер — около 90, Н. Е. Шишкин (с 1906 по 1912 г.) — около 50. За то же время были выпущены 46 скрипачей, 11 виолончелистов, 7 арфистов, по классу духовых инструментов — 59, по теоретическому отделению — 16 человек. В 1914 и 1915 гг. Московская консерватория выпустила 52 свободных художника и 46 педагогов (преимущественно женщин) ⁷⁵.

Какое применение находил труд образованных профессионалов? Музыка давала средства к жизни многим сотням, если не тысячам учителей музыки и пения; они преподавали в средних школах, а также давали частные уроки.

Лучшие деятели музыкальной культуры становились преподавателями консерваторий и музыкальных училищ, воспитывая молодежь и заботливо выращивая новые таланты. В Петербургской консерватории в 1862—1917 гг. вели работу 247 преподавателей, большинство — воспитанники этой же консерватории; многие получили образование в заграничных консерваториях и у иностранных музыкантов, 17 человек — у частных учителей музыки в России. В Московской консерватории в 1866—1917 гг. преподавали 130 человек. Из них 59 окончили эту же консерваторию, 20 — Петербургскую, 38 учились за границей ⁷⁶.

Профессионально подготовленные певцы (солисты и хористы) и оркестранты входили в труппы императорских театров и во множество частных трупп. Оркестранты Мариинского и Большого театров отличались высокой квалификацией и культурным уровнем. Директор императорских театров В. А. Теляковский писал в 1905 г.: «Оркестр наш в подавляющей части состоит из артистов, кончивших консерваторию, а многие из них носят звание профессоров консерватории и серьезных музыкальных школ» ⁷⁷.

Московские оркестранты одни из первых в театральной среде организовали в начале XX в. Московское общество взаимопомощи оркестровых музыкантов. Деятельным участником его был М. М. Ипполитов-Иванов.

Начало XX в. принесло новый расцвет и музыкальному театру. Оживление музыкальной культуры сопровождалось появлением музыкальной периодики, развитием квалифицированной критики. С 1894 по 1918 г.

выходила «Русская музыкальная газета», позже и ряд журналов, отражавших борьбу направлений в современной музыке.

В музыкальном театре выдвинулись крупнейшие певцы, слившие свое искусство с проникновенной реалистической актерской игрой, среди них Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. В. Ершов, А. В. Нежданова. Большая роль в обновлении репертуара принадлежала частной опере С. И. Мамонтова, где впервые созрел талант молодого Шаляпина. Этот московский театр за несколько лет с конца 90-х годов XIX в. поставил почти все шедевры русской оперной классики, для которых до того не находилось места на закосневшей сцене императорских театров.

Театр Музыкальной драмы, открытый в Петербурге в декабре 1911 г., отказывался от традиционных условностей оперной сцены, ставя задачей соединить музыку и пение с глубиной драматической игры и тем приблизить оперную музыку к пониманию широких масс. Инициатором и организатором театра был И. М. Лапицкий, театральный критик, при поддержке Станиславского сделавшийся оперным режиссером. В театре господствовала «атмосфера благоговейного отношения к театрално-музыкальной работе», — отмечает историк театра певец С. Ю. Левик. — «Только с энтузиастической молодежью и можно было развить такую деятельность»⁷⁸.

Подготовка квалифицированных музыкальных кадров дала возможность обогатить музыкальную жизнь России небывалым подъемом концертных выступлений. Широко развиваются симфонические концерты, несущие слушателям мировую классику и русскую национальную музыку. Среди многих из них отметим неутомимую деятельность симфонического оркестра С. А. Кусевицкого, с 1908 г. с огромным успехом гастролировавшего в столицах и городах Поволжья. В его репертуар входила также пропаганда новой музыки А. Н. Скрябина, С. С. Прокофьева и других молодых русских композиторов, отражавших в своем творчестве тревоги, надежды и стремления революционной эпохи.

Творческие силы композиторов России оформились в профессиональное объединение только после Октябрьской революции. Организованный в 1932 г. Союз композиторов СССР в 1976 г. насчитывал более 1900 членов⁷⁹.

7. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ

На рубеже столетий наступил перелом в истории России: ее рабочий класс вырос и выпрямился как могучая социальная сила, способная возглавить революционную борьбу против самодержавия, а затем и против капиталистического строя. Этому предшествовала почти полувекковая эпоха, когда недовольство народных масс, их горести, обиды, протест и мечты о справедливом обществе выражала революционно-демократическая интеллигенция, сумевшая не только выразить освободительные стремления закабаленных и безгласных народных масс в великолепной русской публицистике 60—80-х годов, но и создать революционное подполье — сильные для своего времени организации профессиональных революционеров. Практический опыт революционно-демократического подполья был унаследован русскими социал-демократами; для них первоочередной задачей в подготовке народных масс к политической борьбе стало формирование политического авангарда рабочего класса, партийной интеллигенции из рабочих. Эту сложную задачу целенаправленно и успешно решали большевики во главе с В. И. Лениным.

Факты массового сочувствия, помощи и поддержки деятельности революционных партий представителями интеллигенции обильно освещены в нашей исторической литературе. Следует сказать здесь также о неутомимой работе политического Красного Креста — нелегальной межпартийной организации, опиравшейся на беспартийную интеллигенцию, имевшей свои группы в разных городах и крупные центры в столицах. Красный Крест организовал многочисленные публичные мероприятия — концерты, лекции, вечера и т. п., конспиративно собирая средства для помощи политическим заключенным и ссыльным и реализуя эту помощь.

Что касается массового участия профессиональных групп интеллигенции в политической борьбе с самодержавием, то оно прежде всего выражалось в самоотверженной защите своего нужного обществу профессионального дела. Не наемниками и продавцами своей рабочей силы сознавали себя передовые интеллигенты всех профессий, писал В. И. Ленин в 1901 г., а гражданами, исполняющими «определенные общественные функции» и понимающими «всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела...»¹. Об этом рассказано в предыдущих главах.

В этой главе мы сосредоточимся на двух темах: на попытке политического объединения буржуазно-демократической интеллигенции — Союзе союзов, организации, отразившей стремления, настроения и колебания широких слоев интеллигенции в 1905—1906 гг., и на участии интеллигенции в массовых политических партиях.

В истории Союза союзов нас будут интересовать его происхождение, состав, структура, а также существенный вопрос об эволюции общественно-политического лица этой организации и сближении ее политической ориентации с тактикой революционных партий.

Вокруг происхождения Союза союзов накопилось много толкований. Его зарождение обычно связывают с планами Союза освобождения — организации буржуазных либералов, претендовавших на руководство борьбой за монархическую конституцию. В этих планах предполагалось несколько этапов воздействия на общество; медленные темпы организации буржуазной оппозиции соответствовали умеренной политической программе правого крыла буржуазной интеллигенции. То, что освобожденцы планировали как «мобилизацию всех общественных сил страны», вылилось в ряд оппозиционных выступлений в так называемой банкетной кампании. Из 39 таких выступлений в ноябре — декабре 1904 г. лишь менее трети выдвинули требование созыва Учредительного собрания, но и в этой трети большинство обходило молчанием важнейший вопрос об избирательном праве, то есть о реализации этого лозунга. И лишь в единичных случаях выставлялась четырехчленная формула для выборов — на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

К 20 ноября 1904 г., ко второму съезду Союза освобождения, было подготовлено предложение «начать агитацию за образование союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей и других лиц либеральных профессий, организацию их съездов, выбор ими постоянных бюро и объединение этих бюро как между собой, так и с бюро земских и городских деятелей в единый Союз союзов». Однако это предложение не было внесено открыто, а реализовалось в дальнейшей тактике Союза освобождения³.

Но не успели еще сложиться проектируемые союзы буржуазной интеллигенции (и именно ее элитарной верхушки), как в этот план вмешалась история — расстрел массовой демонстрации петербургских рабочих. События 9 января, с которых началась революция 1905 года, стали важнейшим этапом в политическом развитии интеллигенции. Это было общепризнанным фактом. На учредительном съезде Союза союзов признавалось, что поводом к образованию политическо-профессиональных союзов «послужило великое историческое событие 9 января 1905 г.», когда рабочий класс Петербурга впервые выступил как масса на историческую сцену со своими социальными и политическими требованиями⁴.

Во второй главе мы видели, как реагировали различные группы интеллигенции на 9 января. Именно в этот период появляются и готовятся критические «записки» о положении науки, просвещения, литературы, искусства. Как продолжение предшествовавшей борьбы за профессиональное дело возникают союзы учителей, врачей и др. Однако некоторые новые союзы — адвокатов, профессоров — действительно носят отпечаток своего происхождения: в них как бы реализуется подготовка освобожденцами Союза союзов.

Учредительный съезд Союза союзов происходил 8—9 мая 1905 г. в Москве в особняке В. А. Морозовой на Воздвиженке («Португальский замок»), где многократно собирались московские либералы, где появился и вернувшийся из-за границы П. Н. Милюков. Здесь, как он вспоминал, «люди нашего типа чувствовали себя как дома»⁵.

Милюков был председателем всех трех съездов Союза союзов в 1905 г. На первом съезде присутствовали 60 делегатов от 14 объединений. К участию в нем широко привлекались союзы, даже еще находившиеся в стадии

организации. Хотя Учредительный съезд считался делегатским, но к этому времени не сформировались еще ни Союз учителей, ни Союз медицинского персонала, ни некоторые другие. Представителями этих номинальных союзов были их инициативные группы.

Милюков в своих статьях 1905 г. стремился подчеркнуть политическое единство буржуазно-демократических элементов Союза союзов и их отличие от организаций имущих классов и от «партии пролетариата». Он писал: «Принадлежность огромного большинства членов союзов к свободным профессиям и лицам, живущим личным заработком, несомненно, налагает печать единства» на их политические симпатии и политическую психологию, отделяя их «как от партии пролетариата, так и от земцев и горожан-цензовиков». Но вместе с тем он писал и о необходимости расширения группировки свободных профессий в более широкую — «трудящихся классов вообще», звал к примирению разногласий, к прекращению внутренних раздоров в рядах союзов и т. д.⁶

Для усиления престижности Союза союзов Милюков находил необходимым вовлечь в него «трудящиеся классы вообще», но при этом не допустить трудовую интеллигенцию к сближению с пролетариатом. «Вся либеральная буржуазия, — писал В. И. Ленин по поводу «профессионально-политических» союзов интеллигенции, — из кожи лезет теперь, чтобы помешать образованию вполне самостоятельной классовой партии пролетариата, чтобы «объединить» и «слить» *все* «освободительное» движение в один поток демократизма ради прикрытия *буржуазного* характера этого демократизма»⁷.

На съезде 8—9 мая был принят осторожно сформулированный устав, который скорее соответствовал не политической организации, а исполнительному бюро. Союз союзов объявлялся «органом, объединяющим на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма», а целью его — «правильные сношения с союзами и выполнение действий, признанных союзами, для достижения их общей политической цели»⁸. Оставив союзу чисто посреднические и исполнительские функции, сознательно отказавшись от уточнения политических задач, избегая даже упоминания об Учредительном собрании, руководители первого съезда усиленно проповедовали беспартийность Союза союзов и объеди-

няемых им «профессионально-политических» союзов. Они не должны были входить ни в одну партию, хотя могли иметь в своем составе членов разных партий, за исключением реакционных. Органом Союза союзов являлись делегатские съезды и центральное бюро, включавшее по два представителя от каждого союза. Организационные принципы так и не были вполне выработаны до конца существования Союза союзов: отсутствовал какой-либо критерий для вступления в него, за исключением ведения «борьбы за политическое освобождение России на началах демократизма». Более подробное определение политической платформы было признано излишним. Было решено не обставлять прием новых членов никакими заранее определенными условиями⁹.

Создание беспартийного Союза союзов с неопределенной политической целью было тогда же оценено московскими большевиками как маневр, который в ближайшем будущем приведет к господству в нем резко партийной окраски в духе освобожденческой партии, в то время преобладавшей среди интеллигенции, и подчинит союз руководству буржуазных либералов. На съезде выступил С. И. Мицкевич с заявлением от Московского комитета РСДРП о невозможности участия в Союзе союзов социал-демократов, для которых политическая борьба «неразрывно связана с классовой» и возможна только под знаменем социал-демократии. Эта позиция по отношению к Союзу союзов была позже всецело санкционирована В. И. Лениным в «Пролетарии»¹⁰.

Позиция большевиков, разъяснявших смысл тактики «беспартийности» Союза союзов, и катастрофа русского флота под Цусимой (15 мая), усилившая революционные настроения в стране, заставили руководство союза быстро повернуть влево, экстренно созвав 24—25 мая второй, делегатский съезд. Но прежде чем говорить о политической эволюции Союза союзов, рассмотрим вопрос о составе и численности входящих в него союзов, до сих пор почти не разработанный.

Учредительный съезд объединил 14 союзов: 1) академический, 2) адвокатов, 3) агрономов и статистиков, 4) врачей, 5) ветеринаров, 6) железнодорожных служащих, 7) журналистов и писателей, 8) земцев, 9) женского равноправия, 10) равноправия евреев, 11) инженеров, 12) конторщиков и бухгалтеров, 13) учителей, 14) фармацевтов.

О происхождении и общественном лице некоторых из этих союзов говорилось выше. Союз ветеринаров, представитель которого жил в Кронштадте, и Союз агрономов и статистиков, представитель которого (одновременно представлявший и Крестьянский союз) жил в Москве, не дали сведений о своей численности.

В Союзе союзов оказался также Союз конторщиков и бухгалтеров — один из первых полупролетарских профессиональных союзов. Приглашение его на учредительный съезд, так же как и Союза железнодорожников, соответствовало милюковской тактике привлечения «трудящихся классов вообще». Председатель Союза конторщиков меньшевик Д. Ф. Сверчков был просто «приглашен» на съезд В. П. Громаном, представителем еще номинального в тот момент Союза агрономов и статистиков¹¹.

Крупный и радикально настроенный Союз конторщиков вместе с фармацевтами и на первых порах железнодорожниками представлял «левую» Союза союзов. К ноябрю 1905 г. он имел 16 местных отделов и более 7000 членов. Он выступал и самостоятельно. Так, в сентябре 1905 г. Союз конторщиков обратился с открытым письмом к съезду земских и городских деятелей, критикуя проект булыгинской думы. 14 октября он приветствовал революционную борьбу железнодорожников и присоединился к всеобщей стачке, обещая всеми силами вести агитацию за то, чтобы Учредительное собрание установило демократическую республику. 3 ноября он присоединился к забастовке, объявленной Советом рабочих депутатов, под лозунгами — долой полевые суды, смертную казнь, военное положение в Польше и во всей России¹².

Присутствие в Союзе союзов такого союза среди довольно мелких и слабых организаций высококвалифицированной интеллигенции ярко освещает общественную атмосферу, когда под влиянием революционной борьбы рабочих раскачивались прежде малоподвижные городские слои, тянувшиеся к пролетариату. Но поскольку пролетарские профсоюзы еще не успели сложиться (только в ноябре 1905 г. появилось Петербургское бюро профсоюзов), часть этих слоев прибывало к буржуазно-демократическим объединениям.

Характерно, что к Союзу союзов тянулись также организации, не имевшие профессиональной основы. Союз земцев-конституционалистов — организация оппозиционных помещиков, перестроившихся на капиталистические

рельсы, либерального меньшинства земских органов самоуправления. Эта созданная в ноябре 1903 г. нелегальная, но крайне умеренная политическая группа, настойчиво стремившаяся к соглашению с самодержавием, формально вошла в Союз союзов, но была в нем как бы чужеродным телом и после первого съезда не принимала никакого участия в его делах, хотя и числилась в его составе.

В Союз союзов вошел Союз достижения равноправия для евреев в России. Неравноправие евреев заключалось не только в лишении их права на государственную службу, в недоступности для них многих вузов и в процентной норме, но и в систематическом преследовании их властью на основе национальной и религиозной дискриминации.

В бурные революционные годы расправа с демократическими элементами путем черносотенных погромов, поощрявшихся правительством, обрушивалась прежде всего на евреев и на интеллигенцию. Протест против этих насилий громко звучал в выступлениях всех демократических организаций, в том числе и Союза союзов.

Союз достижения равноправия евреев был создан 25—27 марта 1905 г. на совещании еврейских общественных деятелей в Вильно, которые съехались из 31 города, а затем занялись привлечением новых членов на местах. Центральное бюро союза находилось в Петербурге. В ноябре 1905 г. союз имел отделы в 164 городах и насчитывал 7500 членов. В программу этой либеральной организации входила «свобода национально-культурного самоопределения во всех его проявлениях: в широкой автономии общин, свободе языка и школьного обучения»¹³.

Союз равноправности женщин организовался в Москве на делегатском съезде 6—11 мая 1905 г., то есть одновременно с Союзом союзов. Инициатором его был кружок, сложившийся в феврале 1905 г. из 18 деятельниц, близких к Союзу освобождения. На первый съезд собралось более 70 человек из 19 городов Европейской России; к началу октября, ко второму делегатскому съезду, имелось уже 48 местных отделений. Это был очень активный и живой союз женской интеллигенции; в него входили учительницы, врачи, писательницы, курсистки и т. п. Наибольшая численность союза приходится на конец 1905 — начало 1906 г. — до 8000. Самыми крупными от-

делениями были Московское и Петербургское, к осени 1905 г. имевшие по 270—280 членов. Бессменной председательницей союза была М. А. Чехова. В 1906—1908 гг. из-за политических разногласий организация прекратила свою деятельность.

Несмотря на то что Союз равноправия женщин отказался от выработки теоретической программы, он на первом же своем съезде постановил отзываться на каждое важное событие в политической жизни страны и помогать революционным партиям. Союз посылал делегатов «в возможно большее количество общественных и политических организаций», упорно добиваясь внесения в их требования избирательного права для женщин. Члены союза работали в Московском стачечном комитете, в комитете самообороны, в комиссиях по помощи ссыльным членам Крестьянского союза, амнистированным, безработным, голодающим, бастующим рабочим и служащим, пострадавшим от разгрома восставшей Пресни, от погромов и т. д. Они боролись против смертной казни, требовали суда над редакцией «Московских ведомостей» за напечатание черносотенного призыва к убийству «крамольников».

Свое решение помогать революционным партиям Союз равноправности женщин осуществлял путем самообложения и сбора средств, из которых выдавалось по 40% партиям эсеров и социал-демократов, по 15% политическому Красному Кресту и по 5% семье казненного И. П. Каляева. За 1905—1906 гг. союз собрал значительные средства на помощь освободительному движению: его центральное бюро истратило на эти цели 12 тыс., Московское отделение — 20 тыс. р.¹⁴

Несмотря на политическую незрелость, либеральные иллюзии, отмечает советский историк З. В. Гришина, «первая в России женская политическая организация в наиболее напряженные моменты революции 1905—1906 годов сумела найти свое место в лагере демократических сил»¹⁵.

С Союзом союзов соприкасались также крупные союзы профессионального характера. По своему социальному составу, как и по массовому характеру своих выступлений, они шли самостоятельным путем и не были практически связаны с Союзом союзов. Это Союз железнодорожных служащих, делегаты которого присутствовали только на первых съездах Союза союзов, и Союз почтово-

телеграфных служащих, попавший в орбиту Союза союзов в конце 1905 г.

Созданию Союза железнодорожников предшествовали забастовки на дорогах местного значения уже в январе — феврале 1905 г. 20—21 апреля в Москве представителями десяти железных дорог, в том числе семи дорог Московского узла, был создан центр движения. В мае — июне Всероссийский Союз железнодорожников объединял уже 6000 членов (15% всех штатных служащих), а к июлю охватил 22 железные дороги из 33 дорог общего значения. Железнодорожники широко поняли роль забастовки как мощного средства революционного наступления. В них участвовали низшие, наиболее плохо оплачиваемые служащие, выставляя экономические и правовые требования. Второй съезд Союза железнодорожников 22—23 июля единогласно решил готовить всеобщую забастовку, и эта задача поглотила все силы союза¹⁶.

Железнодорожные забастовки в октябре и декабре 1905 г., как известно, высоко подняли напряжение революционных событий и ускорили отступательные маневры царизма.

Какие же отношения сложились между Союзом союзов и Союзом железнодорожников — организациями, несоизмеримыми по своим силам и задачам?

Первоначально рабочие железнодорожных мастерских, наиболее квалифицированная и сознательная часть железнодорожников, не участвовали в работе своего союза, считая его под влиянием большевиков «мелкобуржуазной интеллигентской организацией», поскольку в его центральном бюро почти не было рабочих. Такое же недоверие проявилось и по отношению к Союзу союзов. Делегат Союза железнодорожников, один из его руководителей, инженер В. В. Романов, сочувствовавший большевикам, присутствовал на двух первых съездах Союза союзов и был членом его центрального бюро, но занимал предписанную ему «исключительно информационную позицию». После июльского съезда железнодорожников, когда вопрос об общей забастовке вошел «в фазу конкретных действий», опережавшую действия других союзов, отношения с Союзом союзов, утверждает Романов, «вступили в чисто академическую стадию», а ко второй половине сентября фактически прекратились. Железнодорожный союз не был представлен даже в организационном бюро Союза союзов, созданном осенью 1905 г. для под-

держки рабочего движения, куда вошли представители почти всех других союзов.

В. В. Романов оставил одностороннюю оценку освобожденческого влияния в петербургских кругах Союза союзов и характеризовал его как «условную информационную организацию», которой вплоть до конца 1905 г. не удалось сформироваться. Таким образом, он не увидел сложной борьбы общественных течений в рядах Союза союзов¹⁷.

Из массовых союзов 1905 г., соприкасавшихся с деятельностью Союза союзов, крупнейшим был Крестьянский союз. Он был «инкорпорирован» на втором съезде Союза союзов 24—25 мая, то есть принят в стадии его организации¹⁸.

Начало союзу было положено на съезде крестьян Московской губернии 5 мая 1905 г., после которого создание подобных организаций охватило и другие районы. Нелегальный учредительный съезд союза состоялся в Москве лишь 31 июля — 1 августа того же года. К этому времени организации союза имелись в 80 волостях, а среди участников съезда было более ста крестьян из 22 губерний Европейской России. Были созданы главный комитет союза и центральное бюро содействия союзу, которое стало фактически его руководящим органом, в разных формах сплачивавшим крестьянское движение. Опираясь на это движение, вылившееся в захват помещичьих земель и разгром имений, Крестьянский союз с ноября стал массовой организацией. К концу 1905 г. он объединял 470 сельских и волостных отделений в Европейской России и имел до 200 тыс. членов, не считая Сибири и Дальнего Востока.

На второй съезд Крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г. в Москве собрались 187 делегатов (в том числе 145 крестьян) из 75 уездов 26 губерний. Съезд принял народническую аграрную программу и ряд решений — о радикальной демократизации управления, об уничтожении постоянной армии и замене ее народным ополчением, о введении обязательного и бесплатного пятилетнего народного обучения и др. Подготавливая всеобщую стачку крестьян и батраков совместно с рабочими, Крестьянский союз в ноябре 1905 г. предъявил правительству ультиматум, требуя немедленного закона о выборах в Учредительное собрание, отмены исключительных законов, амнистии участникам крестьянских волнений, отмены военного суда над участниками Кронштадтского восстания¹⁹.

В декабре 1905 г. Крестьянский союз подвергся разгрому, продолжавшемуся несколько месяцев. Руководители его были арестованы, многие тысячи крестьян попали в тюрьмы, многие сотни его членов были сосланы в северные губернии и в Сибирь.

Крестьянский союз, руководимый в основном народнической земской интеллигенцией и эсерами, по характеристике В. И. Ленина, «в дни свободы был одной из самых могучих реальностей», это была «действительно народная, массовая организация... безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы...»²⁰.

Ни организация, ни деятельность Крестьянского союза не вмещалась в рамки Союза союзов. Пребывание в Союзе союзов для Крестьянского союза оставалось номинальным. Однако оно было симптомом большой тяги революционно-демократических организаций к соединению сил и поиску руководства. Местные организации Крестьянского союза иногда присоединялись к местным Союзам союзов. Так, Северное бюро содействия Крестьянскому союзу входило в Петербургский Союз союзов.

Если на втором съезде Союза союзов 24—25 мая отсутствовали представители от земцев и от Академического союза, то на третьем съезде 1—2 июля 1905 г. уже не участвовали железнодорожники, а союзы агрономов, ветеринаров и Крестьянский союз, приславшие делегатов, вновь не дали сведений о своих членах.

На втором съезде Союза союзов в него вошел небольшой Союз учителей средней школы, а на третьем был принят Союз лесоводов и техников, также в порядке заявки. При этом учитывалось, что новый союз имел уже 100 членов, хотя часть их входила в Союз инженеров и техников. Первоначальная платформа этого союза была выработана на совещании 28—30 мая 1905 г., но его организационное оформление произошло только 4—7 декабря 1905 г. на съезде в Петербурге. В нем участвовало 66 человек, а всего к тому времени союз насчитывал 90 членов, что считалось достижением ввиду «исключительной разрозненности друг от друга деятелей лесного дела»²¹.

Четвертый делегатский съезд Союза союзов отделяет от третьего более полугодом (он был назначен на октябрь, потом на декабрь, но состоялся 14—16 января 1906 г.).

В период подъема революции образовалось много местных отделов, вошедших в местные Союзы союзов. В конце 1905 г. в Союз союзов вошли три новых союза: служащих в правительственных учреждениях, почтово-телеграфных служащих и Союз сценических деятелей, вступивший в конце ноября.

Союз «чиновников», как его называли, был профессионально-политической организацией низших служащих — «тружеников правительственного механизма», вовлеченных в поток общественного движения революционными событиями. Он возник в Петербурге в мае 1905 г. и имел около 600 членов. 14 октября на собрании в Петербургском университете служащие требовали Учредительного собрания, устранения административного произвола и т. д.; они участвовали в политической забастовке, а 17 ноября приняли устав Всероссийского союза служащих в правительственных учреждениях. Его скромная программа соответствовала самой ранней освобожденческой программе Союза союзов — «объединение для посильного участия в общем освободительном движении сторонников преобразования государственного строя России на демократических началах». Съезда у них не было, союз был оформлен в декабре 1905 г. делегатским собранием Петербургского отдела. Их профессиональные требования касались улучшения общественного и материального положения низших служащих²².

Союз почтово-телеграфных служащих, как и Союз железнодорожников, имел дело с неоднородной профессиональной средой. В этом ведомстве было около 500 высших чиновников. Среди 18 тыс. чиновников разных градаций огромное большинство получало 24—37 р. в месяц, это был, по определению В. И. Ленина, настоящий «чиновнический пролетариат»; остальные, почти 30 тыс. «низших служащих», получали «буквально голодные платы» — 10—33 р.²³ Низшие слои почтово-телеграфных работников были наиболее подвижной силой, протестовавшей против усиливавшейся эксплуатации своего труда.

Конспиративная подготовка к организации Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих началась с июля 1905 г. 14 октября союз был оформлен на митинге работников связи в Москве, избравших центральное бюро. 15 октября открылся Всероссийский делегатский съезд, продолжавшийся до 6 декабря; все это время съезд занимался выработкой профессиональных требований,

программы и устава союза. Среди его 109 участников было 80 делегатов из 40 с лишним губерний. Вместе с тем революционная обстановка заставила съезд сразу же, с первого дня, включиться в общее наступление против царизма — он стал стачечным комитетом, центром грандиозной политической забастовки работников почты и телеграфа, которая сыграла огромную роль в ходе революционных событий. В ноябре—декабре 1905 г. в 28 почтово-телеграфных округах бастовало около 9700 человек (66% общего числа работников связи этих округов).

Союз союзов принял почтово-телеграфных служащих в декабре 1905 г., в период начавшихся массовых арестов и увольнений членов этого союза, и оказал ему значительную помощь. Но вопрос о вступлении в Союз союзов вызывал споры и колебания на съезде почтовиков. 20 ноября съезд решил не присоединяться к Союзу союзов, так как «интересы последнего, как буржуазной организации, не соответствуют интересам пролетариата», к которому съезд причислял работников связи. 22 ноября было решено примкнуть к Петербургскому Совету рабочих депутатов. Однако сторонники присоединения к Союзу союзов добились посылки туда депутата с совещательным голосом: это оставляло за Союзом почтово-телеграфных служащих свободу действий²⁴.

В документах Союза союзов сохранились сведения о помощи революционной общественности уволенным забастовщикам почтово-телеграфного ведомства в ноябре—декабре 1905 г.: Петербургский Союз союзов передал для них 3700 р., Союз инженеров — 1035, Союз «чиновников» — 897, Совет рабочих депутатов — 2000, рабочие Франко-русского завода — 1140 и т. д. — всего 12 тыс. р.²⁵

Кроме перечисленных объединений, входивших так или иначе в Союз союзов, у него имелись местные коллективы, включавшие по территориальному признаку местные отделы различных союзов. Самым значительным из местных союзов был Петербургский, действовавший иногда совместно с центральным бюро и в сущности руководивший делами Союза союзов. Вступление в Петербургский Союз союзов в организационном отношении было равносильно вступлению во Всероссийский Союз союзов — так обстояло дело с принятыми в конце ноября — начале декабря 1905 г. союзами «чиновников», сцениче-

ских деятелей, художников, Союзом почтово-телеграфных служащих и Союзом книгоиздателей для борьбы за свободу печати.

Большой интерес представляет состав других местных Союзов союзов, включавший самые разнообразные мелкобуржуазные организации, охваченные стремлением к политической активности. Этот социальный слой был много шире, чем круг профессиональной интеллигенции. Так, Польский Союз союзов объединял 13 союзов: польских учителей, врачей, фармацевтов, инженеров и техников, прогрессивных адвокатов, прогрессивных писателей, банковских служащих, служащих в торговых заведениях, служащих в правительственных учреждениях, служащих на железных дорогах Царства Польского, Союз фабричных рабочих, а также две непрофессиональные организации: Союз товариществ общественной самопомощи и Ченстоховский союз женщин. Ревельский Союз союзов состоял из союза инженеров, двух союзов учителей — низшей и средней школы, союзов конторщиков, служащих на фабриках и заводах, почтово-телеграфных служащих, железнодорожников, а также родительского союза. Юрьевский Союз союзов включал две академические группы (55 человек), два союза учителей (по 20 и 65 человек), фармацевтов (40 человек), железнодорожников (110 человек) и Союз женского равноправия (20 человек). Московский Союз союзов состоял из 16 союзов, в том числе почтово-телеграфных служащих, железнодорожников, крестьянского, а также земских и городских служащих и Пироговского общества врачей²⁶.

Отметим, что Союз служащих Московского губернского земства, созданный в марте 1905 г. и включавший также служительский и рабочий персонал, выработал для себя оригинальную структуру. Органы союза должны были иметь «земско-служебный характер», то есть представлять земские коллегиальные учреждения, открывающие возможность автономии и самоуправления (как съезды врачей, санитарные и больничные советы, училищные советы с выборным представительством от учителей). Таким образом, здесь на первое место ставилось улучшение отраслей земского дела. По этому принципу в сентябре 1905 г. были избраны 108 делегатов от 1014 избирателей²⁷.

В документах центрального бюро Всероссийского Союза союзов сохранились отрывочные сведения и о других

местных союзах союзов. На третьем съезде в июле 1905 г. были приняты Киевский и Саратовский союзы. Союз союзов в Самаре до ноября 1905 г. объединил 12 союзов, в том числе почтово-телеграфных служащих, государственных служащих, низшего медицинского персонала, «польский». Харьковский Союз союзов в декабре 1905 г. выпустил листовку с протестом против насилий и расстрелов. Ярославский включал 7 союзов, в том числе почтово-телеграфных и земских служащих. В феврале 1906 г. в Союз союзов вошел Союз союзов Уссурийского края, охватывавший 10 союзов, в том числе железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, крестьянский, портовых рабочих, а также непрофессиональные организации — Комитет самозащиты Владивостока, Союз обществ устройства народных чтений, Союз членов обществ изучения Амурского края. В ноябре 1905 г. пожелали присоединиться к Союзу союзов «Союз башкир», Новгород-Северский Союз союзов и даже съезд делегатов казенных винных складов Люблинской акцизной управы²⁸. Эти сведения, конечно, нельзя считать исчерпывающими.

Эти мелкие факты, взятые в целом, раскрывают существование известного движения, связанного с Союзом союзов. Он не выглядел в глазах масс элитарным интеллигентским объединением, каким был, несомненно, задуман освобожденцами. Союз союзов притягивал малосознательные и полупролетарские элементы служащих и своей неопределенной демократической программой, и доступностью. В него шли некоторые группы рабочих и просветительные организации. Симптоматичен был также факт включения в некоторые интеллигентские союзы работников низших градаций — техников, лесных техников, лесной стражи, земских служащих и т. п.

Какова была действительная численность членов Союза союзов? Ни по профессиональным союзам, ни по непрофессиональным организациям, входившим в него, точных сведений нет: номинальный его состав не всегда соответствовал, как мы видели, фактическому. Активность союзов не была одинаковой, не все оставили о себе сведения. Более или менее приблизительно можно выяснить лишь численность постоянного ядра.

В июле 1905 г. общая численность членов союзов достигала примерно 22,5 тыс. В ноябре в некоторых союзах число членов возрастает, о других новых сведений нет.

В двух непрофессиональных объединениях численность членов достигает 9—12,5 тыс.²⁹

Продолжим речь об эволюции политических позиций Всероссийского Союза союзов, которая определялась борьбой либеральных и революционно-демократических течений в его среде и непосредственным воздействием революционных выступлений народных масс.

Уже учредительный съезд Союза союзов предоставил трибуну для горячих протестов и резолюций по поводу возмущающих конкретных «явлений русской жизни» — еврейского погрома в Житомире, ограничения в правах поляков и литовцев в девяти западных губерниях, подавления военной силой национального, аграрного и рабочего движения на Кавказе, кровавых расправ над рабочим классом Польши, указа о круговой ответственности крестьян за «аграрные преступления». Не выдвигая четкой политической программы, руководители съезда на первый план поставили вопросы тактики, предложив «всеобъемлющие формы протеста против правительства» — активного и пассивного сопротивления, участия в движении народных масс и других «общественных соединений» и т. д. Однако не указывалось никаких организационных средств для осуществления этих протестов и вдобавок допускалась лазейка для их невыполнения: можно было ограничиться «моральной и материальной поддержкой тех актов общественно-политической борьбы, непосредственное участие в которых представится невозможным».

Среди особых мнений сохранилось заявление «представителей интеллигенции», признававших недействительными словесные протесты. Они предлагали общую забастовку всех работников интеллигентских профессий, которая «явилась бы крупным толчком» и вместе с забастовкой учащихся вузов, рабочим и крестьянским движением могла бы принудить правительство предоставить гражданам личные и политические права, то есть возможность «влиять на народ и правильно организовать предвыборную агитацию и самые выборы»³⁰.

На фоне повсеместных требований созыва Учредительного собрания и отмены реакционного режима, делающего неосуществимыми свободные выборы, эта резолюция, ставящая вопрос, какими реальными средствами добиться свободы выборов, заслуживает внимания. Но вопрос об общей забастовке интеллигенции был съездом отклонен.

На втором, экстренно созванном делегатском съезде Союза союзов 24—25 мая 1905 г. его либеральные руководители должны были сделать шаг влево, так как гибель русской эскадры под Цусимой обострила революционные настроения в стране. Теперь лозунг созыва Учредительного собрания, обойденный на первом съезде полмесяца тому назад, стал неотложным требованием, и все тактические средства предлагалось направить к этой цели. При этом указывалось и на «обсуждение совместных действий с представителями различных революционных партий». Вопросы тактики были разработаны более конкретно: предлагалось открыто устраивать публичные собрания; организовать самозащиту членов союзов (требованием освобождения арестованных); создать фонд политического страхования (то есть помощи репрессированным). Рекомендовалось широко ознакомить рабочих с законным правом на отказ от дачи показаний при жандармских дознаниях и т. д. По свидетельству председателя Союза конторщиков Д. Ф. Сверчкова, эти предложения исходили от представителей союзов конторщиков, железнодорожников и фармацевтов³¹. Некоторые тактические предложения передавались в бюро союза, в том числе высказанное на первом съезде предложение о всеобщей политической забастовке — за него теперь голосовали четыре союза против трех при шести воздержавшихся.

Полевение тона либералов ярко сказалось в воззвании по поводу Цусимской катастрофы, написанном П. Н. Милюковым. Оно было образцом радикальной фразеологии, заявляя, что «обращаться к правительству больше нельзя», «только говорить уже мало теперь», и провозглашая необходимость действовать «кто как умеет и может, как кто способен или считает нужным по своим политическим убеждениям». «Все средства теперь законны против страшной угрозы» — существования настоящего правительства, «все средства должны быть испробованы», чтобы добиться немедленного устранения «захватившей власть разбойничьей шайки» и поставить на ее место Учредительное собрание, избранное народом на основе всеобщего, тайного, прямого и равного голосования, «без различия пола, вероисповедания и национальности»³².

Вместе с тем тот же Милюков и другие освобожденцы сумели защитить земцев-конституционалистов, которые,

отсутствуя на съезде Союза союзов, одновременно проводили свой съезд, принявший адрес Николаю II. Их поведение резко осуждалось некоторыми делегатами, которые требовали разрыва Союза союзов с земцами, поскольку они представляют лишь собственные сословные интересы, а в настоящий момент все партии и группы должны объединяться в интересах общего дела. Однако большинство делегатов (при одном голосе «против» и 13 воздержавшихся) признало возможным продолжить сношения с земцами. Формально земцы были оставлены в составе Союза союзов, хотя в дальнейшем не принимали участия в его работе.

Третий делегатский съезд Союза союзов 1—3 июля 1905 г. отразил изменение политической обстановки, когда «крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции» заставил самодержавие бросить подачку буржуазии в виде перспективы «совещания» с царем. Подготовка указа о выборах в законосовещательную Государственную думу (он был опубликован 6 августа 1905 г.), куда должны были попасть в огромном большинстве представители имущих классов, вызвала у рабочих возмущение и стремление не допустить избрания этой думы путем «активного бойкота».

Проект булыгинской думы вызвал разочарование и у либеральной буржуазии. Отношение к нему разных слоев буржуазии проявилось на трех происходивших в это время съездах. Наиболее консервативный съезд промышленников и торговцев осуждал проект, требовал конституции, но не поднимал вопроса о бойкотировании булыгинских выборов. «Торжественный и шумный» съезд земских и городских деятелей, почти легальный, решительно осудил булыгинский проект, принял «освободительный» проект конституции (монархия и двухпалатная система), выпустил «Обращение к народу» и резолюцию о «мирном сопротивлении» произвольным и несправедливым действиям правительства. Но по главному политическому вопросу — бойкотировать ли «конституцию» Булыгина — решение было отложено. В. И. Ленин видел в этом «желание еще поторговаться с самодержавием», а на деле готовность принять конституцию, которая «обеспечивает... монархию, сохранение царской власти над войском и чиновничеством» и «политическое господство помещиков и крупной буржуазии посредством верхней палаты»³³.

Среди этих съездов либеральной буржуазии В. И. Ленин выделял как действительно радикальный съезд делегатов Союза союзов, который заканчивался полулегально на территории Финляндии. Съезд высказался «за полный и решительный бойкот булыгинских выборов, за широкую агитацию в целях осуществления всеобщего избирательного права»³⁴.

На третьем съезде Союза союзов вопрос об отношении к булыгинской думе вытеснил все остальные. Прения, в которых участвовали 38 человек, продолжались до 4.30 утра 4 июля. Резолюция «По поводу проекта государственной реформы гофмейстера Булыгина» была принята единогласно, и было решено отпечатать ее значительным тиражом. Проект «создает не народное представительство, — говорилось в ней, — а лишь служебную комиссию при Государственном совете», составленную из несвободно избранных представителей привилегированных и имущих классов, ни в чем не ограничивает ни самодержавие, ни чиновников. Бюрократия не желает свободного народного представительства»³⁵.

Но главный бой на съезде шел вокруг резолюции о тактике. Представители центрального бюро — председатель съезда П. Н. Милюков, профессор Н. А. Гредескул и другие отстаивали участие в выборах, чтобы избрать в Думу кандидатов оппозиции.

Резолюции о бойкоте была противопоставлена другая, предлагавшая отложить решение об участии в выборах до следующего делегатского съезда, «смотря по результатам предположенного протеста». Первая резолюция собрала 43 голоса «за», 20 — «против» при двух воздержавшихся, вторая — соответственно 21 и 41 при трех воздержавшихся. По голосам союзов это выходило: за резолюцию о бойкоте — 9, «против» — 3 и воздержались 4 союза. За отсрочку голосовали союзы профессоров, писателей и учителей средней школы, воздерживались Крестьянский союз, Союз еврейского равноправия, ветеринары и учителя низшей школы. Из союзов, голосовавших за бойкот, известны шесть: инженеров, адвокатов, медицинских работников, конторщиков, фармацевтов, агрономов; в их числе могли быть также союзы женского равноправия и лесоводов. Последний (девятый) голос остается невыясненным. «Настроение в конце было весьма воинственное», — отмечал один из участников съезда в письмах к С. Д. Кирпичникову. Съезд его не удовлетворил: «Или его

решения не претворятся в дело, или он положит начало расколу»³⁶.

Резолюция Союза союзов «О тактике союзов по отношению к выборам в Государственную думу» (опубликована в «Пролетарии» № 14, 16/29 августа 1905 г.) предлагала «безотлагательно приступить к объединенной мобилизации всех демократических элементов страны для устройства массовых протестов против правительственного проекта». Делегатский съезд заявлял, что Союз союзов будет протестовать и против всякого иного закона о народном представительстве; не основанного на принципах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания. Далее говорилось: «Считать недопустимым для членов Союза союзов ни проведение кого-нибудь в проектированную думу, ни личное в ней участие. Во время избирательного периода разъяснять населению истинный характер думы, на избирательные собрания всех степеней являться лично и агитировать в пользу отказа выборщиков от участия в выборах».

В. И. Ленин видел в идее бойкота *«первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом»*, неминуемо вызванный *«первым шагом крупной буржуазии к совещанию — соглашению с царем...»*. «Помещики и капиталисты качнулись вправо, буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево... не становясь *вполне* на революционный путь»³⁷.

На следующем съезде (в январе 1906 г.) лозунг Учредительного собрания был внесен и в устав Союза союзов. Милюков, ясно видевший временный переходный характер организации союза и нацеливавший свою политическую деятельность на подготовку парламентской оппозиции в монархической Думе, в своих эмигрантских воспоминаниях сравнивал положение либералов в Союзе союзов с курицей, высидевшей утят. «Я не предвидел, — писал он, — что очень скоро мне самому придется отойти от Союза союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией»³⁸.

Милюков имел в виду период, когда Союз союзов включился в поддержку революционной борьбы осенью — зимой 1905 г. Но «линия» большевиков состояла в том, чтобы убедить массы, что подлинно демократическое Учредительное собрание может быть созвано только после

свержения царизма, и готовить это свержение. Борьба за Учредительное собрание уже на II съезде РСДРП определялась как борьба за демократическую республику. От такой позиции буржуазная интеллигенция Союза союзов была еще далека. Здесь уделялось много внимания выработке проекта конституционной избирательной системы. Начало было положено в мае 1905 г. докладом Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолуского в Вольном экономическом обществе, который затем обсуждался и дополнялся особым совещанием из среды членов Союза союзов. На июльском съезде проект уже был роздан делегатам. В октябре—ноябре он вновь обсуждался в Петербургском Союзе союзов и был напечатан как «Проект о созыве Учредительного собрания, разработанный Центральным бюро Всероссийского и Центральным комитетом Петербургского Союза союзов»³⁹. Он предназначался к обсуждению на четвертом делегатском съезде Союза союзов и освещался в либеральной печати.

По этому поводу В. И. Ленин писал в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело»: «Смешно писать такие «проекты», господа! Вы идете по дороге «кадетов», предавших революцию. Вы забываете, что бумажные проекты, подобно всяким конституционным иллюзиям, развращают революционное сознание народа и ослабляют его боевую энергию, ибо центр тяжести вопроса затушевывается, вся постановка его извращается. Ведь вы не пропаганду политической азбуки ведете, — вы ставите вопрос *практически*, на это указывает самый характер затеянного вами обсуждения проекта «представителями крайних и умеренных партий»». Ленин призывал размежеваться: направо — самодержавие и либеральная буржуазия, налево — социалистический пролетариат и вся революционная буржуазная демократия, которые «хотят полноты власти для учредительного собрания»⁴⁰.

Статья Ленина, появившаяся в «Новой жизни» 20 ноября 1905 г., заставила центральный комитет Союза союзов уже на следующий день разослать в редакции газет разъяснение «явного абсурда» в тексте «Проекта», который «ввел в заблуждение г. Н. Ленина» Центральный комитет приглашает к обсуждению проекта только те партии и группы, которые разделяют требование выборов в Учредительное собрание на основе наиболее демократического избирательного права, и это «исключает участие в обсуждении проекта умеренных партий»⁴¹.

После третьего съезда Петербургское жандармское управление пыталось поднять дело против Союза союзов. 7 августа был арестован Милюков, пробывший месяц в заключении. Были привлечены к дознанию 15 членов бюро Союза инженеров и 21 член бюро Союза адвокатов. В ответ на это 163 инженера заявили о своей принадлежности к Союзу инженеров и 60 адвокатов доказывали, что подлежат одинаковой ответственности с руководителями их союза. Следователь в записке, датированной 20 сентября 1905 г., писал, что «ненужные стеснения в сфере неизбежной политической агитации о будущем законосовещательном собрании» вызовут волнения и подорвут доверие «к искренности намерений правительства». Другой его аргумент состоял в невозможности применить обвинение к 30 тысячам лиц, которые ограничивались принятием программы, не сделав ничего для ее выполнения⁴². Дознание осталось без последствий.

Союз союзов принял живое участие в событиях подъема революции. Мы уже говорили о группах интеллигенции, самоотверженно помогавших рабочим в их борьбе с самодержавием. Объединенный орган демократической интеллигенции также помогал революции, несмотря на сопротивление части его руководства.

Д. Ф. Сверчков и С. Д. Кирпичников, бессменно вместе с Л. И. Лутугиным работавший в секретариате при центральном бюро Союза союзов, оставили противоположные оценки деятельности Союза союзов в этот период. Кирпичников преувеличивал роль союзов интеллигенции в забастовочном движении, приписывая им и заслуги Союза железнодорожных служащих. Сверчков же считал, что Союз союзов, за исключением отдельных левых союзов, не участвовал в октябрьской забастовке, а после ноябрьской забастовки отошел от борьбы пролетариата. В его делах, писал Сверчков, «нет и следа обсуждения вопросов о помощи пролетарской революции или даже профессиональному движению»⁴³. Это категорическое утверждение не соответствует действительности.

Многие выступления Союза союзов и его местных отделов начиная с октября 1905 г. были непосредственной помощью рабочему движению. В те дни выходил бюллетень Союза союзов, некоторое время выпускавшийся совместно с центральным комитетом Петербургского Союза союзов, Бюллетень Московского объединения со-

юзов выходил с августа. Эти бюллетени являются ценным источником информации.

14 октября центральное бюро Союза союзов решило поддержать всеобщую политическую забастовку. О солидарности с ней из тактических соображений заявил и происходивший тогда учредительный съезд кадетской партии. Но вырванный у царизма манифест 17 октября о законодательной думе разделил пути этих организаций: кадеты ориентировались на монархическую Государственную думу, Союз союзов продолжал борьбу за Учредительное собрание.

Центральное бюро работало в контакте с Петербургским Советом рабочих депутатов, заседаая в том же здании Вольного экономического общества, где помещался Совет. Вместе с другими бюро союзов, находившимися в Петербурге, центральное бюро единогласно осудило манифест 17 октября, не удовлетворяющий требованиям, за немедленное осуществление которых ведет политическую борьбу вся страна, и не устанавливающий всеобщего избирательного права. Союз союзов заявил, что «продолжает оставаться на своем посту в борьбе за демократическую платформу и будет считать свою миссию законченной лишь с момента начала работы правильно избранного Учредительного собрания».

Союз союзов поддержал забастовку протеста, объявленную Советом рабочих депутатов 2 ноября по поводу введения военного положения в Польше, угрозы военного полевоего суда над кронштадтскими матросами, черносоленных погромов, предоставления крестьян четырех губерний на диктаторский произвол генерал-адъютантов. Он приветствовал «смелый почин» Совета и «политическую отзывчивость, проявленную петербургскими рабочими в истекшей демонстративной забастовке». Союз союзов протестовал против ареста (12 ноября) членов бюро Крестьянского союза. Он организовал многочисленные митинги протеста против погромных расправ, обрушившихся после манифеста 17 октября на интеллигенцию, рабочих, евреев, против лавины смертных казней.

Союз союзов выпустил несколько воззваний, в том числе против применения смертной казни к кронштадтским солдатам и матросам, с доказательствами юридической неправильности их обвинения, по поводу ареста председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталева-Носаря и др. Он рассылал по стране листы

для сбора подписей к предложению об общей политической амнистии.

В ноябре Петербургский Союз союзов выделил комитет для более активного участия в революционных событиях; в него были намечены представители от 17 союзов (не вошли представители, жившие вне Петербурга, — агрономов, ветеринаров, Крестьянского союза). В этот комитет вошел и социал-демократический Союз учителей, представленный Ан. Я. Гуревич и В. Р. Менжинской, а также избранные «от общего собрания» журналисты В. А. Мякотин и Н. Ф. Анненский, деятель народного образования В. И. Чернолуский, адвокаты О. О. Грузенберг и Н. Д. Соколов и др. Деятельность этого комитета фактически сливалась с деятельностью центрального комитета Петербургского Союза союзов. Большой митинг против реакционных репрессий был проведен московским Союзом союзов 26 ноября в помещении Литературно-художественного кружка. Здесь в числе других выступала большевичка Инесса Арманд с речью о черносотенном движении⁴⁴.

В начале декабря союз присоединился к так называемому финансовому манифесту, опубликованному за подписью Петербургского Совета рабочих депутатов, ЦК РСДРП, главного комитета Всероссийского Крестьянского союза и других революционных организаций. Манифест призывал население лишить правительство финансовых средств путем отказа от всех казенных платежей и изъятия вкладов из государственных кредитных учреждений. Было решено обсудить этот вопрос на ближайшем делегатском съезде Союза союзов, который намечался в первой половине декабря; но из-за декабрьских событий съезд был отложен.

Союз союзов поддержал всеобщую забастовку, начавшуюся 8 декабря. Бюллетени Союза союзов 10, 11 и 12 декабря 1905 г. заполнены информацией об участии в этой забастовке. Информация охватила 11 союзов. Инженеры пытались остановить некоторые предприятия, железнодорожники прекращали движение дорожных узлов, актеры снимали театральные зрелища. Учителя низшей школы готовились к забастовке, врачи организовали санитарные пункты. Бастовали конторщики (30—40 учреждений), фармацевты, которых за это увольняли хозяева аптек, замещая их военными фельдшерами. Союз союзов создал центральный забастовочный коми-

тет для связи с забастовочными комитетами профессиональных союзов. По инициативе Союза инженеров организован комитет для помощи петербургским рабочим, в который вошли представители от союзов профессоров, учителей, чиновников и равноправия женщин. За две недели было собрано около 10 тыс. р. и открыто 15 столовых и продовольственных пунктов для детей и взрослых. Адвокаты собрали более 1000 р. Врачи постановили отдавать весь заработок за время забастовки. Союз равноправия евреев решил объехать ряд лиц со сборными листами. Союз книгоиздателей собрал 950 р. и, кроме того, передал через Союз союзов 1000 р. в забастовочный комитет Союза рабочих печатного дела. Союз союзов ассигновал 1000 р. в забастовочный фонд Бюро профессиональных союзов, объединившего к этому времени 41 союз. Как упомянуто выше, Союз союзов передал Союзу почтово-телеграфных служащих 3700 р.

В конце января 1906 г. Союз союзов ассигновал для пострадавших после восстания в Прибалтике: 1000 р. федеративному комитету Рижских социал-демократических организаций и 300 р. эстонской социал-демократической организации, а также 300 р. Северному бюро содействия Крестьянскому союзу для помощи репрессированным⁴⁵. В начале января 1906 г. Союз союзов наметил создание фонда судебной защиты по политическим делам и организацию при всех союзах бюро по присканию мест уволенным.

Эти и многие другие факты, несомненно, были поддержкой революционному движению. Однако деятельность Союза союзов была недостаточно энергичной, недостаточно глубокой по отношению к большим политическим задачам буржуазно-демократической революции. В руководстве Союза союзов шла внутренняя борьба, тормозившая более решительные действия. Политические и тактические разногласия остро проявлялись и в Петербургском Союзе союзов, например, по вопросу о публикации проскрипционных списков людей, «опозоривших себя преступными услугами полицейско-самодержавному правительству в борьбе с освободительным движением». 31 октября центральный комитет Петербургского Союза союзов решил «разработать способы проведения бойкота этих лиц». Это вызвало протест группы петербургских профессоров, членов Академического союза. Они увидели в этой мере лишь нарушение правовых

норм, а соображения революционной целесообразности оставались им глубоко чуждыми. Однако еще в феврале 1906 г. комитет предложил всем союзам прислать списки бойкотируемых лиц⁴⁶.

Когда Милюков в кадетской газете «Биржевые ведомости» (8 декабря 1905), ссылаясь на усталость масс и перенесенные ими лишения, осудил призыв к новой всеобщей забастовке как «преступление против революции», пытаясь сорвать готовившуюся решительную схватку с царизмом, Петербургский комитет протестовал и предложил вывести Милюкова из состава комитета. Лишь незначительным большинством голосов это предложение было отклонено. Но сочлены Милюкова по Союзу журналистов В. А. Мякотин и Н. Ф. Анненский отказались от своих выборных постов в Петербургском комитете⁴⁷.

Левую линию поведения Союза союзов направлял выдающийся деятель горный инженер Л. И. Лутугин. Сохранилось его письмо, адресованное, по-видимому, С. Д. Кирпичникову и по содержанию относящееся ко второй половине декабря 1905 г.: «События последнего времени с особенной ясностью показали, что центральный комитет и центральное бюро совершенно не отвечают той роли, которую они должны играть как исполнительный орган Союза союзов. Это особенно сказалось в деле объявления и проведения настоящей забастовки. Очевидно, что этот орган не является выразителем Союза союзов. Кроме того, он мало работоспособен. Это настолько тягостно, что я считал бы необходимым сейчас же обратиться к бюро союзов для выбора новых представителей, по возможности из лиц, которые могли бы все свое время отдать этому делу. Исторический момент требует, чтобы это было сделано скорей, так как сейчас союзы могут сыграть кое-какую роль. Сейчас задыхаюсь и думаю через несколько дней отдышаться и тогда появлюсь»⁴⁸.

В конце декабря был принят проект реорганизации центрального бюро Союза союзов и центрального комитета Петербургского Союза союзов и предложено всем союзам переизбрать своих делегатов. Четвертый Всероссийский делегатский съезд Союза союзов смог собраться в нелегальных условиях (в Выборге) только 14—16 января 1906 г. при участии 20 союзов. Он принял резолюцию об отношении к Государственной думе, опубликованную 20 января в газетах «Русь», «Наша жизнь» и

«Новости» и размноженную по решению съезда тиражом 30 тыс. экземпляров.

В резолюции говорилось: «По самой структуре избирательного закона 6 августа — 11 декабря и по условиям его применения под охраной штыков и руководством преступных властей в Государственную думу могут проникнуть лишь случайно и в самом незначительном количестве искренние защитники политической свободы и интересов трудящегося народа». Государственная дума, представляющая «лишь карикатуру народного представительства и фальсификацию народной воли», «послужит для самодержавно-бюрократического режима маской конституционализма», поможет правительству «поднять свой кредит перед Европой и на новые займы выковать новые цепи для народа».

Резолютивная часть голосовалась по частям: за отказ от участия в Государственной думе и от выборов в нее голосовали 13 союзов, «против» — 3 союза при четырех воздержавшихся. За использование предвыборной кампании для широкой критики избирательного закона и пропаганды созыва всенародного Учредительного собрания съезд голосовал единогласно⁴⁹.

В действительности бойкот выборов в Думу не был принят и не выполнялся буржуазными группами Союза союзов. Очень многие члены союзов интеллигенции вступили в конституционно-демократическую партию, которая на своем втором съезде 5—11 января 1906 г. санкционировала участие партии в этих выборах. В сборнике биографий членов I Государственной думы указана роль некоторых из них в союзах интеллигенции: М. М. Винавер назван как «один из учредителей Союза адвокатов» и член ЦК кадетской партии; об А. С. Ломшакове сказано — «председатель Союза инженеров»; о Л. И. Петражицком — «один из деятельных членов Академического союза» и член ЦК кадетской партии. Подобные сведения даны о Н. И. Карееве, Н. А. Гредескуле и других⁵⁰.

Одним из последних выступлений Союза союзов было воззвание, выпущенное 13 апреля 1906 г., с протестом по поводу соглашения о крупном займе, которое царское правительство заключило с Францией, используя свою победу над народом⁵¹.

Союз союзов начал свое существование как рыхлая и робкая организация буржуазных либералов для борьбы за монархическую конституцию. Под влиянием опы-

та исторических событий и революционной борьбы рабочего класса против царизма он стал одним из «боевых элементов буржуазной демократии». Эту оценку дал ему В. И. Ленин. В написанной и отрецензированной Лениным «Резолюции Петербургской организации РСДРП о тактике бойкота» отказ большевиков от всякого участия в Государственной думе был обоснован в числе многих других причин также и тем, что «общественное мнение всех боевых элементов буржуазной демократии и крестьянства (Крестьянский союз, учительский союз, Союз союзов, партия социалистов-революционеров, польская партия социалистическая, польская прогрессивная партия и т. д.) отвергает и Думу и выборы в нее»⁵².

История Союза союзов с его противоречиями и внутренней борьбой показала, что в первом же опыте политического объединения профессиональных групп российской буржуазной интеллигенции восторжествовали ее демократические, а не либеральные стремления и что большая часть этой интеллигенции не подчинилась интересам российского капитализма, несмотря на все усилия лидеров либеральной буржуазии.

Союз союзов перестал существовать. На сцене появилась Государственная дума, а с ней многочисленные политические партии. Интеллигенция брала на себя в этих партиях представительство интересов разных общественных, в конечном счете классовых групп, выступая как образованная верхушка этих групп. Социалистическая интеллигенция вела основную работу вне Думы, организуя революционную партию, которая теперь превращалась в действительно массовую, опирающуюся на широкую и дееспособную социальную базу.

Масштаб массовости революционных партий того времени приобретает в наших глазах реальные черты при сопоставлении с силами других политических организаций. Революционное народничество, как известно, в свое время не имело опоры в народных массах. Партии, унаследовавшие черты народнической идеологии, представлявшие интересы городской и сельской мелкой буржуазии, также не смогли завоевать народные массы, отходившие от них к кадетам или к социал-демократам. Народнические партии разных оттенков оставались по существу интеллигентскими группами.

По инициативе либеральных народников, в основном публицистов «Русского богатства», с конца мая 1906 г.

начала оформляться партия «народных социалистов». Она пыталась сплотить вокруг себя тянувшуюся к крестьянству интеллигенцию «левее кадетов». «Энесы» стремились стать парламентской партией мелкой буржуазии. К началу работы II Думы численность этой партии достигла около полутора тысяч членов (по отзыву левых газет, «каких-нибудь 2000 человек на Россию») ⁵³.

Очень слабым в смысле массовой опоры выглядело буржуазное либеральное движение. Так, партия «Народное право» в 90-х годах насчитывала около 160 участников на всю Россию. Очень узкую социальную базу имело движение либеральных образованных помещиков — земских гласных. Это движение начиная с его зарождения до 1901 г. выдвинуло всего 342 участника, рассеянных по 33 земским губерниям. Из них только 143 были связаны с либеральными организациями. Нелегальный «Союз освобождения», оформившийся из кружка «Беседа», на своих четырех съездах в 1904—1905 гг. собрал в общей сложности 170 участников, в числе которых были 54 земца и 116 лиц интеллигентских профессий ⁵⁴.

Конституционно-демократическая партия (кадеты), выделившаяся из «Союза освобождения» осенью 1905 г., приобрела видимость массовой партии. Период наибольших успехов кадетов приходится на нисходящий этап первой русской революции. По подсчетам того времени, партия кадетов имела 70—100 тыс. членов; в октябре 1906 г. в ней было около 300 организаций ⁵⁵. Однако В. И. Ленин разъяснял реальную слабость этой партии, «сила» которой «не есть боевая сила буржуазной народной массы (крестьянство, городское мещанство), не есть экономическая и денежная сила класса помещичьего (черносотенцы) и класса капиталистов (октябристы)». Ленин определял «силу» кадетов как силу «буржуазной интеллигенции, которая не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы...». Сила кадетов зависит от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, не успевшие еще выработать себе ясной политической идеологии. Это «сила» тех «*ошибочных мнений* о сущности демократии и о способе борьбы за нее... которые в буржуазной массе народа проводятся и культивируются буржуазной интеллигенцией» ⁵⁶.

Ленинский анализ подтверждается социальным составом кадетских организаций: основной массой ее чле-

нов были, во-первых, средние и мелкие служащие общественных учреждений (земских и городских), частных предприятий (фабрик, заводов, контор), государственные служащие (судебных мест, чиновники, банковские служащие) и приказчики. Второй крупной группой была профессиональная интеллигенция, которая выполняла функции идеологического руководства. Оба эти слоя составляли $\frac{3}{4}$ кадетской партии⁵⁷.

Таким образом, кадеты выступали в роли гегемона мелкобуржуазных масс. Интеллигентский облик этой партии не импонировал реальным имущим классам — торгово-промышленной буржуазии и помещикам, которые предпочитали свои партии — октябристов и правых, также способных выделять образованную верхушку. Националистические партии, возникавшие на почве глубокого недовольства неравноправных народов Российской империи национальным гнетом, неизменно подпадали под руководство своей буржуазии.

Роль интеллигенции в руководстве политической борьбой осуществлялась не в буржуазных партиях, где она оказывалась «идеологом», маскирующим реальные классовые интересы этих партий. Реальное революционное дело интеллигенция могла найти только в массовых партиях с революционно-демократической и социалистической программой, поднимая политическое сознание трудящихся масс и укрепляя организационную структуру этих партий.

До сих пор нет точных сведений о составе нелегальной партии эсеров. Проводившаяся ею тактика индивидуального террора не могла обеспечить ей массовую опору. Со своего основания в начале 1902 г. по 1911 г. эсеры осуществили 205 террористических актов против высшей и низшей администрации царизма; подавляющее количество из них (191) приходится на 1905—1907 гг. В списке террористов, о которых можно было собрать сведения (всего 149 человек), оказались 42 интеллигента, 13 студентов, 10 учащихся, 69 рабочих, остальные — крестьяне, солдаты, матросы и др.⁵⁸

Социал-демократов меньшевиков насчитывалось в 1905 г. свыше 8000⁵⁹. Для того времени это была массовая партия, оказывавшая влияние на часть рабочего класса. В нее входило много профессиональных интеллигентов, участвовавших в пропагандистской, просветительской и других формах партийной работы.

Единственной пролетарской партией в России были социал-демократы большевики. От мелкобуржуазной революционной демократии их отличала ориентация на пролетарскую революцию. Свержение царизма было для них необходимым переходным этапом, расчищавшим путь для дальнейшей борьбы за социалистическую революцию. Они вели за собой массы могучим и простым средством — «признанием «мирной» работы *подготовкой* к пролетарской революции»⁶⁰.

Входившие в партию большевиков профессиональные интеллигенты выполняли задачу превращения рабочей партии в революционный авангард пролетариата, подготовки передовых рабочих к руководству политической борьбой масс. В. И. Ленин так характеризовал этих «немногих интеллигентов»: они идут «если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомленного, издерганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением *такой* интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии *ее* аудитории к общественно-политическим вопросам»⁶¹.

Чувство полного единства между революционными рабочими и интеллигентами-большевиками хорошо выразил И. И. Радченко. Он писал в редакцию «Искры» в июне 1902 г. по поводу встречи с рабочими-слесарями питерских заводов: «Я был поражен, передо мной сидели типы Ленина. Люди, жаждущие профессии революционной. Я был счастлив за Ленина...» Они жаждали взяться за дело, «как берутся за зубило, молот, пилу, взяться двумя руками, не выпуская из пальцев, пока не кончат начатого...» «Мы понимали друг друга... мы были родные, свои, по всему сходящиеся, вооруженные одинаково от пяток до головы одним и тем же оружием». В 1905 г. существовала «настоящая пролетарская интеллигенция», писал М. Б. Фромметт в 1914 г. Среди рабочих есть такие, что «в своем социально-политическом развитии значительно превосходили типичного интеллигента с университетским образованием»⁶².

Партия большевиков уже в 1905 г. была массовой. Тогда она имела 8400 членов, в апреле 1917 г. — свыше 100 тыс., в августе 1917 г. — 240 тыс., в марте 1918 г. — не менее 300 тыс.⁶³

Попытаемся также подойти к выяснению роли ин-

теллигенции в революционной борьбе в России, исследуя ее сравнительную долю в массе участников революционного движения, репрессированных царизмом. Имеющиеся статистические материалы при всей их скудости позволяют показать место интеллигенции в изменяющемся по мере роста массового движения составе социальных групп, участвовавших в борьбе.

В следующей таблице показано соотношение работников умственного труда и рабочих в общей массе участников освободительного движения на разных его этапах (первые три соответствуют разночинскому, а последний — пролетарскому этапам движения).

Основные социальные группы участников освободительного движения в % к их общему числу *

	60-е годы	70-е годы	1884—1890 гг.	1901—1903 гг.
Учащиеся	60	52	25,4	9,6
Профессиональная интеллигенция	10	13	11,4	10,8
Общественная и частная служба	—	—	10,3	6,9
Без определенных занятий	—	—	19,9	8,0
Рабочие	1	15,7	15,6	46,8

* Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, с. 317—318.

Если в конце разночинского периода участники движения, причисляемые к категории интеллигенции (в том числе группа «без определенных занятий» — деклассированная среда, к которой принадлежали тогдашние профессиональные революционеры), составляли 67%, а рабочие — 15,6%, то начало XX в. — пролетарский период движения — дает 35,3% из интеллигенции (уменьшение в два раза) и 46,8% из рабочих (рост в три раза). В. И. Ленин, глубоко интересовавшийся сменой «сословий и классов», игравших ведущую роль в освободительном движении, определял 1901—1903 гг. как период первой политической марксистской газеты, старой «Искры», то есть связывал рост числа революционных рабочих с деятельностью революционной марксистской интеллигенции. Сравнивая статистику участников рево-

люционного движения начала XX в. и 1905—1908 гг., Ленин отмечал новое явление — рост крестьянской группы с 9,0 до 24,2% при соответствующем «вытеснении» интеллигенции (с 36,7 до 28,4%)⁶⁴.

Однако и эту уменьшившуюся долю интеллигенции надо признать достаточно значительной, если учесть политическую обстановку столыпинщины — жесточайшую расправу с крестьянами, солдатами, матросами, участниками национально-освободительного движения, с революционными рабочими. При такой массовой расправе с восставшим народом все же доля интеллигенции в общей массе репрессированных превышала долю крестьянской группы.

В 1905 г. положениями об «усиленной охране», «чрезвычайной охране», военном была охвачена территория России с населением в 117 миллионов. Правительство переходит, писал В. И. Ленин весной 1905 г., «к прямой организации гражданской войны...»⁶⁵. Годы столыпинской реакции в сопоставлении с предшествовавшим столетием дают потрясающую статистику смертных казней. С 1801 по 1894 г., то есть до начала пролетарского этапа освободительного движения, были казнены по суду 145 и без суда 69 человек. С 1905 г. начались массовые смертные казни. За 1906—1912 гг. все суды, выносившие смертные приговоры, осудили 7324 и казнили 4098 человек. Военно-окружные суды, которые за 30 лет (1875—1904) приговорили к казни 463 человека, усилили расправу над участниками революционного движения и за 1905—1908 гг. предали смерти 2239 человек, в том числе только в 1908 г. 1340; 96% казненных принадлежали к гражданскому населению. 80% приговоренных и казненных в 1905—1910 гг. составляли политические⁶⁶.

Поименная сводка казненных по политическим делам с 1905 по 1917 г., составленная С. Ушеровичем, включает 6107 человек (не считая казненных в годы мировой войны за агитацию против войны). Половина этих жертв осталась «безфамильными» — это 3093 расстрелянных участников восстаний в Польше, Прибалтике и многих других местах. В этой массе казненных по суду и убитых без суда лилась кровь рабочих, солдат и матросов, поднимавших восстания, кровь крестьян, боровшихся с помещиками, кровь народов, боровшихся против национального гнета царизма. Лилась и кровь интеллигенции.

Основная часть революционной интеллигенции под-

вергалась другим видам политических наказаний — тюремному заключению, каторжным работам, ссылке на поселение и административной ссылке.

В 1906—1912 гг. военные и гражданские суды, по подсчетам советского историка Н. Н. Щербакова, осудили по политическим делам 97,6 тыс. человек, в том числе на каторжные работы и в ссылку на поселение — 10,3 тыс. Текущий состав административно-сосланных в Сибирь и в «отдаленные губернии» менялся в зависимости от политической обстановки⁶⁷.

Изучение состава репрессированных по разным источникам и категориям дает возможность частично осветить сравнительную долю интеллигенции в этих контингентах. Так, Е. Н. Тарновский, сопоставляя состав привлеченных к дознанию в 1901—1903 гг. с составом участников политических дел, решенных общими судами в 1911 г., установил такое соотношение между группами рабочих и интеллигенции (в %) ⁶⁸:

	1901—1903 гг.	1911 г.
Рабочие обрабатывающей промышленности	42,8	37,7
Низкооплачиваемые рабочие	3,9	7,4
Занятые в нематериальном производстве	19,1	23
Лица неопределенных занятий и учащиеся	17,6	14
	46,7	45,1
	36,7	37

Таким образом, уровень участия интеллигенции в революционном движении соответствовал определенному уровню участия в них рабочих, а взятые вместе эти две группы составляли по-прежнему основную массу участников движения — более 80%.

Н. Н. Щербаков разработал также чрезвычайно ценный материал о социальном и партийном составе ссыльно-поселенцев и административно ссыльных.

**Состав политических ссыльно-поселенцев
в основных районах Сибири ***

	В 1908—1910 гг.	В 1915—1916 гг.
Рабочие	49,1	58,4
Крестьяне	12,3	4,4
Интеллигенты	21,6	27,0
Неопределенных занятий	17,0	10,2

* Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири. 1907—1917.— В сб. Ссыльные революционеры Сибири. Иркутск, 1973, с. 204, 213, 241.

**Состав административно сосланных
по всей России**

	В 1906—1909 гг.	В 1915 г.
Рабочие	32,4	68,9
Крестьяне	10,4	5,8 (1913 г.)
Интеллигенты	7,2	12,9
Прочие	20,3	18,2

Мы видим, что в контингенте тяжело репрессированных наиболее крупная доля рабочих еще более возрастает — с 49,1 до 58,4%, доля интеллигенции возрастает с 21,6 до 27,0%, но соотношение между обеими группами остается примерно одинаковым и в общей сложности именно они составляют основную массу политических ссыльно-поселенцев — 70,7 и 85,4% (мы не включили в состав интеллигенции группу лиц неопределенных занятий, хотя она, несомненно, содержала интеллигентные элементы).

Что касается состава административно сосланных по всей России, то и здесь проявляется общая тенденция роста групп рабочих и интеллигенции и уменьшения групп крестьян и «прочих». Но доля рабочих намного выше всех остальных, доходя в 1915 г. до 68,9%.

Большой интерес представляет исследованное Н. Н. Щербаковым распределение репрессированных по

партийной принадлежности. Ссылно-поселенцы в основных районах Сибири по основным партиям (опуская мелкие группы) составляли:

	В 1908—1910 гг.	В 1915—1916 гг.
РСДРП	41,4	40,8
в том числе:		
большевики	11,3	19,0
меньшевики	9,7	7,6
нефракционные и не обозначившие фракцию	20,4	14,2
Партия эсеров	36,0	20,8
Анархисты	4,5	4,1
Беспартийные	8,6	11,4

Среди административно сосланных эти соотношения значительно изменяются.

	В 1906—1909 гг.	В 1915 г.
Социал-демократы	19,1	74,7
Эсеры	27,7	11,2
Беспартийные	31,7	8,6

В этих сведениях можно проследить некоторые закономерные процессы — расширение влияния марксистской идеологии и понижение влияния эсеров, особенно ярко выраженные в среде административно сосланных, а также резкое снижение в этой группе доли беспартийных. Эти процессы характерны как для рабочих, так и для революционной интеллигенции.

Чрезвычайно важный и интересный для нас вопрос о формах участия интеллигенции в массовом движении XX в. освещается в работе А. Б. Вентина. Собрав материал о 37 620 политических, осужденных военной и гражданской юстицией за пятилетие с 17 октября 1905 по 17 октября 1910 г., он распределил их по роду революционной деятельности. За участие в массовом движе-

нии — в восстаниях, в массовом сопротивлении распоряжениям власти, в крестьянском движении, в политических забастовках и демонстрациях — было осуждено 50,9% — 19 145 человек. Осужденных за организацию политических партий и групп, по обвинению в принадлежности к этим партиям и организациям, за участие в пропагандистской и агитационной, в том числе литературной, деятельности насчитывалось 9323 человека — 24,8%. Почти столько же — 9152 человека (24,3%) было осуждено за политический и экономический террор⁶⁹.

Представители революционной интеллигенции участвовали во всех этих формах борьбы. Наиболее исторически значимой и плодотворной для будущей победы революции была организационная и пропагандистская работа социал-демократов большевиков. Под знамя партии большевиков шел цвет российской интеллигенции, овладевавшей профессиональными знаниями в разных отраслях, готовившейся к борьбе за создание и укрепление будущего социалистического строя. Поэтому молодое Советское государство с самого начала могло опереться на исключительно квалифицированные кадры революционной интеллигенции, превратившиеся в опытных государственных деятелей. Сотни и сотни этих интеллигентов, среди которых уже много было рабочих, сумели в труднейших условиях организовать народные массы, закрепить победу пролетарской революции, поднять трудящихся к высоким целям социализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сквозь долгую историю российской интеллигенции красной нитью проходит упорная борьба против общественно-политических препятствий, тормозивших и парализовавших развитие и совершенствование профессионального дела интеллигенции, мешавших полной отдаче ее сил этому делу.

Над феноменом демократизма значительной части российской интеллигенции до сих пор останавливаются как над загадкой буржуазные исследователи¹. Однако вполне закономерно, что интеллигенты, выросшие в обстановке острых социальных противоречий, дышавшие воздухом демократической русской культуры, оказывались способными к революционной борьбе с самодержавием. «...При условии сближения с народом», писал В. И. Ленин, интеллигенция могла стать «крупной силой в этой борьбе»².

Те интеллигенты, которые осознавали приближающееся крушение старого мира, горько переживали оторванность от жизни трудящегося народа, искали возможность делом выразить свое сочувствие и поддержку проснувшимся массам и свою ненависть к сытому, бездуховному и безжалостному миру «хозяев». Этими мыслями и чувствами жили, по-своему отражая дух эпохи, демократическая литература и искусство. Наиболее сознательная часть интеллигенции соединяла борьбу за интересы своего профессионального дела с участием в революционной борьбе пролетариата.

Политика Советского государства по отношению к дореволюционной интеллигенции состояла в сохранении ее кадров и использовании их как необходимой силы в деле радикальной социально-экономической перестройки страны. Это не было легким и безболезненным процессом в условиях многолетней гражданской войны с россий-

ской буржуазией и зарубежными империалистами. Но, настаивая на необходимости привлечения буржуазных специалистов на службу советскому обществу, В. И. Ленин подчеркивал, что они — «не слуги эксплуататоров, это — культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии и про которых все социалисты всего мира говорили, что в пролетарском обществе они будут служить *нам*»³.

Масса дореволюционной профессиональной интеллигенции влилась в ряды советской интеллигенции, убедившись, что Советское государство посвящает огромную энергию борьбе с культурной отсталостью народных масс, делу народного образования, делу развития творческих сил народа в области науки и искусства.

Унаследованные молодым Советским государством кадры профессиональной интеллигенции во многом облегчили разрешение практических задач революционного социалистического преобразования страны. Труд ученых, инженеров, экономистов, врачей, педагогов, людей искусства и культуры способствовал в целом подготовке в небывалых прежде масштабах новых массовых кадров советской интеллигенции, впервые поднявшихся из народных масс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие высшего образования в дореволюционной России (с. 5—33)

¹ Вернадский В. И. Высшая школа в России. — Ежегодник «Речи» на 1914 год. М., 1915, с. 317.

² Чувский И. А. К истории императорского Николаевского университета. Саратов, 1910.

³ Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923, с. 48.

⁴ Ежегодник БСЭ. М., 1957, с. 92; БСЭ, т. 50, 1957, с. 400.

⁵ Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1913/14 учебный год. Пг., 1916.

⁶ Научное обозрение, 1901, № 5, с. 149.

⁷ Первая харьковская студенческая перепись. Харьков, 1912.

⁸ Шейнис Д. И. Еврейское студенчество в цифрах. Киев, 1911, с. 10, 11; Петроград по переписи 15 декабря 1910 г. Пг., [б. г.], с. 57; История СССР, 1979, № 5, с. 112; Мединский Е. Н. История русской педагогики. М., 1936, с. 425.

⁹ Петражицкий Л. И. Университет и наука, т. II. СПб., 1907, с. 636—637.

¹⁰ Труды Ленинградского политехнического института, 1949, № 1, с. 4; Из истории Ленинградского политехнического института. [Л.], 1975, с. 2.

¹¹ Шулейкин В. В. Дни прожитые. Изд. 3. М., 1972, с. 4.

¹² Купфер К. Р. Из недавнего прошлого Рижского политехнического института. Рига, 1906, с. 165.

¹³ Из истории Киевского политехнического института, т. I. Киев, 1961, с. 22, 46.

¹⁴ Список инженеров-технологов, окончивших Киевский политехнический институт по химическому отделению с 1903 по 1910 г. Киев, 1911; Материалы к истории Киевского политехнического института. [Киев, 1913], с. 15—24.

¹⁵ Статистические сведения о состоянии учебных заведений... МТП, с. XIII, 79.

¹⁶ Новочеркасский политехнический институт им. С. К. Орджоникидзе. Новочеркасск, 1957, с. 10.

¹⁷ Труды Ленинградского политехнического института, 1949, № 1, с. 63; 1957, № 190, с. 72; Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897—1917. М., 1957, с. 246, 241.

¹⁸ Днепропетровский горный институт им. Артема. 1839—1949. Днепропетровск, 1949, с. 11; *Гембицкий С. С.* Инженеры, окончившие Екатеринославский горный институт. — Известия Екатеринославского горного института, 1924, т. XIV; *Терпигоров А. М.* Воспоминания горного инженера. М., 1956, с. 92, 113.

¹⁹ Отчеты Министерства народного просвещения; Труды Ленинградского политехнического института, 1957, № 190, с. 78.

²⁰ Труды Ленинградского политехнического института, 1957, № 190, с. 72.

²¹ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова-Ленина. Л.—М., 1948, с. 193; Суммарный список выпускников за 1889—1914 гг. — Известия Общества инженер-электриков, окончивших Электротехнический институт. Пг., 1915, № 2, с. 58.

²² Первые женщины инженеры. Сборник воспоминаний. Л., 1967, с. 10—11; Электричество, 1970, № 7, с. 91—92.

²³ 120 лет Военно-инженерной академии. 1819—1939. М., 1939, с. 68.

²⁴ Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб., 1910, ч. 1; СССР в цифрах в 1978 году. М., 1979, с. 221, 225.

²⁵ Источники: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, с. 70; Статистические сведения о состоянии учебных заведений. . . МТП; Отчеты МНП (Министерства народного просвещения); Горный журнал, 1923, № 11, с. 747—763; *Гембицкий С. С.* Инженеры, окончившие Екатеринославский горный институт. — Известия Екатеринославского горного института, 1924, т. XIV; Биографические данные об инженер-технологах. — В кн.: Технологический институт им. Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, т. II. Л., 1928; *Мухачев П. М.* 25-летие Харьковского технологического института. 1885—1910. Харьков, 1910; *Сазонов А. В.* Сведения об инженерах, окончивших Томский технологический институт. 1900—1925. Томск, 1928; Список лиц, окончивших курс в Московском техническом училище. Изд. 10-е. М., 1912; 100 лет Московского механико-машиностроительного института им. Н. Э. Баумана. 1832—1932. М., 1933, с. 104; Album academicum des Polytechnikums zu Riga. 1862—1912. Riga, 1912; Труды Ленинградского политехнического института, 1957, № 190, с. 72; Новочеркасский политехнический институт. Новочеркасск, 1957; Ленинградский инженерно-строительный институт за 125 лет. 1832—1957. Л., 1958; Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения за 100 лет. 1810—1910. СПб., 1910; Список инженеров путей сообщения, окончивших Институт инженеров путей сообщения. Составлен на 1 января 1917 г. Пг., 1916; Известия Общества инженер-электриков, окончивших Электротехнический институт, 1915, № 2, с. 58 (выпуски института 1889—1914 гг.); Торжественный акт Московского института путей сообщения. 2 февраля 1914 г. 1896—1913. М., 1914.

²⁶ Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. 1907—1967. М., 1968, с. 124; Киевский коммерческий институт. Киев, 1913; Статистические сведения о состоянии учебных заведений. . . МТП.

²⁷ *Ранн А. Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912, с. 223.

²⁸ Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. 1865—1965. М., 1969, с. 108.

²⁹ Цит. по кн.: *Писаржевский О.* Прянишников. М., 1963, с. 164—165.

³⁰ Записки Ново-Александрийского института, т. 15—25. Варшава — Пг., 1903—1916 (отчеты о деятельности института).

³¹ Очерк развития Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов за 10-летнее их существование... Пг., 1915.

³² Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912). Пг., 1914, с. 236.

³³ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в., с. 125; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... с. 190; Отчеты Петербургского лесного института за 1910/11—1913/14 гг.

³⁴ Межевые инженеры, вып. 1 и 2. М., 1912; *Рудин С. Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг., 1915, с. 467—468; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... с. 396; Министерство юстиции за 100 лет. СПб., 1902, с. 332; ЦГАОР, ф. 680, оп. 1, д. 938; Памятная книжка Константиновского межевого института. М., 1916.

³⁵ *Скрябин К. И.* Моя жизнь в науке. М., 1969, с. 29—39.

³⁶ *Коропов В. М.* Ветеринарное образование в СССР. М., 1949; История Казанского государственного ветеринарного института им. Н. Э. Баумана. Казань, 1973, с. 24.

³⁷ Отчеты МНП; Протоколы заседаний конференции Военно-медицинской академии за 1900/01—1912/13 гг. СПб. — Пг., 1905—1914; *Страшун И. В.* Основные этапы развития института за полвека. — В кн.: 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова. Л., 1947.

³⁸ В кн. *Лейкиной-Свирской В. Р.* Интеллигенция во второй половине XIX в. (с. 40, 69, 77, 151) использованы неполные данные о выпускниках четырех факультетов Харьковского университета. Здесь и далее исправляю эту неточность по сводке М. И. Носалевица: Материалы для истории студенчества Харьковского университета за 100 лет. 1805—1905. — Записки Харьковского университета, 1906, кн. 3—4; 1907, кн. 1—2. Медицинский факультет Харьковского университета за 1859—1900 гг. выпустил 2450 врачей.

³⁹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в., с. 69. Итог для XIX в. уточнен исправлением по Харьковскому университету (1859—1900 гг. — 5640 человек) по сводке М. И. Носалевица (см. примеч. 38).

⁴⁰ Там же, с. 77 (итог уточнен по сводке М. И. Носалевица (см. примеч. 38); Харьковский университет в 1859—1900 гг. выпустил 1923 юриста; *Зайченко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. 1880—1955. Томск, 1960, с. 117, 123.

⁴¹ Отчеты МНП по Демидовскому лицее; Памятная книжка училища правоведения за 1916/17 учебный год. Пг., 1916; Памятная книжка лицейстов. 1811—1911. СПб., 1911.

⁴² *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в., с. 151 (итог уточнен по сводке М. И. Носалевица (см. примеч. 38)). Харьковский университет выпустил за 1859—1900 гг. 365 человек по историко-филологическому и 817 — по физико-математическому факультетам; Высшие женские (Бестужевские) курсы. Библиографический указатель. М., 1966, с. 170—192.

⁴³ *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912; *Марголин Д. С.* Вадемекум по высшему женскому образованию. Киев, 1915; Список учебных за-

ведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1914 г. СПб., 1914.

⁴⁴ Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература, вып. 1, 1979, с. 7.

⁴⁵ Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1901—1912. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1913; *Заболотский П. А.* Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине (1875—1910). СПб., 1912, с. 42—43.

⁴⁶ *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

⁴⁷ Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за 9 выпусков 1903—1912 гг.; Дополнения за три выпуска 1913—1915 гг. Владивосток, 1913—1916; *Сладковский М. И.* Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы. — Проблемы Дальнего Востока, 1979, № 4.

⁴⁸ Обзор деятельности Общества [востоковедения] и Практической восточной академии за 1911—1912 гг. СПб., 1913.

⁴⁹ *Куломзин А. Н.* Указ. соч.

⁵⁰ Там же; Именной список ректорам и инспекторам духовных академий, духовных семинарий... на 1917 год. Пг., 1917; *Соллертинский С. А.* Опыт исторической записки о состоянии С.-Петербургской духовной академии по случаю ее 100-летнего юбилея. СПб., 1910; Списки студентов, окончивших полный курс Московской духовной академии за первое 100-летие ее существования. Сергиев посад, 1914.

⁵¹ *Ониани В. С.* Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970, с. 64.

⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 3.

⁵³ Вестник Ленинградского университета, 1975, № 8. История, язык, литература, вып. 2, с. 161—162.

⁵⁴ Вестник Ленинградского университета, 1972, № 8. История, язык, литература, вып. 2, с. 48.

⁵⁵ *Павловский Е. П.* Военно-медицинская академия Красной Армии им. С. М. Кирова за 140 лет (1798—1938). Л., 1940, с. 34; РОПБ, ф. 781, д. 486.

⁵⁶ К характеристике современного студенчества. СПб., 1911, с. 16—19; *Струмилин С. Г.* Указ. соч., с. 249.

⁵⁷ Третий съезд РСДРП. Сб. док. и матер. М., 1955, с. 584.

⁵⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. М., 1971, с. 203—204, 222, 214.

⁵⁹ Из истории Ленинградского политехнического института. [Л.], 1975, с. 31.

2. Массовые профессии интеллигенции (с. 34—85)

¹ *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, с. 361.

² *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978, с. 289.

³ Русское богатство, 1905, № 3, с. 58—82.

⁴ Список чинам канцелярии Совета министров... по 1 августа 1916 г. Пг., 1916; Список личного состава центральных учреждений Министерства торговли и промышленности. СПб., 1912.

⁵ Список чинам ведомства Министерства юстиции. Центральные учреждения. СПб., 1913; там же. Губернские учреждения. СПб., 1913; Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет, т. 1. Пг., 1914, с. 450—452.

⁶ Список личного состава Министерства путей сообщения. Центральные и местные учреждения. Пг., 1915.

⁷ Патон Е. О. Воспоминания. Киев, 1956, с. 27, 50.

⁸ Кракау А. Автобиографии окончивших курс в Электротехническом институте. 1889—1904 гг. [СПб., 1908].

⁹ Список горным инженерам... по 15 сентября 1913 г. СПб., 1913.

¹⁰ Суворин А. С. Дневник. М.—Л., 1923, с. 363.

¹¹ Бардин И. П. Жизнь инженера. М., 1938, с. 9.

¹² Современный мир, 1912, № 10, с. 272.

¹³ Технологический институт... т. II. Л., 1928, с. 147, 152—156, 255.

¹⁴ Отчет о деятельности Общества окончивших Петербургский политехнический институт за 1914—1915 отчетный год. [Б. г. и м.].

¹⁵ Краснянский М. Б. Записки донецкого штейгера. Ростов н/Д, 1916, с. 87; Известия Екатеринославского горного института, 1924, т. XIV, с. 226—227; Зворыкин А. А. Очерки по истории советской горной техники. М.—Л., 1950, с. 439.

¹⁶ Терпигоров А. М. Воспоминания горного инженера. М., 1956, с. 55; Материалы к истории Киевского политехнического института. [Киев, 1913], с. 22.

¹⁷ К характеристике современного студенчества. СПб., 1911, с. 36—39.

¹⁸ Худяков П. К. Очерк 40-летия деятельности Общества [Политехнического при Московском высшем технич. училище]. М., 1918, с. 156—157.

¹⁹ Меженко Ю. А. Русская техническая периодика. 1800—1916. Библиографический указатель. М.—Л., 1955.

²⁰ Научно-технические общества СССР. М., 1968, с. 7—89; Личный состав Русского технического общества. Пг., 1915; Костомаров В. М. Из деятельности Русского технического общества в области машиностроения. М., 1957, с. 19.

²¹ Резолюции III съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1903—1904. СПб., 1906.

²² О Союзе инженеров см.: Кирпичников С. Д. Всероссийский союз инженеров и техников. СПб., 1906; Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений... Сост. В. Ивановичем. СПб., 1906, с. 191—194, и др.

²³ Кирпичников С. Д. Л. И. Лутугин и Союз союзов. — Былое, 1925, № 6(34), с. 139; ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 1 и об.; д. 15, л. 40.

²⁴ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 18—19 об.

²⁵ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 34; ф. 539, оп. 1, д. 149; Сын отечества, 24 октября 1905 г.

²⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. М., 1971, с. 207.

²⁷ Кирпичников С. Д. Всероссийский союз инженеров и техников, с. 15.

²⁸ ЦГАОР, ф. 539, оп. 1, д. 1024, л. 4 и об.

²⁹ Там же, л. 1, 4 об., 5.

³⁰ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 66, л. 7.

³¹ Загряцков М. Д. Земская служба и третий элемент. Пг., 1914, с. 8.

³² Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912). Пг., 1914, с. 394; Местный агрономический персонал, состоящий на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. Справочник. Пг., 1914.

³³ Фридолин С. П. Исповедь агронома. М., 1925, с. 81—91, 117.

³⁴ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 27; Ониани В. С. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970, с. 96.

³⁵ Коропов В. М. Ветеринарное образование в СССР. М., 1949, с. 95; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. 1875—1914. Уфа, 1915, с. 326—329; Симбирское губернское земство. 1864—1914. Симбирск, 1914, с. 40.

³⁶ Ушаков А. В. Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении России (1895—1904). М., 1974, с. 116.

³⁷ Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969, с. 39—40, 42—43; Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2. СПб., 1910, с. 179.

³⁸ Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. 1888—1918. М.—Л., 1941, с. 157; в статье З. Г. Френкеля в «Юбилейном земском сборнике» (СПб., 1914, с. 414) эти цифры несколько ниже.

³⁹ Вересаев В. В. Записки врача. СПб., 1901, с. 299; Труды Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, т. 2. М., 1910, с. 453.

⁴⁰ Калинин П. А. Профдвижение среднего медицинского персонала в России. М., 1927, с. 9; Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913, с. 125.

⁴¹ Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела, с. V—VI.

⁴² Цеткия Клара. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. СПб., 1905, с. 20.

⁴³ Жбанков Д. Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. М., 1910, с. 28—29.

⁴⁴ Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, 1907, сентябрь — октябрь, с. 562.

⁴⁵ Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897; Лотова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. Первое гигиеническое общество в России. М., 1962.

⁴⁶ Мартынов Д. Указатель к 20 съездам российских хирургов. 1900—1928. М., 1930.

⁴⁷ Цит. по кн.: Ониани В. С. Указ. соч., с. 30.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 47, л. 13 об.

⁴⁹ Мицкевич С. И. Указ. соч., с. 133—134.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 47; Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2, с. 172—173; Вперед, 1905, № 15; Мицкевич С. И. Указ. соч., с. 137.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 47, л. 24, 25.

⁵² Там же, л. 9—10 об. Подробнее см.: Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с. 116—117; Кузьмина Г. С. Медицинская интеллигенция Саратовской губернии в первой русской революции. — История партийных организаций Поволжья. Межвузовский научный сборник, вып. 8, 1979.

⁵³ Вопросы истории, 1972, № 4, с. 203—206.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 2718, л. 1; Профсоюзное движение работников лечебно-санитарного дела. М., 1921, с. 22, 26, 21.

⁵⁵ Ушаков А. В. Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении России, с. 118; ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 80, л. 7—8, 4 об., 3 и др.

⁵⁶ Калинин П. А. Указ. соч., с. 6—9.

⁵⁷ Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, 1907, № 1, с. 5—19.

⁵⁸ Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912, с. 29.

⁵⁹ Исторические записки, 1971, т. 88, с. 120.

⁶⁰ Календарь для учителей на 1914/15 учебный год, ч. II. СПб., [1914].

⁶¹ Педагогическая энциклопедия, т. 1. М., 1929, стб. 1021—1022.

⁶² Лига образования. Первый общий очередной съезд 28—31 декабря 1908 г. [Б. г. и м.], с. 2.

⁶³ Там же, с. 9.

⁶⁴ Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года, вып. XVI. Итоги по империи. Пг., 1915. См. также итоги этой переписи, обработанные В. И. Покровским. — Педагогическая энциклопедия, т. 2. М., 1930, с. 123—124. Наши общие выводы подтверждаются и данными по отдельным земствам. См., напр., Положение народного образования во Владимирской губ. по исследованию 1910 года, вып. 2. Учителя и учительницы в земских школах. Владимир на Клязьме, 1911, с. 8—13; *Бобылев Д. М.* Что сделали земства Пермской губ. в интересах местного края. Пермь, 1914, с. 9, и др.

⁶⁵ Цит. по кн.: *Белдыцкий Н. П.* Очерк земской периодической печати за 1905 год. Пермь, 1906, с. 21—22.

⁶⁶ Однодневная перепись начальных школ... с. 4.

⁶⁷ *Чарнолуцкий В. И.* Учительские организации в России. М., 1908, с. 132—137; Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Сборник статей. Пг., 1915, с. 241.

⁶⁸ Русская мысль, март 1903, с. 127—129; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М., 1976, с. 34.

⁶⁹ Резолюции III съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, с. 101.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 76, л. 10—14; д. 75, л. 25.

⁷¹ Профессиональные учительские организации на Западе и в России, с. 261; *Чарнолуцкий В. И.* Указ. соч., с. 16; ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 75, л. 105, 116.

⁷² Российские партии, союзы и лиги, с. 159; Вестник Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию № 1, ноябрь 1905, с. 1—7.

⁷³ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 75, л. 107.

⁷⁴ Проект устава Всероссийского профессионального учительского союза. [Б. м.], 1906, с. 4.

⁷⁵ Протоколы Учредительного съезда федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию. Петербург, 24—25 апреля 1907 г. СПб., 1907.

⁷⁶ Протоколы III делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 7—10 июня 1906 г. СПб., 1906, с. 142, 144, 13.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 75, л. 138 и об.; *Константинов Н. А. и Струминский В. Я.* Очерки по истории народного образования в России. Изд. 2. М., 1953, с. 222—223.

⁷⁸ Вестник воспитания, 1915, № 1, с. 8—57; Русская школа, 1915, № 1, с. 90. См. также: Педагогическая энциклопедия, т. 1. М., 1929, с. 395—416.

⁷⁹ *Фрид Л. С.* Культурно-просветительная работа в России в дооктябрьский период (1905—1917 гг.). М., 1960, с. 17.

⁸⁰ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 300.

⁸¹ *Константинов Н. А. и Струминский В. Я.* Указ. соч., с. 207, 210; 10-летие народного дома Харьковского общества грамотности. 1903—1913. Харьков, 1913; Отчет Лиговского народного дома за первое 10-летие. 1903—1913. СПб., 1914.

⁸² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 101.

⁸³ ЦГАОР, ф. 812, оп. 1, д. 96 и 124.

⁸⁴ Профессор *Андрей Николаевич Краснов (1862—1914 гг.)*. Сборник. Харьков, 1916; Пречистенские рабочие курсы. Сборник статей и воспоминаний. М., 1948, с. 27, 54 и др.; *Арабажин К. И.* Народный университет в Петербурге. СПб., 1898.

⁸⁵ С.-Петербургское общество народных университетов. Отчет о деятельности с 1 сентября 1911 по 1 сентября 1912 года. СПб., 1913.

⁸⁶ Труды I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. СПб., 1908, с. 27, 24, 46—47.

⁸⁷ Первый Всероссийский съезд Лиги образования. [СПб.], 1908.

⁸⁸ Судебные уставы за 50 лет, т. II. Пг., 1914, с. 260; Юридический календарь *М. Острогорского* на 1916 год. Пг., 1916.

⁸⁹ *Воровский В. В.* Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955, с. 23; Судебные уставы за 50 лет, т. II, с. 274; Северный вестник, 1897, № 12, с. 48.

⁹⁰ Право. Систематический указатель за 10 лет (1898—1908). СПб., 1910.

⁹¹ *Козлинина Е. И.* Записки старейшей русской журналистки за полвека, 1862—1912 (50 лет в стенах суда). М., 1913, с. 401—402; *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, с. 43, 51—53; «Девятый вал». М., 1927, с. 44—71; Политические процессы в России. 1901—1917. Ч. 1. 1901—1905. М., 1932, с. 243—246.

⁹² Молодая адвокатура, вып. 1. Сборник речей по политическим процессам *А. М. Александрова*, *В. В. Беренштама*, *Ф. А. Волькенштейна* и др. СПб., [1909]. В сборник включены речи 17 адвокатов.

⁹³ *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. М., 1924, с. 203; Образование, 1906, № 10, с. 118—119; *Беренштам В. В.* В боях политических защит. Л.—М., 1925, с. 115.

⁹⁴ Русские ведомости. 1863—1913. М., 1913, стб. 108 2-й пагинации (биография *А. Р. Ледницкого*); Красная летопись, 1922, № 1, с. 137—160.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 15, л. 45; Спутник избирателя на 1906 год. СПб., [1906], с. 156.

⁹⁶ *Воровский В. В.* Избранные произведения о первой русской революции, с. 23—31.

⁹⁷ Российские партии, союзы и лиги, с. 188—191; Дисциплинарное дело о присяжных поверенных и их помощниках, пытавшихся в октябре 1905 г. прекратить занятия в Киевском окружном суде. Киев, 1907; Право, 1906, № 45.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 76, л. 53.

⁹⁹ *Волькенштейн Ф. А.* В дореволюционных судах. Речи защитника. М.—Л., 1924, с. 271—281.

3. Работники науки (с. 86—118)

¹ *Менделеев Д. И.* Проблемы экономического развития России. М., 1960, с. 5—6.

² История Академии наук СССР, т. 2. 1803—1917. М.—Л., 1964, с. 450, 461; Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., ч. 1. Пг., 1917.

³ *Ключев И. С.* Неиспользованные богатства. СПб., 1909.

⁴ Живая старина, 1911, вып. 3—4, с. 453—472.

⁵ Вопросы истории, 1978, № 10, с. 212—216; Очерки истории музейного дела в России, вып. 2. М., 1960, с. 224—299.

⁶ Очерки истории музейного дела в России, вып. 2, с. 145—223.

⁷ Там же, с. 73, 77, 85, 86.

⁸ *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. Изд. 4. М., 1965, с. 90, 117—131.

⁹ *Яковлев П. С.* Памятная книжка Археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911. СПб., 1911.

¹⁰ Труды Института истории естествознания и техники, 1959, т. XXVII, с. 146—177.

¹¹ Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники, т. 4. М., 1965, с. 746.

¹² Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. М., 1913, с. 328.

¹³ *Орлов Н. Н.* 35 лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете. 1889—1924. М., 1925, с. 127—128; Вопросы философии и психологии, 1910, кн. 102, с. 194; кн. 103, с. 243—262, 207—223; Список членов философского общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1900; *Шульговский Н. Н.* Кружок философии права проф. Л. И. Петражицкого при С.-Петербургском университете за 10 лет существования. СПб., 1910.

¹⁴ *Владычко С. Д.* Отчет о деятельности общества психиатров в С.-Петербурге за 50 лет его существования (1862—1912). СПб., 1912.

¹⁵ Советская историческая энциклопедия, т. 4. М., 1963, с. 222.

¹⁶ Личный состав Московского археологического общества к 27 марта 1915 г. М., 1915; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, с. 172, 205.

¹⁷ Русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916; Историческое обозрение, т. 20. Пг., 1915, с. 188—221.

¹⁸ 75 лет периодического закона Д. И. Менделеева и Русского химического общества. М.—Л., 1947, с. 115—260.

¹⁹ Очерки по истории геологической науки, вып. 1. М., 1953, с. 112.

²⁰ *Лазарев П. П.* Н. А. Умов. М., 1940, с. 22; *Келер Вл.* Сергей Вавилов. М., 1961, с. 40.

²¹ Временник общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова, 1911, № 1, с. 35—42; см. также с. 46—52.

²² *Тимирязев К. А.* Наука и демократия. Сборник статей. 1904—1919. М., 1963, с. 427; *Лазарев П. П.* Н. А. Умов, с. 27—28.

²³ *Верещетин В. С., Леbedкина Е. Д.* Международный Совет научных союзов. М., 1962, с. 9—10.

- ²⁴ Народы Азии и Африки, 1975, № 3, с. 224—232.
- ²⁵ Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. 1. М., 1948, с. 358—368.
- ²⁶ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, с. 181.
- ²⁷ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 29, л. 17 и об.
- ²⁸ *Куломзин А. Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. М., 1912; Советская историческая энциклопедия, т. 14. М., 1973, с. 818.
- ²⁹ Список учебных заведений ведомства МНП. СПб., 1914; Статистические сведения о состоянии учебных заведений... МТП. Пг., 1916. Списки личного состава Министерства путей сообщения. СПб., 1915; Список членов Главного управления землеустройства и земледелия по учебной части. СПб., 1914; Памятная книжка Константиновского межевого института. М., 1916; Именной список ректорам и инспекторам... духовных академий. Пг., 1917, и др., а также при отсутствии иных сведений *Куломзин А. Н.* Указ. соч.
- ³⁰ Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. М., 1915, с. 314.
- ³¹ *Багaley Д. И.* Экономическое положение русских университетов. СПб., 1914, с. 3.
- ³² Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 209—219.
- ³³ Северный вестник, 1897, № 10, с. 70.
- ³⁴ *Багaley Д. И.* Указ. соч., с. 29.
- ³⁵ *Попов К. М., Штиглиц Н. Н.* Отчет о деятельности Клинического института вел. княгини Елены Павловны за 25 лет его существования. СПб., 1910; Отчет за 1909—1911 годы. Пг., 1914.
- ³⁶ Русская мысль, 1902, № 2, отд. 2, с. 167—172; *Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М.* Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов н/Д., 1903; Вестник знания, 1904, № 11, с. 183—191.
- ³⁷ ОРБЛ, ф. 44, д. 7, с. 295.
- ³⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 420, 438.
- ³⁹ История СССР, 1969, № 4, с. 63.
- ⁴⁰ Известия Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта, т. VIII/XXV. Л., 1924, с. 7—32; Памяти П. Ф. Лесгафта. М., 1946, с. 53—64; Вопросы истории, 1976, № 8, с. 93—106.
- ⁴¹ Устав Педагогической академии Лиги образования. СПб., 1907; Первые шаги Педагогической академии. СПб., 1910.
- ⁴² *Бехтерев В. М.* Автобиография. М., 1928, с. 29—41.
- ⁴³ *Тимирязев К. А.* Наука и демократия, с. 370.
- ⁴⁴ Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского. История. очерк. М., 1914; Русская мысль, 1915, кн. 2, с. 25—34.
- ⁴⁵ Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955, с. 75; ОРБЛ, ф. 44, д. 14, л. 13.
- ⁴⁶ *Григорьев Д. П. и Шафрановский И. И.* Выдающиеся русские минералоги. М.—Л., 1949, с. 142; Исторические записки, т. 72, 1962, с. 217—228.
- ⁴⁷ Красный архив, 1931, т. 44, с. 136—137, 150—151; Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1. М., 1956, с. 204—207.
- ⁴⁸ Харьковский государственный университет... за 150 лет, с. 144.
- ⁴⁹ Из истории студенческих волнений (Коноваловский конфликт). С приложением документов. СПб., 1906, с. 733—734.
- ⁵⁰ Из истории Киевского политехнического института, т. 1. Киев, 1961, с. 146.

- ⁵¹ Отчет Лесного института за 1904/05 учебный год. СПб., 1906, с. 5—6.
- ⁵² Из истории Ленинградского политехнического института. [Л], 1975, с. 10—16.
- ⁵³ Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2. СПб., 1910, с. 172.
- ⁵⁴ Записка 342 ученых со всеми подписями опубликована в журнале «Всемирный вестник», 1905, № 4, и отдельным оттиском. «Спутник избирателя на 1906 год» говорит о 1420 подписях (с. 153), А. С. Будилович — о 1544 подписях (Наука и политика. СПб., 1905, с. 68).
- ⁵⁵ Вестник АН СССР, 1931, № 4, с. 14.
- ⁵⁶ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906, с. 176.
- ⁵⁷ Рожков Н., Соколов А. О 1905 годе. Воспоминания. М., 1925, с. 13—14.
- ⁵⁸ Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977, с. 105.
- ⁵⁹ Российские партии, союзы и лиги, с. 179—181.
- ⁶⁰ Спутник избирателя на 1906 год, с. 154; Купфер К. Р. Из недавнего прошлого Рижского политехнического института. Рига, 1906, с. 121—122.
- ⁶¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. I, д. 29, л. 17 и об.
- ⁶² Проект главных оснований общего устава высших учебных заведений. СПб., 1906.
- ⁶³ Русь, 1905, № 239.
- ⁶⁴ Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2, с. 189; Известия Ленинградского электротехнического института, вып. XXXII, Л., 1957, с. 16—17.
- ⁶⁵ Брандт А. Положение высших учебных заведений в связи с вопросом о митингах. Доклад 3-му делегатскому съезду Академического союза. СПб., 1906.
- ⁶⁶ ЦГАОР, ф. 518, оп. I, д. 29, л. 67.
- ⁶⁷ Труды Ленинградского политехнического института, 1949, № 1.
- ⁶⁸ Из истории Киевского политехнического института, с. 266, 279.
- ⁶⁹ 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова. Л., 1947, с. 45—46.
- ⁷⁰ Павловский Е. Н. Военно-медицинская академия Красной Армии им. С. М. Кирова за 140 лет (1798—1938). М., 1940, с. 23. Вестник Ленинградского университета, 1947, № 4, с. 151—158.
- ⁷¹ Новочеркасский политехнический институт им. С. К. Орджоникидзе. Новочеркасск, 1957, с. 6.
- ⁷² ЦГАОР, ф. 579, оп. I, д. 2699.
- ⁷³ Русские ведомости, 23 февраля 1911 г.
- ⁷⁴ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, с. 456—457; то же, 2-е издание, в 2-х томах, т. 2. М., 1977, с. 369, 373; СССР в цифрах в 1978 году. М., 1979, с. 73.
- ⁷⁵ Конюшая Ю. П. Открытия советских ученых, изд. 2. М., 1979, с. 4—5.

4. Цех литературы (с. 119—146)

- ¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 20-ти томах, т. 13. М., 1948, с. 264.

² Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М., 1958, с. 383—384.

³ Белов С. В. и Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX века. Л., 1976.

⁴ Труды Первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев 30 июня — 5 июля 1909 г. в С.-Петербурге. СПб., 1909.

⁵ Современный мир, 1909, кн. 12, с. 3—12.

⁶ 400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964, с. 469—498; Труды Ленинградского института культуры, 1971, т. 22, с. 189—225.

⁷ Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901—1916, т. 1—4. Л., 1958—1961; Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. СПб., 1903, с. 24.

⁸ Русское богатство, 1897, № 3, с. 90; Русское богатство, 1901, № 3, с. 1—21.

⁹ Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг., 1916.

¹⁰ Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965; Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиографический указатель, т. 1. 1900—1911. Сост. О. Д. Голубева. М., 1957; т. 2. 1912—1917. Сост. Н. П. Рогожин. М., 1958.

¹¹ Указатель журнальной литературы. Сост. Н. А. Ульянов и В. Н. Ульянова, вып. 1 (1906—1910), вып. 2 (1896—1905). М., 1911—1913. Цитата из выпуска 2, с. 6.

¹² Труды первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев... с. 164.

¹³ Указатель статей, помещенных в «Русском богатстве». СПб., 1911; Содержание журнала «Мир божий» за 1892—1901 гг. СПб., 1901; то же за 1902—1906 гг. СПб., 1906; К 25-летию «Русской мысли». Указатель статей с 1900 по 1904 г. включительно. М., 1905; Сотрудники «Русских ведомостей». — В кн.: «Русские ведомости», 2-я пагинация, стб. 1—219.

¹⁴ Литературное наследство, т. 85, 1976, с. 273.

¹⁵ Видуэцкая И. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. М., 1977, с. 36—40.

¹⁶ Перцов П. П. Литературные воспоминания. М.—Л., 1932, с. 39; Вестник Второго Всероссийского съезда писателей, 1910, № 10, с. 65—69.

¹⁷ Большеви́стская периодическая печать (декабрь 1900 — октябрь 1917). Библиографический указатель. Сост. Л. И. Львова и др. М., 1964.

¹⁸ Цит. по кн.: Никитин Л. Н. Большеви́стский журнал «Просвещение». М., 1955, с. 15.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 339.

²⁰ Первая русская революция. Указатель литературы. М., 1930, с. 653—688; Большеви́стская периодическая печать; Бережной А. Ф. и Смирнов С. В. Бойцы революции. Сотрудники большеви́стской печати. Библиографический справочник. Л., 1969.

²¹ Блок А. А. Сочинения в 8-ми томах, т. 5. М.—Л., 1962, с. 309.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 102, 100, 104.

²³ Мельгунов С. П. О современных литературных нравах. М., 1916; Снегсарев Н. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914;

Дигамма. Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обирание трудящихся, бедноты и скрытое взяточничество. СПб., 1904.

²⁴ *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX вв. М., 1970, с. 268.

²⁵ *Вересаев В. В.* Воспоминания. Изд. 3. М.—Л., 1946, с. 434—440; Отчет Московского литературно-художественного кружка за 1915—1916 год. М., 1916.

²⁶ *Белоусов И. А.* Литературная Москва. Изд. 2. М., 1929, с. 139; Революционная поэзия (1890—1917). Л., 1953.

²⁷ *Белоусов И. А.* Литературная Среда. Воспоминания. 1880—1928. М., 1928; *Телешов Н. Д.* Записки писателя. М., 1966, с. 105.

²⁸ Обзор деятельности Общества русских драматургических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования. М., 1899, с. 101—113; Каталог пьес членов Общества. М., 1914, с. 336—355.

²⁹ *Щепкина-Куперник Т. Л.* Театр в моей жизни. М.—Л., 1948, с. 123—124.

³⁰ Союз драматических и музыкальных писателей. Отчет за 1904—1910. СПб., 1910; Театр и искусство, 1907, № 19.

³¹ *Брандес Георг.* Собр. соч., т. 19. СПб., 1913, с. 3; ОРБЛ, ф. 44, д. 6, л. 244; *Мандельштам О. Э.* Шум времени. Л., 1925, с. 41.

³² Современный мир, 1909, декабрь, с. 71; Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909, с. 71.

³³ Вестник Европы, 1909, № 11, с. 376—377; Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного фонда»). Пг., 1916.

³⁴ Сборник «Самодержавие и печать в России» (Берлин, 1898) был перепечатан в Петербурге в 1906 г. См. также Современник, 1913, № 4, с. 257—260; Красный архив, 1927, т. 1 (20), с. 237, 240.

³⁵ *Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. Л., 1929, с. 241.

³⁶ *Арсеньев К. К.* За четверть века. 1889—1914. Пг., 1915, с. 570—577.

³⁷ Вопросы литературы, 1980, № 1, с. 148—155.

³⁸ Доклад юридической комиссии напечатан в «Ежегоднике» Союза русских писателей. СПб., 1900.

³⁹ *Бережной А. Ф.* Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895—1914). Л., 1967, с. 70—71.

⁴⁰ *Короленко С. В.* Книга об отце. Ижевск, 1968, с. 40—42; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник. М.—Л., 1924, с. 238.

⁴¹ Русское богатство, 1910, № 5, с. 191.

⁴² Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2. СПб., 1910, с. 162.

⁴³ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906, с. 181; *Ониани В. С.* Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970, с. 94—99, 115—116.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 539, оп. 1, д. 1109.

⁴⁵ Устав профессионального союза сотрудников периодических изданий. [Б. г. и м.].

⁴⁶ Новая жизнь, 1905, № 5 (перепеч.: Российские партии, союзы и лиги, с. 182—185).

⁴⁷ Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам поврежденных изданий, арест на которые утвержден судебными постановлениями по 15 апреля 1914 г. СПб., 1915.

⁴⁸ Былое, 1907, № 3, с. 134; Книга. Исследования и материалы, вып. 13. М., 1966, с. 137, 140 и др.

⁴⁹ Белоусов И. А. Литературная Среда, с. 211; Устав Общества деятелей периодической печати и литературы. М., 1907; Обзор деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за 4-летие 1907—1911. М., 1912; Журналист, 1927, № 5, с. 18—22.

⁵⁰ Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1978, с. 151, 154; Художественная культура. Понятия и термины. Справочное пособие. Сост. Л. М. Дорогова. М., 1978, с. 138, 139.

⁵¹ Авторское право. Доклад Комиссии С.-Петербургского литературного общества по поводу проекта закона об авторском праве. СПб., 1908; Новый энциклопедический словарь, т. 1, 1911, с. 327—365; Вся театрално-музыкальная Россия. Пг., 1914, с. 155—172.

⁵² Русское богатство, 1910, № 5, с. 188; ЦГАЛИ, ф. 1554, оп. 1, № 3.

⁵³ ЦГАЛИ, ф. 1554, оп. 1, № 1.

⁵⁴ Проект Устава Всероссийского общества писателей. СПб., 1910.

⁵⁵ Отчет о деятельности Всероссийского литературного общества (за 1912 и 1913 гг.). СПб., 1913, 1914.

⁵⁶ Воровский В. В. Литературно-критические статьи. М., 1956, с. 424—425.

⁵⁷ Литературная газета, № 51, 1980.

5. Художники

(с. 147—177)

¹ Дмитриева Н. А. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951, с. 117.

² Корнилов П. Е. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. Л.—М., 1947.

³ Дмитриева Н. А. Указ, соч., с. 74.

⁴ Беккер И. И., Бродский И. А., Исаков С. К. Академия художеств. Л., 1940, с. 49; Прахов Н. А. Страницы из прошлого. Очерки-воспоминания о художниках. Киев, 1958, с. 125.

⁵ Избранное в 2-х томах, т. 1. М.—Л., 1950, с. 229—232.

⁶ Молева Н. М. Выдающиеся русские художники-педагоги. М., 1962, с. 111—113.

⁷ Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. 1842—1904. Изд. 2. М., 1972, с. 126—127, 140, 241, 264.

⁸ Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка, т. II. М.—Л., 1949, с. 208—209; Чистяков П. П. Письма. Записные книжки. Воспоминания. М., 1953, с. 498—499; Советская культура, 1957, № 149.

⁹ Отчет о деятельности Общества поощрения художеств с 1 сентября 1911 по 1 сентября 1912 г. Пг., 1914.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 596, л. 19.

¹¹ Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования, т. II. М., 1953, с. 125—137; Труды первого съезда русских художников и любителей художеств в 1894 году. М., 1900; Искусство, 1934, № 2, с. 158—172.

¹² Статистические сведения о состоянии учебных заведений... МТП. Пг., 1916, с. 222.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 2, л. 4—6 об; оп. 3, д. 63, л. 50 и об.

¹⁴ 150 лет архитектурного образования в Москве. М., 1940, с. 18 и сл.

- ¹⁵ Газета «Раннее утро», 13 февраля 1908 г.
- ¹⁶ Юбилейный справочник Академии художеств, 1764—1914. Сост. С. Н. Кондаков. I. Часть историческая. СПб., 1914.
- ¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 938.
- ¹⁸ Цит. по кн.: *Русакова А. А.* Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. Л.—М., 1966, с. 97.
- ¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 1, д. 918.
- ²⁰ *Крамской И. Н.* Письма. Статьи, т. II. М., 1966, с. 331; *Каренин Владимир.* Владимир Стасов. Очерки его жизни и деятельности. Л., 1927, с. 474.
- ²¹ *Гинцбург Илья.* Из прошлого. Воспоминания. Л., 1924, с. 146; *Меркуров С. Д.* Записки скульптора. М., 1953, с. 14.
- ²² Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 — январь 1912, т. III. Пг., [1915], с. 99. Доклад М. Г. Малышева.
- ²³ *Прахов Н. А.* Указ. соч., с. 112, 175—176, 186.
- ²⁴ *Крамской И. Н.* Письма. Статьи, т. II, с. 99—102.
- ²⁵ *Мясоедов Г. Г.* Письма. Документы. Воспоминания. М., 1972, с. 187.
- ²⁶ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников, т. 1. Л., 1971, с. 138.
- ²⁷ *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970, с. 264.
- ²⁸ *Лебедев А. К.* Указ. соч., с. 272.
- ²⁹ Труды НИИ музееведения, вып. VII. М., 1962, с. 67—74.
- ³⁰ Труды НИИ музееведения, вып. VII, с. 35, 23.
- ³¹ *Нерадовский П. И.* Из жизни художника. Л., 1965, с. 102—128.
- ³² *Обольянинов Н.* Русские граверы и литографы (словарь). М., 1913; Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий, вып. 1—4. [СПб.], 1908—1910; *Сидоров А. А.* Русская графика начала XX века. М., 1969.
- ³³ *Гомберг-Верхбинская Э. П.* Русское искусство и революция 1905 года. Л., 1960; *Стернин Г. Ю.* Очерки русской сатирической графики. М., 1964.
- ³⁴ *Жевержеев Л. И.* Описание моего собрания памятников русского театра. Пг., 1915, с. 83—102. См. также: *Сыркина Ф. Я.* Русское театральное-декорационное искусство второй половины XIX века. М., 1956; *Давыдова М. В.* Очерки истории русского театральное-декорационного искусства XVIII — начала XX века. М., 1974.
- ³⁵ За 30 лет. 1896—1926. Л., 1928, с. 13—37, 42.
- ³⁶ *Зубов В. П.* Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917—1925). Мюнхен, 1968, с. 85—100.
- ³⁷ *Молева Н. М.* Указ. соч., с. 187.
- ³⁸ *Крамской И. Н.* Письма. Статьи, т. 1. М., 1965, с. 272.
- ³⁹ *Коненков С. Т.* Мой век. М., 1972, с. 120. См. также: *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 510—511.
- ⁴⁰ *Каменский А. А.* Рыцарский подвиг. Книга о скульпторе Анне Голубкиной. М., 1978, с. 90.
- ⁴¹ *Русакова А. А.* Указ. соч., с. 81.
- ⁴² Валентин Серов в воспоминаниях... современников, т. I, с. 117—118; *Петров-Водкин К. С.* Пространство Эвклида. Л., 1932, с. 196.
- ⁴³ *Врубель.* Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1963, с. 340.

⁴⁴ Валентин Серов в воспоминаниях... современников, т. 2. Л., 1971, с. 224, 465.

⁴⁵ Молева Н. М. Указ. соч., с. 342.

⁴⁶ Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России начала XX века. М., 1975.

⁴⁷ Петров Всеволод. «Мир искусства». Альбом. М., 1975, с. 10; Лапшина Н. П. «Мир искусства». Очерки истории и творческой практики. М., 1977, с. 295, 266—268.

⁴⁸ Лапшин В. П. Союз русских художников. Л., 1974, с. 250—264, 266—268.

⁴⁹ Труды I съезда русских зодчих в Петербурге. 1892. СПб., 1894; Труды II съезда русских зодчих в Москве. М., 1899; Дневник IV съезда русских зодчих № 1—9, 1911; Дневник V съезда русских зодчих № 1—8, 1913.

⁵⁰ Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России начала XX века, с. 65.

⁵¹ Всероссийский союз деятелей изящных искусств. М., 1906, с. 18.

⁵² Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906, с. 185.

⁵³ Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, т. III, с. 101.

6. Актеры. Музыканты (с. 178—217)

¹ 200 лет Ленинградского гос. хореографического училища. Материалы по истории русского балета. Сост. М. Борисоглебский, т. 1. Л., 1938, с. 27, 33; Погочев В. П. 100-летие организации имп. московских театров, вып. 1, кн. 1. СПб., 1906, с. 133—136.

² Цит. по кн.: Петровская И. Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971, с. 79.

³ Дынник Татьяна. Крепостной театр. Л.—М., 1933, с. 32, 35—37; Крути И. Русский театр в Казани. М., 1958, с. 28, 29, 31.

⁴ Погочев В. П. Указ. соч., с. 313.

⁵ Велизарий М. И. Путь провинциальной актрисы. Л.—М., 1938, с. 274; Крути И. Русский театр в Казани, с. 66.

⁶ Ежегодник имп. театров, вып. XIV. Приложение, с. 66; Пчельников П. М. Справочная книжка по театральному делу. М., 1900, с. 54—56.

⁷ Вазем Е. О. Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. Л.—М., 1937, с. 131—132; Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970, с. 63; Беккер И. И., Бродский И. А., Исаков С. К. Академия художеств. Л., 1940, с. 48—49.

⁸ Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. Л.—М., 1962, с. 61; Соболев-Щиков-Самарин Н. И. Записки. Изд. 2. Горький, 1960, с. 69; Теляковский В. А. Воспоминания. Л.—М., 1965, с. 70—71.

⁹ Брянский А. М. Александр Евстафьевич Мартынов. Л.—М., 1941, с. 78.

¹⁰ Коровяков Д. Д. Вокруг театра. СПб., 1894, с. 142—145; А. Н. Островский о театре. Записки, речи и письма. Изд. 2. М.—Л., 1947, с. 79, 80; Горин-Горяинов Б. А. Кулисы. Л., 1940, с. 154.

¹¹ Перестиани И. Н. 75 лет жизни в театре. М., 1962, с. 203, 204.

¹² П[альм] Ал. Театр в провинции. — Слово, 1878, июнь, с. 70. Эту статью перепечатал в «Историческом вестнике» (1912, № 11) сын автора, актер Г. А. Пальм; Крути И. Указ. соч., с. 282.

- ¹³ Памятная книжка для артистов. СПб., 1899, с. 2—3.
- ¹⁴ Давыдов В. Н. Указ. соч., с. 90.
- ¹⁵ Синельников Н. Н. 60 лет на сцене. Записки. Харьков, 1935, с. 115, 123, 262, 95.
- ¹⁶ Крути И. Указ. соч., с. 349.
- ¹⁷ Там же, с. 282.
- ¹⁸ Александр Иванович Южин-Сумбатов. Записки. Статьи. Письма. М., 1954, с. 252—253; Озаровский Ю. Наше драматическое образование. СПб., 1900, с. 114.
- ¹⁹ Соболевский-Самарин Н. И. Указ. соч., с. 207.
- ²⁰ Давыдов В. Н. Указ. соч., с. 68, 69.
- ²¹ Ежегодник имп. театров за сезон 1896—1897; Комаровская Н. И. Виденное и пережитое. Из воспоминаний актрисы. Л.—М., 1965, с. 97.
- ²² Горин-Горяинов Б. А. Актеры (из воспоминаний). Л.—М., 1947, с. 27.
- ²³ Всеволодский-Гернгросс В. Н. История русского театра. В 2-х томах, т. 2. Л.—М., 1929, с. 203—204.
- ²⁴ Зограф Н. Г. Александр Павлович Ленский. М., 1955, с. 266.
- ²⁵ 200 лет Ленинградского хореографического училища (списки окончивших).
- ²⁶ Ходотов Н. Н. Близкое-далекое. Л.—М., 1962, с. 54; Всеволодский-Гернгросс В. Н. 25-летие драматических курсов при С.-Петербургском театральном училище. 1888—1913. СПб., 1913, с. 76; Зограф Н. Г. Александр Павлович Ленский, с. 257.
- ²⁷ Немирович-Данченко Вл. И. Из прошлого. М., 1938, с. 67.
- ²⁸ Комаровская Н. И. Указ. соч., с. 22—23.
- ²⁹ ЦГАЛИ, ф. 641, оп. 1, д. 129, л. 39—40 об.
- ³⁰ Озаровский Ю. Указ. соч., с. 24.
- ³¹ Архив Дирекции имп. театров, вып. 1, отд. III. СПб., 1892, с. 23—133.
- ³² Зограф Н. Г. Малый театр в к. XIX — н. XX в. М., 1966, с. 19, 368; Московский Малый театр. 1824—1924. М., [1924], с. 665—708.
- ³³ Альтшуллер А. Н. Театр прославленных мастеров. Очерки истории Александринской сцены. Л., 1968, с. 85—86; Озаровский Ю. Указ. соч., с. 14; Пчельников П. М. Справочная книжка по театральному делу, с. 7—9.
- ³⁴ Слово, 1878, июнь, с. 70.
- ³⁵ Марьяненко И. А. Прошлое украинского театра. Воспоминания. М., 1954, с. 124; Синельников Н. Н. Указ. соч., с. 237; 20-летие театра им. А. С. Суворина. Пг., 1915; Московский художественный театр. 1898—1938. М., 1938, с. 582—594.
- ³⁶ ЦГАЛИ, ф. 641, оп. 1, д. 355, л. 6 и об.
- ³⁷ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1972, с. 218.
- ³⁸ Шверубович В. В. О людях, о театре, о себе. М., 1976, с. 53; Кранихфельд Вл. П. В мире идей и образов, т. 3. Пг., 1917, с. 184.
- ³⁹ Марков П., Чушкин Н. Московский художественный театр. М.—Л., 1950, с. 94—110.
- ⁴⁰ Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 8-ми томах, т. 1. М., 1954, с. 392.
- ⁴¹ Красовская В. История русского балета. Л., 1978, с. 208—216 и др.
- ⁴² Материалы к истории русского театра. М., 1966, с. 119—142.
- ⁴³ Там же, с. 25, предисловие А. Н. Альтшуллера.
- ⁴⁴ Первая русская революция и театр. М., 1956, с. 59.

⁴⁵ Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л., 1962, с. 29—31.

⁴⁶ *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л., 1971, с. 60.

⁴⁷ *Перестиани И. Н.* Указ. соч., с. 57—58.

⁴⁸ Отчет Русского театрального общества за 1901 г. СПб., 1902; *Яблочкина А. А.* 75 лет в театре. М., 1966, с. 276.

⁴⁹ Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 9—23 марта 1897 г. в Москве, ч. 1. СПб., 1898, с. 26—41; Александр Иванович Южин-Сумбатов. Записи. Статьи. Письма, с. 258.

⁵⁰ Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей, ч. 2. СПб., 1898, с. 200.

⁵¹ *Собольщиков-Самарин Н. И.* Указ. соч., с. 149; *Южин-Сумбатов А. И.* Указ. соч., с. 211, 219—220.

⁵² *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* История русского театра, т. 2, с. 198—199.

⁵³ Очерки истории музейного дела в России, вып. 2. М., 1960, с. 137.

⁵⁴ Приложение к «Ежегоднику имп. театров» за сезон 1898/99 г. СПб., 1900, с. 115—116.

⁵⁵ *Янковский М.* Театральная общественность Петербурга. — Первая русская революция и театр. М., 1956, с. 148—149.

⁵⁶ ЦГАЛИ, ф. 641, оп. 1, д. 248, л. 1.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 71, л. 1 и об.

⁵⁸ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906, с. 183—184.

⁵⁹ Устав Всероссийского союза сценических деятелей. М., 1906; Всероссийский союз сценических деятелей. М., 1907, с. 23—40.

⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 641, оп. 1, д. 245, л. 32.

⁶¹ Там же, л. 29.

⁶² Там же, л. 72.

⁶³ Труды Первого Всероссийского съезда режиссеров 1908 года. М., 1908; Труды Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, вып. 6. Л., 1976, с. 116.

⁶⁴ *Хайченко Г. А.* Русский народный театр конца XIX — начала XX века. М., 1975, с. 256—261.

⁶⁵ Художественная культура. М., 1978, с. 134—135, 140.

⁶⁶ *Кремлев Ю.* Ленинградская консерватория. 1862—1937. М., 1938, с. 11.

⁶⁷ *Трайнин В. М.* П. Беляев и его кружок. Л., 1975.

⁶⁸ ОРБЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1 (воспоминания М. С. Керзной. 1912 г.).

⁶⁹ *Ярустовский Е.* Игорь Стравинский. Изд. 2. М., 1969, с. 24.

⁷⁰ *Финдейзен Ник.* Очерк деятельности С.-Петербургского отделения имп. Русского музыкального общества (1859—1909). СПб., 1909.

⁷¹ *Кремлев Ю.* Указ. соч., с. 20.

⁷² 100 лет Ленинградской консерватории. Исторический очерк. 1862—1962. Л., 1962, с. 63—64.

⁷³ *Келдыш Ю.* История русской музыки, ч. 3. М., 1954, с. 21.

⁷⁴ Труды I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов. СПб., 1908, с. 346.

⁷⁵ *Кремлев Ю.* Указ. соч., с. 46, 95; Московская консерватория. 1866—1966. М., 1966, с. 191; *Пузыревский А. М.* и *Саккетти Л. А.* Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912, с. 173—174; 100 лет Ленинградской консерватории, с. 122; *Маныкин-Невструев Н. А.* Краткий очерк Московского отделения Рус-

ского музыкального общества. 1860—1900. М., 1900, с. 41—47; ЦГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, д. 341, л. 1—5.

⁷⁶ 100 лет Ленинградской консерватории, с. 217—281; Московская консерватория, с. 642—688.

⁷⁷ *Теляковский В. А.* Воспоминания, с. 269.

⁷⁸ *Левик С. Ю.* Записки оперного певца. Из истории русской оперной сцены. М., 1955, с. 294—320.

⁷⁹ Союз композиторов СССР. Справочник на 1976 г. М., 1976, с. 35.

7. Интеллигенция в революционной борьбе (с. 218—254)

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 330, 333.

² Общественное движение в России в начале XX в., т. II, ч. 2. СПб., 1910, с. 155.

³ Зарницы, 1909, № 2, с. 132.

⁴ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 19 и сл.

⁵ Русские записки (Париж), 1938, август — сентябрь, с. 122.

⁶ *Милуков П. Н.* Год борьбы. СПб., 1907, с. 50, 52.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 266.

⁸ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906, с. 142—146.

⁹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 2 об.

¹⁰ Там же, л. 53; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 255—256, вставка в статью В. В. Воровского «Либеральные союзы и социал-демократия» («Пролетарий» № 18, 13 сентября 1905 г.).

¹¹ Красная летопись, 1925, № 3, с. 149.

¹² Пролетарий № 21, 1905 г.; ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 43, л. 15, 16.

¹³ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 9, 4 об.; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920). М., 1977, с. 115.

¹⁴ Проблемы истории СССР, вып. 6. М., 1977, с. 255—272; Равноправие женщин. Изд. 3-го делегатского съезда Союза равноправности женщин, открытого 21 мая 1906 г. (Б. г. и м.).

¹⁵ Проблемы истории СССР, вып. 6. М., 1977, с. 270.

¹⁶ *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 117, 120.

¹⁷ Былое, 1925, № 4 (32), с. 68; Образование, 1907, № 6-а, с. 23, 31; № 7-а, с. 86.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 2. Журнал совещания делегатов 14 Всероссийских профессиональных союзов в Москве 24—25 мая 1905 г.

¹⁹ Исторические записки, т. 50, 1955, с. 95—141; Советская историческая энциклопедия, т. 8, 1965, с. 110—111.

²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 334; *Демочкин Н. Н.* Революционное творчество крестьянских масс в революции 1905—1907 годов. — История СССР, 1980, № 1.

²¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 15, л. 75 об.; ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 1024, л. 1—3 (протокол съезда лесоводов 4—7 декабря 1905 г.).

²² ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 65, л. 2—13; Спутник избирателя на 1906 год.

²³ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 288.

²⁴ *Базилевич К. В.* Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905—1906. М., 1925, с. 211—212; Вопросы истории, 1976, № 10, с. 62.

- ²⁵ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 17—19.
- ²⁶ Там же, л. 25 об., 9, 16, 33; д. 18, л. 16, 20, 21.
- ²⁷ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 67, л. 2.
- ²⁸ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 16, л. 55; д. 24, л. 6 и 7; д. 11, л. 26; д. 18, л. 6, 15, 17, 18.
- ²⁹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 4 об. — 6; д. 15, л. 75 об.; *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с. 100.
- ³⁰ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 13 об., 56.
- ³¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 2, л. 31—33 об.; Красная летопись, 1925, № 3, с. 154.
- ³² ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 8. Перепечатано в статье Д. Ф. Сверчкова (Красная летопись, 1925, № 3, с. 153).
- ³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 149, 150, 152, 151, 155—156.
- ³⁴ Там же, с. 149—150.
- ³⁵ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 3.
- ³⁶ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 16, л. 54—55 об., 57—58.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 199.
- ³⁸ Русские записки (Париж), 1938, декабрь, с. 125.
- ³⁹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 7.
- ⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 122.
- ⁴¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 10. Письмо Союза союзов перепечатано в статье Д. Ф. Сверчкова, с. 160.
- ⁴² ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 15, л. 16 об., 101 об. — 102 об.; д. 28, л. 19.
- ⁴³ Красная летопись, 1925, № 3, с. 159—161; Былое, 1924, № 6, с. 134—146.
- ⁴⁴ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 10; д. 11, л. 11 и об.
- ⁴⁵ *Кирпичников С. Д.* Всероссийский союз инженеров и техников. СПб., 1906, с. 15; ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 17—20, 26.
- ⁴⁶ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 29; д. 11, л. 32.
- ⁴⁷ *Милюков П. Н.* Год борьбы, с. 170—171; ЦГАОР, ф. 518, д. 16, л. 62—63 об. (письма В. А. Мякотина и Н. Ф. Анненского С. Д. Кирпичникову).
- ⁴⁸ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 16, л. 4 (письмо Л. И. Лутугина).
- ⁴⁹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 4; д. 11, л. 29.
- ⁵⁰ Государственная Дума первого призыва. СПб., 1906.
- ⁵¹ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 34.
- ⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 206.
- ⁵³ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- ⁵⁴ *Широкова В. В.* Партия «Народного права». Саратов, 1972, с. 182—195; *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977, с. 232—283; История СССР, 1975, № 4, с. 132—145; История СССР, 1977, № 6, с. 229—231.
- ⁵⁵ *Спирин Л. М.* Указ. соч., с. 117; История СССР, 1980, № 1, с. 7—8.
- ⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 191, 192.
- ⁵⁷ *Спирин Л. М.* Указ. соч., с. 120.
- ⁵⁸ *Ивич М.* Статистика террористических актов, совершенных партией социалистов-революционеров (1902—1911). — В кн.: Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1914. Перепечатана в кн.: Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М., 1918.

⁵⁹ *Спирин Л. М.* Указ. соч., с. 300.

⁶⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 102.

⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 252.

⁶² Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг., т. 2. М., 1969, с. 28, 29; Русская мысль, 1914, кн. 6, с. 126.

⁶³ Советская историческая энциклопедия, т. 7, 1965, с. 702.

⁶⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

⁶⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 334.

⁶⁶ *Ушеревич Саул.* Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Изд. 2 (с предисловием М. Н. Гернета). Харьков, 1933, с. 492; *Гернет М. Н.* Смертная казнь. М., 1913, с. 98—99; Труды Юридического общества при С.-Петербургском университете, т. 4. СПб., 1912, с. 58; Современный мир, 1910, № 12, с. 84.

⁶⁷ Ссылные революционеры Сибири. Иркутск, 1973, с. 204, 213, 241.

⁶⁸ Журнал Министерства юстиции, 1915, № 10, с. 63—69.

⁶⁹ *Вентин А. Б.* Пятилетние итоги.—Современный мир, 1910, № 12, с. 82.

Заключение (с. 255—256)

¹ См. *Лейкина-Свирская В. Р.* Зарубежная историография о до-революционной интеллигенции России.—Историографический сборник, т. 4 (7). Саратов, 1978.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 199.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 167—168.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Адашев А. И. 195
 Айвазовский И. К. 158, 165
 Алябьев К. Н. (Незлобин) 187
 Амалицкий В. П. 88
 Андреев Л. Н. 126, 146
 Андреева М. Ф. 202
 Анненский Н. Ф. 137, 139, 141, 241, 243
 Анучин Д. Н. 93
 Арбузовы 98
 Аренский А. С. 211, 215
 Ариян П. Н. 17
 Арманд Инесса 241
 Арсеньев К. К. 136—138, 145
 Архипов А. Е. 171, 172
 Асенкова В. Н. 179
- Багаева Е. Ф. 158
 Багaley Д. И. 97
 Баженов В. И. 148
 Бакст Л. С. (Розенберг) 169, 200
 Балакирев М. А. 210
 Бальмонт К. Д. 146
 Бардин И. П. 38
 Баргольд В. В. 95
 Бахрушин А. А. 205
 Бахрушин А. П. 88
 Беггров А. К. 154
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 131
 Бейлис М. 83
 Бекетов Н. Н. 106, 109
 Белинский В. Г. 138, 183
 Белоусов И. А. 130, 143
 Беляев М. П. 211
 Бенуа А. Н. 157, 168, 169, 172, 200
- Беренштам В. В. 80, 137
 Беренштам М. В. 80
 Берман Я. Л. 83
 Бехтерев В. М. 23, 27, 50, 92, 104, 115
 Бецкой И. И. 147
 Билибин И. Я. 168, 200
 Бильбасов В. А. 135
 Блок А. А. 129, 199
 Блюменталь-Тамарина М. М. 189
 Боборыкин П. Д. 143, 194
 Боголюбов А. П. 165
 Богучарский В. Я. 146
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 104
 Бонч-Бруевич В. Д. 122, 127
 Борисов-Мусатов В. Э. 161, 171
 Бородай М. М. 187
 Бородин А. П. 210
 Брандес Георг 133
 Брюллов К. П. 153, 164, 170
 Брюсов В. Я. 129, 172
 Будилович А. С. 110, 111
 Бульгин А. Г. 235, 236
 Бунин И. А. 131
 Бунин Ю. А. 143
- Вазем Е. О. 181
 Варламов А. Е. 210
 Варламов К. А. 184, 190, 191
 Васильев П. В. 179, 183
 Васнецов А. М. 164
 Васнецов В. М. 162
 Васьковский Е. В. 114
 Вахтангов Е. Б. 199
 Вейнберг П. И. 194

* Раздел «Источники и литература» в указатель не включен.

- Вельяминов Н. А. 116
 Венецианов А. Г. 148, 153, 157
 Вентин А. Б. 253
 Вересаев В. В. (Смидович)
 51, 130—132
 Верещагин В. В. 150, 154, 163,
 165, 170
 Вернадский В. И. 5, 91, 97,
 117
 Веселовский Алексей Н. 194
 Вигель Ф. Ф. 179
 Вильямс В. Р. 20
 Внनावер М. М. 141, 244
 Витте С. Ю. 8, 36, 43, 162
 Водовозова М. И. 101, 121
 Волков Ф. Г. 178, 189, 205
 Волнухин С. М. 174
 Волькенштейн Ф. А. 80
 Вольф М. О. 120
 Вольфсон Д. Д. 72
 Вормс Рене 101
 Воровский В. В. 79, 83, 84,
 127, 146
 Воронихин А. Н. 148
 Врубель М. А. 149, 162, 163,
 168, 171, 172
 Высоцкий 72

 Гагарин А. Г. 108, 114, 115
 Гайдебуров П. П. 75, 191, 199
 Гамбаров Ю. С. 100
 Гаршин В. М. 146
 Гауптман Герхард 75, 199
 Ге Н. Н. 150, 155, 164
 Гернет М. Н. 76, 105
 Герцен А. И. 183
 Гершельман С. К. 171
 Гессен И. В. 141
 Гинцбург И. Я. 162
 Глазунов А. К. 211, 212, 214
 Глинка М. И. 211
 Глизр Р. М. 206
 Гнедич П. П. 136, 194
 Гнесины 215
 Гоголь Н. В. 126, 183
 Годунов Борис 200
 Головин А. Я. 164, 169, 173,
 200
 Головин Ф. А. 143
 Голубева О. Д. 124
 Голубкина А. С. 171, 174
 Гольденвейзер А. Б. 211, 216
 Гольцов В. М. 140
 Гомер 151
 Горбунов И. Ф. 205

 Горев Ф. П. 190
 Горелов Н. 182
 Горин-Горяинов Б. А. 184, 191
 Горький А. М. 74, 106, 120,
 125, 128, 131, 143, 146, 172,
 195, 199, 201
 Грабарь И. Э. 169
 Графтио Г. О. 98
 Гревс И. М. 25
 Гредескул Н. А. 236, 244
 Грибоедов А. С. 183
 Grimm Д. Д. 116
 Гришина З. В. 225
 Громан В. П. 223
 Гросс Ф. X. 45
 Грузенберг О. О. 81, 241
 Губкин И. М. 98
 Гуревич А. Я. 241
 Гурилев А. А. 210

 Давыдов В. Н. (Горелов) 182,
 187, 190, 193, 202
 Давыдов К. Ю. 212
 Далматов В. П. 190
 Дедюлин 45
 Делянов И. Д. 149
 Дени В. Н. 168
 Дийнега П. С. 72
 Дмитрий Донской 151
 Докучаев В. В. 20, 89, 91
 Доброва Л. В. 72
 Добужинский М. В. 168, 200
 Дриль Д. А. 92, 104
 Дугенцова Е. И. 72
 Дьяконов М. А. 25
 Дюков Н. Н. 187
 Дягилев С. П. 200

 Евреиннов Н. Н. 199
 Егоров А. И. 150
 Елисеев Г. З. 129, 138
 Елпатьевский С. Я. 35
 Ермолова М. Н. 163, 201
 Ершов И. В. 217
 Есипов П. П. 179

 Жадановский Б. П. 31
 Жевержеев Л. И. 205
 Жид Шарль 101
 Жуковский Н. Е. 12

 Забелин И. Е. 88
 Заболотный Д. К. 98
 Занчевский И. М. 114
 Зарубин В. И. 157

- Зарудный А. С. 80
 Заряно С. К. 148
 Засулич В. И. 146
 Захаров А. Д. 148
 Званцева Е. Н. 158
 Зеленский В. В. 109
 Зубов В. П. 169
- Ибсен Генрик 199
 Иванов А. Е. 110
 Иванов Андрей И. 148, 149
 Иванов С. В. 172, 174
 Иванова Е. А. 180
 Игумнов К. П. 211, 216
 Иоанн Грозный 151
 Ипполитов-Иванов М. М. 212, 215, 216
- Каляев И. П. 225
 Канкрин Е. Ф. 154
 Каратыгин П. А. 182, 192
 Кареев Н. И. 101, 103, 105, 112, 134, 244
 Карпенко-Карый И. К. 187
 Карпинский А. П. 90
 Карсавина Т. П. 200
 Касаткин Н. А. 172, 174
 Кассо Л. А. 115—116
 Катков М. Н. 172
 Кауфман К. П. 150
 Качалов В. И. 190, 191, 206
 Келен Тони 123
 Керзин А. М. 211
 Керзина М. С. 211
 Кизеветтер А. А. 105
 Кипренский О. А. 148
 Кирпичев В. Л. 13
 Кирпичников С. Д. 236, 239
 Клейнборт Л. Н. 38, 146
 Клеменц Д. А. 137
 Ключев И. С. 88
 Кнебель И. Н. 120
 Ковалевский М. М. 100, 101, 111
 Коваленский М. Н. 76
 Козловский М. И. 148
 Коллонтай А. М. 77
 Комаров В. Л. 102
 Комиссаржевская В. Ф. 184, 189, 190, 199, 201, 202, 206
 Комиссаржевский Ф. П. 194
 Кондаков С. Н. 159, 167
 Коненков С. Т. 153, 154, 158, 170
- Конон А. Ф. 76, 92, 144
 Коновалов Д. П. 107
 Кончаловский П. П. 168
 Корнилов А. А. 134
 Коровин К. А. 162, 164, 169, 171—173
 Коровин С. А. 172
 Коровяков Д. Д. 183, 194
 Короленко В. Г. 106, 128, 137, 138, 140, 141, 171
 Корсиков-Андреев С. А. 207
 Корчагина - Александровская Е. П. 189, 206
 Корш Ф. А. 133, 188, 190, 197
 Косицкая Л. П. 180
 Кочина П. Е. 98
 Кравец Т. П. 93
 Крамской И. Н. 161—163, 170
 Кранихфельд Вл. П. 134, 137, 198
 Краснов А. Н. 75
 Краснянский М. Б. 40
 Красовский А. А. 190
 Крачковский И. Ю. 90
 Кропивницкий М. Л. 187, 197
 Крути И. А. 188
 Крушеван П. А. 138
 Крылов А. Н. 14
 Кугель А. Р. 199
 Кузнецов П. В. 171
 Кузнецов С. Л. 190
 Куинджи А. И. 154, 164, 165, 170
 Куломзин А. Н. 96, 97
 Кусевицкий С. А. 217
 Кустодиев Б. М. 172
 Кюи Ц. А. 210, 211
- Ламанский В. И. 105, 106
 Лансере Е. Е. 168
 Лапницкий И. М. 217
 Лаппо-Данилевский А. С. 94, 140
 Лапшина Н. П. 173
 Лебедев В. В. 168
 Лебедев П. Н. 94, 95
 Левик С. Ю. 217
 Левитан И. И. 164, 171
 Леденцов Х. С. 94
 Лейкина-Свирская В. Р. 249
 Лейхтенбергский М. 149
 Лемке М. К. 121
 Ленин В. И. 30, 32, 33, 45, 73, 75, 101, 102, 121, 127, 129, 144, 175, 218, 219, 221, 222,

- 228, 229, 235—238, 245, 246,
248—250, 255, 256
- Ленская М. Г. 180
- Ленский А. П. 190, 191, 193,
198, 202, 204
- Леонидов Л. М. 190
- Леонов М. Л. 130
- Леонова Д. М. 194
- Лермонтов М. Ю. 145, 168
- Лесгафт П. Ф. 27, 32, 102, 106,
107, 112
- Лесевич В. В. 101
- Лесков Н. С. 126
- Линева Е. Э. 215
- Литвинов М. М. 127
- Ломшаков А. С. 244
- Лондон Джек 146
- Лопе де Вега Феликс 201
- Лосенко А. П. 148
- Лосский Н. О. 76, 112
- Лохвицкая-Скалон М. А. 27
- Лукашевич И. Д. 102
- Луначарский А. В. 83, 120, 127
- Лутугин Л. И. 44, 45, 107, 145,
239, 243
- Лучицкий И. В. 104
- Любомудров М. Н. 208
- Львов Н. Н. 157
- Лядов А. К. 211
- Ляпуновы 98
- Макаров А. И. 103
- Маклаков В. А. 80
- Маковский В. Е. 155
- Маковский Е. И. 156
- Маковский С. К. 169
- Малых М. А. 121
- Малышев М. Г. 176
- Малявин Ф. А. 171, 172
- Малянтович П. Н. 80, 81
- Мамин-Сибиряк Д. Н. 131
- Мамонтов С. И. 217
- Мамонтовы 154
- Манасеин В. А. 138
- Мандельштам М. Л. 80
- Мандельштам О. Э. 134
- Мануйлов А. А. 115
- Марджанов К. А. 199
- Марков А. А. 106, 109
- Маркс А. Ф. 120, 126
- Маркс Карл 122, 175
- Мартынов А. Е. 179, 183
- Матэ В. В. 168
- Машков В. Н. 158
- Медведев П. М. 186—188
- Медведева Н. М. 180, 203
- Мейерхольд В. Э. 195, 199
- Мекки, фон 154
- Мельгунов С. П. 129
- Менделеев Д. И. 13, 14, 86
- Менжинская В. Р. 241
- Мензбир М. А. 95, 115
- Мережковский Д. С. 129, 146
- Меркуров С. Д. 162
- Метерлиник Морис 199
- Мещерский В. П. 136
- Милославский Н. К. (Фриден-
берг) 187
- Миллюков П. Н. 137, 141, 220,
221, 234, 236, 237, 239, 243
- Миляев В. 130
- Минаков П. А. 115
- Михайлов А. А. 149
- Михайловский Н. К. 135, 136
- Мицкевич Адам 138
- Мицкевич С. И. 55, 222
- Молас Л. П. 158
- Молева Н. М. 170
- Молчанов А. Е. 205
- Моор Д. С. 168
- Морозов И. А. 167
- Морозов Н. А. 102, 148
- Морозов С. Т. 74, 198
- Морозова В. А. 220
- Морозовы 80, 154, 198
- Мочалов П. С. 138, 205
- Муравьев Н. К. 80
- Мурашко Н. И. 158
- Муромцев С. А. 105, 143
- Мусоргский М. П. 200, 210,
211
- Мякотин В. А. 103, 137, 139,
141, 241, 243
- Мясковский Н. Я. 211
- Мясоедов Г. Г. 164
- Надсон С. Я. 134
- Нарбут Г. И. 168
- Наровский А. А. 195
- Небогатов Н. И. 80
- Нежданова А. В. 217
- Немирович-Данченко Вл. И.
194, 198, 208
- Нерадовский П. И. 166
- Нестеров М. В. 162
- Нижинский В. Ф. 200
- Никитин В. В. 107
- Новорусский М. В. 102
- Новосельский Г. Н. 194

- Нувель В. Ф. 211
 Нурок А. П. 211
- Овсянников Ф. В. 109
 Огарев Н. П. 146
 Озаровский Ю. Э. 195
 Оленин А. Н. 148
 Ольденбург С. Ф. 95
 Ольминский М. С. 127
 Орбели 98
 Орбели Л. А. 102
 Островский А. Н. 75, 132, 180,
 183, 184, 192, 193
 Острогорский А. Я. 25
 Остроумова-Лебедева А. П. 168
 Остроухов И. С. 164, 169, 175
- Павленков Ф. Ф. 121
 Павлов И. П. 50, 107
 Павлова А. П. 200
 Пальм А. И. 185, 197
 Панина С. В. 74
 Парамонов Н. Е. 121
 Пастернак Л. О. 171
 Патон Е. О. 37
 Пергамент М. Я. 116
 Переверзев П. Н. 80
 Перестиани И. П. 185, 203
 Перов В. Г. 150, 156, 157
 Перцов П. П. 126
 Петгла М. М. 203
 Петражицкий Л. И. 11, 76, 92,
 244
 Петров В. Н. 173
 Петров Н. В. 195
 Петров Н. П. 42
 Петров-Водкин К. С. 171, 172
 Пешехонов А. В. 139, 145
 Пименов С. С. 149
 Пирогов Н. И. 52, 53
 Писарев М. И. 184, 190
 Писемский А. Ф. 183
 Пичета В. И. 76
 Плеве В. К. 80
 Победоносцев К. П. 201
 Покровский И. А. 116
 Покровский М. Н. 69
 Поленов В. Д. 151, 153, 155,
 171, 209
 Поллак Б. В. 215
 Полторацкий В. А. 25
 Поль А. Н. 89
 Помяловский Н. Г. 146
 Попов А. С. 14, 98, 113
 Попов И. И. 143
- Попова О. Н. 121, 131
 Поссе В. А. 76
 Прахов А. В. 150
 Прокофьев С. С. 211, 217
 Протасов П. Г. 180
 Прянишников Д. Н. 20, 21
 Пуришкевич В. М. 31
 Пушкин А. С. 137, 146, 167,
 168
 Пятницкий К. П. 131
 Пятницкий М. Е. 215
- Равикович Д. А. 89
 Радаков А. А. 168
 Радлов В. В. 95
 Радлов Н. Э. 168
 Радченко И. И. 248
 Раев Н. П. 25, 26
 Разумовский В. И. 54
 Рапгоф Е. П. 215
 Распопов В. Е. 121
 Рахманинов С. В. 206, 211
 Ремизов Н. В. 168
 Репин И. Е. 151, 153, 163, 164,
 172
 Рерих Н. К. 154, 157, 200
 Римский-Корсаков Н. А. 202,
 211, 212, 214
 Роберти Е. В. 100
 Рогожин Н. П. 124
 Родственная Л. А. 104
 Рожков Н. А. 69, 110
 Романов В. В. 226, 227
 Романовы (династия) 106, 200
 Александр I 146
 Александр II 149, 151
 Александр III 80, 93, 166
 Владимир Александрович, в.
 кн. 149, 171
 Елена Павловна, в. кн. 100,
 212
 Константин Николаевич, в.
 кн. 109, 212
 Мария Николаевна, в. кн.
 149
 Мария Павловна, в. кн. 149
 Мария Федоровна, имп. 26
 Николай I 149, 170, 191
 Николай II 93, 106, 135, 136,
 150, 191, 201, 235
 Сергей Александрович, в. кн.
 157
- Росси К. 166
 Ростан Эдмон 133

- Рубакин Н. А. 121, 137
 Рубинштейн Антон Г. 210, 212
 Рубинштейн Николай Г. 193—
 194, 210, 212
 Рубинштейны (ученые) 98
 Рындзюнский П. Г. 35
- Сабашников М. В. 120
 Сабашников С. В. 120
 Саблин В. М. 120
 Савина М. Г. 187, 189, 190,
 202, 203
 Савинкин Н. В. 108
 Савицкий К. А. 155
 Садовский М. К. 187
 Садовский П. М. 190, 194
 Садовский М. П. 206
 Сазонов Н. Ф. 190
 Саксаганский П. К. 187
 Салазкин С. С. 116
 Салтыков-Щедрин М. Е. 125,
 129, 138, 183
 Самарин И. В. 192
 Самойлова В. В. 194
 Сарьян М. С. 172
 Сверчков Д. Ф. 223, 234, 239
 Святополк-Мирский П. Д. 82
 Селиверстов Н. Д. 158
 Семевский В. И. 103
 Семеновы-Тяньшанские 98
 Семирадский Г. Г. 162
 Серафимович А. С. 131
 Сергеевич В. И. 106
 Серебрякова З. Е. 172
 Серов А. Н. 210
 Серов В. А. 162—164, 171, 172,
 175
 Сибиряков И. М. 102
 Синельников Н. Н. 187, 189,
 190
 Силягин Д. С. 139
 Скарская Н. Ф. 75, 199
 Скворцов Н. А. 143
 Скворцов-Степанов И. И. 62
 Скирмунт С. А. 142
 Скиталец (Петров С. Г.) 131
 Склифосовский Н. В. 53, 100
 Скобельцын В. В. 106
 Скочинский А. А. 98
 Скрябин А. Н. 211, 217
 Скрябин К. И. 22, 98
 Снессарев Н. В. 129
 Собинов Л. В. 217
 Соболевиков-Самарин Н. И.
 182, 188, 189, 204
- Сойкин П. П. 120
 Соколов Н. Д. 80, 81, 241
 Сологуб Ф. К. 146
 Сологуб Ф. Л. 194
 Соловцов Н. Н. 188
 Спасович В. Д. 92, 138
 Станиславский К. С. 74, 194,
 198, 199, 206, 208, 217
 Старицкий М. П. 187
 Старов И. Е. 148
 Стасов В. В. 149, 153, 162,
 169, 210
 Стоюнина М. Н. 25
 Стрепетова П. А. 180, 184, 187,
 189
 Стравинский И. В. 200, 211
 Строганов С. Г. 155
 Струве П. Б. 139
 Струве 98
 Струмилин С. Г. 14
 Ступин А. В. 148, 157, 158
 Суворин А. С. 38, 128, 138,
 195
 Сулержицкий А. А. 195
 Сумароков А. П. 178
 Сумбатов (Южин) А. И. 130,
 143, 191, 198, 204, 205
 Суриков В. И. 162
 Суриков И. З. 130
 Сухово-Кобылин А. В. 183
 Сухомлинов В. А. 32, 116
 Сыромятников Б. И. 76
 Сытии И. Д. 120
- Таиров А. Я. 199
 Танеев С. И. 205, 211, 212
 Тард Габрель 101
 Тарновский В. В. 89
 Тарновский Е. Н. 251
 Тарханов М. М. 190
 Телешов Н. Д. 131
 Теляковский В. А. 182, 193,
 216
 Тенишева М. К. 89
 Терпигорев А. М. 14, 41
 Тесленко Н. В. 80
 Тимирязев К. А. 20, 95, 104
 Тихомиров Д. И. 131
 Тихомирова Е. Н. 131
 Тихомиров Л. А. 136
 Толстой А. К. 199
 Толстой Д. А. 150
 Толстой И. И. 162
 Толстой Л. Н. 33, 128, 145,
 201

- Толстой Ф. П. 148
Трепов Д. Ф. 45, 113
Третьяков П. М. 154, 163, 166,
170, 172
Третьяков С. М. 166
Третьяковы 154, 163
Тропинин В. А. 149
Трутовский К. А. 164
Туган-Барановский М. И. 76
Тулупов Н. В. 66
Тургенев И. С. 125, 180, 183
- Ульянов Н. А. 124
Умов Н. А. 93—95
Уткин П. С. 171
Ушерович С. С. 250
- Фальборк Г. А. 72, 238
Фаминцын А. С. 76, 109, 138
Федор Иоаннович, царь 199
Федоров Е. С. 106
Федотов А. Ф. 194
Федотова Г. Н. 192
Фигнер В. Н. 102
Филиппов М. М. 136, 137
Фишер С. Н. 61
Фомин И. А. 173
Фортунатов А. Ф. 20, 105
Фортунатовы 98
Фриче В. М. 143
Фромметт Б. Р. 248
- Халютин С. В. 195
Хлопин Г. В. 50
Ходотов Н. Н. 191, 195, 202,
206
Хрусталева Носарь Г. С. 240
- Цветаев И. В. 167
Цеткин Клара 52
- Чайковский П. И. 211, 212
Чарнолуцкий В. И. 68, 238, 241
Чернов Д. К. 14
Чернышев Ф. Н. 90
Чехов А. П. 46, 65, 75, 106,
119, 126, 130, 136, 172, 184,
188, 199
Чехов Н. В. 6
Чехова М. А. 225
Чехонин С. В. 168
- Чистович Н. Я. 50
Чистовичи 98
Чистяков П. П. 153
Чуевский И. А. 117
Чуковский К. И. 146
Чупров А. И. 101
- Шалаяпин Ф. И. 74, 163, 181,
189, 200, 217
Шаняевский А. Л. 27, 104, 105,
117
Шателен М. А. 106, 114
Шахматов А. А. 72, 94, 106,
109, 140
Шверубович В. В. 198
Шевченко Т. Г. 89, 130
Шекспир Уильям 75
Шелапутин П. Т. 27
Шехтель Ф. О. 173, 174
Шимборский В. И. 72
Шишкин Н. Е. 216
Шишков М. А. 168
Шкулев Ф. С. 130
Шмаков А. С. 81
Шостаковский П. А. 215
Штернберг Л. Я. 88, 95
Штиглиц А. Л. 156, 161
Шубин Ф. И. 148
Шулейкин В. В. 12
- Шеголев П. Е. 146
Шедрин С. Ф. 148
Шепкин Е. Н. 115
Шепкин М. С. 183, 189, 198,
205
Шепкина-Куперник Т. Л. 133
Щербаков Н. Н. 251, 252
Щукин П. И. 88
Щукин С. И. 167
- Эйхвальд Э. Э. 100
Энгельс Фридрих 122
- Южаков С. Н. 96
Южин (см. Сумбатов-Южин)
Юон К. Ф. 158, 172
Юсуповы 154
- Яблочкина А. А. 130, 206
Яснопольский Л. Н. 107

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ — 3
1. РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ — 5
2. МАССОВЫЕ ПРОФЕССИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — 34
3. РАБОТНИКИ НАУКИ — 86
4. ЦЕХ ЛИТЕРАТУРЫ — 119
5. ХУДОЖНИКИ — 147
6. АКТЕРЫ. МУЗЫКАНТЫ — 178
7. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ — 218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ — 255
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА — 257
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН — 278

Лейкина-Свирская В. Р.

Л 42 Русская интеллигенция в 1900—1917 годах.— М.:
Мысль, 1981.— 285 с.
В пер.: 1 р. 20 к.

Настоящая книга доктора исторических наук В. Р. Лейкиной-Свирской является продолжением ее монографии «Интеллигенция в России во второй половине XIX века», выпущенной издательством «Мысль» в 1971 г. В этом историко-социологическом исследовании автор освещает процесс формирования и деятельность в начале XX столетия различных профессиональных групп интеллигенции, их численность, общественно-политические позиции, участие в той или иной форме в революционной борьбе. Становление всевозможных объединений художественно-артистической интеллигенции прослеживается начиная с середины предшествующего века.

Л $\frac{10604-088}{004(01)-81}$ —44-81

ББК 63.3(2)52
9(С)17

ИБ № 1214

Вера Ромаковна Лейкина-Свирская

**РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
в 1900—1917 годах**

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*
Редактор *Л. Д. Петров*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление художника *А. В. Львова*
Художественный редактор *И. А. Дутов*
Технический редактор *Н. Ф. Кубракова*
Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 23.12.80. Подписано в печать 25.09.81. А 02640. Формат 84×108^{1/32}. Бумата типографская № 1. Литературная гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 15,12. Учетно-издательских листов 16,46. 15,12 усл. кр.-отт. Тираж 17 000 экз. Заказ № 2294. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.